

Российская Академия Наук

Кольский научный центр
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина

Т.П. Скуфьина

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Апатиты
2016

УДК 332.01+332.1
Б24

Рецензенты:
д-р экон. наук **В.П. Самарина**,
канд. экон. наук **Е.Е. Торопушина**

Б24 Скуфьина, Т.П. Региональное развитие России в контексте макроэкономических движений / Т.П.Скуфьина – Апатиты: КНЦ РАН, 2016. – 126 с.

ISBN 978-5-91137-332-0

Монография посвящена представлению проблем регионального развития России в контексте глобальных и национальных движений. Тенденции социально-экономического развития России и ее регионов синхронизированы с глобальными ритмами и циклами. Подробно рассмотрены информационно-коммуникационные технологии в России во взаимосвязи с экономическими характеристиками регионов, а также с позиций соответствия мировым тенденциям. Феномен межрегиональной дифференциации социально-экономического пространства России рассмотрен как отражение глобальных движений и национальной политики. Отдельное внимание уделено вопросам развития российского Севера и Арктики в их сопряжении с мировыми и национальными приоритетами, тенденциями, особенностями.

Исследование выполнено в рамках работ над госзаданием ФГБУН ИЭП КНЦ РАН, а также над серией НИР, поддержанных грантами научных фондов. В частности, получили отражение вопросы, рассматривающиеся в исследованиях, поддержанных грантом РФФИ №16-06-00056 (параграф 1.1), а так же грантами РГНФ №14-02-00128 (параграфы 1.2-1.4, 4.1,4.2), № 16-32-00019 (параграф 3.3), №15-02-00127 (глава 2), РГНФ и Правительства Мурманской области № 16-12-51004 (параграфы 3.1, 3.2, 4.1).

Монография рассчитана на широкий круг специалистов, включая научных работников, преподавателей высших и средних специальных учебных заведений, а также рекомендована аспирантам по специальностям 08.00.01, 08.00.05, 08.00.13.

ISBN 978-5-91137-332-0

© Скуфьина Т.П., 2016
© ФГБУН Институт экономических проблем
им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, 2016
© ФГБУН Кольский научный центр РАН, 2016

Russian Academy of Sciences

Kola Science Centre

G.P. Luzin Institute for Economic Studies

T.P. Skufina

**REGIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA
IN THE CONTEXT OF MACROECONOMIC MOVEMENTS**

Apatity
2016

UDC 332.01+332.1
B24

Reviewers:

V.P.Samarina, Doctor of Economic Sciences;

E.E.Toropushina, PhD (Economics)

B24 **Skufina, T.P.** Regional Development of Russia in the Context of Macroeconomic Movements / T.P.Skufina – Apatity: KSC RAS, 2016. – 126 p.

ISBN 978-5-91137-332-0

The monograph is devoted to presenting challenges of regional development of Russia in the context of global and national movements. The trends in socio-economic development of Russia and its regions are synchronized with global rhythms and cycles. The information and communication technologies in Russia in connection with the economic characteristics of the regions, as well as from the standpoint of compliance with the global trends are investigated in details. The phenomenon of inter-regional differentiation of socio-economic space of Russia is considered as a reflection of global movements and the national policy. A special attention is paid to the development of the Russian North and the Arctic in conjunction with the global and national priorities, trends, and specificities.

The study is fulfilled within the regular research work of IES KSC RAS as well as a series of R&D supported by grants of scientific foundations. In particular, the issues considered in research work supported by RFBR grant No.16-06-00056 (paragraph 1.1) as well as RFH grants No.14-02-00128 (paragraphs 1.2-1.4, 4.1,4.2), No.16-32-00019 (paragraph 3.3), No.15-02-00127 (chapter 2), and grant of the Government of the Murmansk region No.16-12-51004 (paragraphs 3.1, 3.2, 4.1).

The monograph is intended for a wide range of specialists, including researchers, lecturers of higher and secondary specialized educational institutions, and is also recommended for post-graduate students on specialties 08.00.01, 08.00.05, 08.00.13.

ISBN 978-5-91137-332-0

© Skufina T.P., 2016

© Luzin Institute for Economic Studies,
KSC of RAS 2016

© Kola Science Centre of RAS, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Несомненная актуальность рассмотрения регионального социально-экономического развития России в контексте макроэкономических движений диктуется целой серией обстоятельств. Во-первых, усилением воздействия внешней среды на национальную экономику и региональные воспроизводственные процессы. Во-вторых, необходимостью теоретического осмысления современных региональных процессов через призму глобальных и национальных трансформаций. В-третьих, современной потребностью управления во взвешенных и обоснованных предложениях по специфике территориального и макроэкономического развития.

Все эти обстоятельства требуют не только многогранного рассмотрения на основе общепризнанных классических концепций, но и осмысления отечественными учеными и выработке собственных представлений о проблемах и тенденциях глобальных, национальных, региональных. Поясним. Конечно, современное развитие экономической теории и ее практических аспектов представляет собой преимущественно англо-американизированные концепты и конструкты. Глобальная и, в значительной мере, национальные системы общественных и управленческих отношений являются как источником, так и результатом этих концепций. При этом значимая часть экономической теории, сформированной и обслуживающей интересы развитых стран, является продуктом экспорта для развивающихся стран – достаточно вспомнить теорию устойчивого развития, либерализации экономики, методологию и практику «вашингтонского консенсуса» и т.д. Поэтому, описывая направленность трансформационных, включая модернизационные процессы, многие, в том числе и российские, авторы становятся на путь «вестернизации», то есть универсальности развития, основанного на «классических» западных рецептах.

Вышесказанное определяет актуальность и недостаточную разработанность фундаментальной задачи - исследования роли глобальной и национальной специфики в формировании тенденций, трансформаций и перспективных вариантов регионального развития. Поэтому значима теоретическая часть нашего исследования, базирующаяся на обобщении и объяснении реальных социально-экономических региональных процессов России, соотнесенных с макроэкономическими движениями. При этом наше теоретическое объяснение этих процессов основано не только на общепризнанных в настоящее время многогранных концепциях, но содержит дискуссии и споры. Т.е. исследование включает не только то, что объединяет всех экономистов мира, но что сталкивает их и движет науку дальше.

В этой связи представляет интерес рассмотрение трансформационных процессов регионов России через глобальные ритмы экономической динамики, результаты которого представлены в *первой главе монографии*. Постановка такой задачи несет определенную новизну и трудности, поскольку слишком многие движения, слишком многие интересы и теории описывают трансформации регионального, национального, глобального уровней. И наша задача – не отбросить «лишние» теории, а критически переработать теоретико-методологический пласт представлений с тем, чтобы получить обобщенное фундаментальное знание. Это знание должно быть максимально свободно от идеологических воззрений,

национальных пристрастий и интересов, охватывая не только короткие современные отрезки наблюдений, но и долговременные трансформационные процессы. Только такое знание может являться основанием для разработки и сопровождения управленческих решений в политике и практике территориального развития.

Для упорядочения теоретических воззрений мы рассматриваем возможные подходы к исследованию социально-экономических процессов, классифицированных по формам движения систем – поступательный, циклически-волновой типы движений. Особое внимание посвящается феномену синхронизации социально-экономических явлений и процессов. «Синхронизация - временная упорядоченность, согласованность процессов и событий, локализованных в разных местах, - имеет принципиальное значение для понимания глобальных процессов, поскольку в этой синхронизации проявляется единство, присущее историческому развитию, и поскольку она задает саму структуру глобальной истории. Синхронизация означает наличие разнообразных (явных или, неявных) связей и взаимодействий между различными, в том числе весьма отдаленными друг от друга частями мира. Кроме того, синхронизация событий и процессов в разных точках пространства является необходимым условием возникновения волн изменений в социуме или Мегасоциуме. Собственно говоря, любая волна представляет собой согласованное движение или изменение определенных параметров среды в разных ее точках» (В.И. Пантин). С этих позиций синхронизация рассматривается нами не как метафора, объясняющая суть региональных и макроэкономических трансформаций, а именно как аксиома всеобщего развития, а так же принцип познания региональных и макроэкономических движений.

Разработанный нами методологический подход, учитывающий сопряженность региональных процессов с общемировыми движениями, дает возможность нового прочтения региональных трансформаций России с позиций циклически-волнового подхода с учетом принципа синхронизации. Такое прочтение важно с позиций понимания движущих сил трансформаций, позволяет увидеть варианты будущего и избежать трагических ошибок при формировании образа будущего, его закрепления в формальных программах и планах территориального развития.

Как было определено, движущей силой глобальных трансформаций являются информационно-коммуникационные технологии. Соответственно, фундаментальной проблемой управления в России является формирование инновационной системы хозяйствования как центрального звена и инструмента принципиальной перестройки экономики добывающего типа. Очевидная сложность разрешения противоречия между добывающим характером экономики и организацией экономических отношений инновационной модели порождает актуальность исследований, направленных на решение конкретных задач инновационного движения, учитывающих реальные факторы экономического развития России. Одной из важнейших и достижимых задач в рамках решения этой проблемы является оценка перспективных направлений развития информационно-коммуникационных технологий в региональном пространстве с учетом факторов экономического развития. Поэтому *вторая глава монографии* посвящена выявлению фундаментальных закономерностей и тенденций развития информационно-коммуникационных технологий в макроэкономическом и региональном пространстве России, а также вопросам государственного регулирования этого важнейшего сектора экономики.

В работе игнорируется нескончаемая дискуссия теоретического, нередко чисто философского, толка о том, что на самом деле несут информационно-коммуникационные технологии странам, традиционно являющимся добывающими, а так же странам, не являющимся основным производителем информационно-коммуникационных технологий. В монографии обсуждаются более конкретные проблемы развития и регулирования этого комплекса. В частности, обсуждаются проблемы легализации программного обеспечения, рассматриваются варианты альтернативного развития информационно-коммуникационных технологий в России, обсуждаются выявленные в процессе авторского анализа действительно новые факты информатизации регионов Российской Федерации. Особое внимание посвящено выявлению фундаментальных зависимостей между развитием информационно-коммуникационных технологий и уровнем экономического развития регионального пространства России, а так же вопросам – насколько уровень развития информационно-коммуникационных технологий определяет экономические результаты функционирования субъектов РФ. Такой подход позволяет определить формализованными методами перспективные «ниши» управления развитием ИКТ, что максимально возможно устраняет субъективную составляющую авторских рекомендаций.

Особую актуальность в контексте рассмотрения сопряженности макроэкономических и региональных движений имеет проблема асимметричности пространственного развития, рассматриваемая *в третьей главе монографии*. Проблема в ее очевидной фундаментальности заключается в неизбежности противоречия между объективными общественными процессами, закономерно приводящими к росту социально-экономических отличий любых территориальных объектов, и задачами управления территориальным развитием любого уровня, состоящими в сокращении различий, в недопущении такого уровня различий, которые способны нарушить стабильность социально-экономических процессов. То есть, суть проблемы - векторы объективных общественных процессов и управления разнонаправлены.

Кратко поясним. Объективный характер общественных процессов, инициирующий рост социально-экономической дифференциации, определяется фундаментальным свойством ограниченности ресурсов. Поэтому развитые территории (страны, регионы, муниципалитеты, неважно, любые конкурирующие за ресурсы территории) в процессе перераспределения этих ограниченных ресурсов на правах более сильного партнера, еще более увеличивают свои ресурсы за счет сокращения ресурсов в слабой группе, что еще усиливает неравенство, воспроизводит его. Задачи управления пространственного развития направлены на снижение социально-экономической асимметрии территорий. Так, в материалах Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (Organisation for Economic Cooperation and Development – OECD), обобщающих теорию и практику управления, отмечается, что основной целью государственного регулирования является сведение к минимуму неравенств, которые потенциально способны привести к социальной напряженности и конфликтам, мешают сбалансированному и эффективному развитию экономики и социальной сферы.

Эта противоречивость не разрешима на теоретическом уровне, поэтому значительное место в работе уделяется количественным оценкам феномена неравномерности социально-экономического регионального пространства

России. Отдельно выделена проблема дифференциации регионов Севера. Связано с тем, что традиционно зона Севера и Арктики считается особым объектом государственного регулирования. Действительно, для этой зоны присутствие государства в социально-экономической реальности всегда особенно значимо. В этой связи выявление динамики дифференциации и сравнительных позиций северных регионов представляет отдельный интерес.

Именно со значимостью Севера и Арктики и повышенной чувствительности социально-экономического пространства Севера и Арктики связано появление *четвертой главы*, непосредственно посвященной этим территориям. Здесь рассматриваются и тенденции, и перспективы, и варианты развития Севера и Арктики.

Полагаем, что последовательное рассмотрение регионального развития России в контексте макроэкономических движений углубляет теоретические представления об объективных предпосылках, направлениях, механизмах формирования асимметричности социально-экономического пространства РФ, определяет действительные факторы, причины, возможности и перспективы формирования системы сбалансированного развития субъектов РФ в новых экономических условиях.

Значимость и многоаспектность этой задачи подтверждается комплексным использованием результатов исследований сразу по нескольким научным работам, выполнявшимся, как в рамках госзадания ФГБУН ИЭП КНЦ РАН, так и поддержанных грантами научных фондов. В частности, получили отражение вопросы, рассматривающиеся в исследованиях, поддержанных грантом РФФИ №16-06-00056 (параграф 1.1), а так же грантами РГНФ №14-02-00128 (параграфы 1.2-1.4, 4.1,4.2), № 16-32-00019 (параграф 3.3), №15-02-00127 (глава 2), грантом РГНФ и Правительства Мурманской области № 16-12-51004 (параграфы 3.1, 3.2, 4.1).

Глава 1. РЕГИОНЫ РОССИИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ РИТМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

1.1. Подходы к исследованию макроэкономических и региональных движений: специфика, возможности, ограничения

При исследовании и регулировании социально-экономических систем как региональных, так и макроэкономических, исследователь и управленец имеет дело с четырьмя видами объектов: природными телами и процессами; объектами, которые возникают в результате деятельности людей; деятельностью людей как биологических существ; общественной деятельностью людей. Объекты изучения и управления в макроэкономике и региональной экономике предполагают установление фактов, относящихся ко всем четырем видам объектов. Сложность этой системы неизбежно предполагает использование многообразных представлений о характере социально-экономического развития. Следовательно, существуют и разные теоретико-методологические подходы к исследованию.

Мы предлагаем различные способы описания и интерпретации развития социально-экономических систем свести к трем подходам применительно к исследованию региональных процессов.

Согласно первому из них, в региональном развитии доминирует поступательный тип движения. Поступательность как форма социально-экономического развития означает в данном случае последовательное усложнение, повышение организованности рассматриваемой системы (макроэкономической или региональной), усиление ее взаимосвязей с внешними системами, а также совершенствование регулирования процессов, протекающих внутри самой системы.

В большинстве исследований, использующих данный подход, предполагается, что усложнение региональной системы может сопровождаться регрессивным движением некоторых ее составных частей. Однако в результате преобразований эта система как целое необратимо переходит на новый, более прогрессивный уровень развития. При этом исследователями не отрицается возможность регресса системы в целом, но этот переход рассматривается как исключение, как результат «неправильного» развития. Поэтому содержание понятий «социально-экономическое развитие», «развитие макроэкономики», «региональное развитие» раскрывается на основе таких категорий, как прогресс, модернизация. Соответственно и социально-экономическое развитие территорий связывается с ростом уровня доходов на душу населения, повышением качества жизни, увеличением ВРП и т.д.

Исследования, основанные на поступательном характере регионального развития, бесспорно, отражают определенные, реально существующие тенденции. Так, в рамках этого подхода была определена трансграничная сущность современного региона [234, С. 3-11], приводящая к укреплению его позиций как внутри страны, так и в глобальной экономической системе. Именно это установленное усиление роли регионов в современном мире дает нам основание рассматривать их как субъекты не только региональной или национальной экономической политики, но и глобальных, международных отношений. Подтверждением этой позиции является то, что в последние годы стали определять значение регионов по их «включенности» в глобальные экономические процессы [133, 136, 141, 165, 235, 243].

На основе соотнесения специфических черт трансграничного региона с фактами развития территориальных объединений рядом исследователей определено заметное усложнение процессов самоорганизации территорий в России. Очевидно, это вызвано как внутренними факторами, связанными с кардинальным изменением роли, значения и функций регионов в условиях формирования рыночной экономики, так и внешними, обусловленными процессами глобализации.

Сущность исследований в рамках поступательных представлений о движении социально-экономических систем. Анализ научных работ, затрагивающих вопросы влияния глобализации на региональное развитие, свидетельствует о том, что они рассматриваются в рамках поступательного движения регионов. Основное внимание в исследованиях уделяется вопросам приграничного сотрудничества [86, С. 60-61; 249, С. 63-64], совместного решения экологических проблем [17, 174, 179, 239, 240, 278, 279], информационной и транспортной инфраструктуры, позволяющей активно перемещать товары и людские ресурсы [4, 11, 19, 256]. С точки зрения экономики, как правило, основной мыслью является либерализация существующей системы обмена между Россией и другими странами, заключающаяся, в первую очередь, в снятии избыточных барьеров, препятствующих более свободному межстрановому движению товаров и людских ресурсов [100, 250].

В силу внешнеэкономических обстоятельств задачи, меняются до прямо противоположных. Так, в условиях введения санкций в связи с украинскими событиями 2014 г. задачей стало взаимное ограничение от проникновения товаров и услуг со стороны стран-участников санкций. Но в обоих случаях, особенности влияния глобализации на территориальное развитие рассматриваются обычно не применительно ко всем субъектам Российской Федерации, а с точки зрения развития приграничных или экспортно-ориентированных добывающих регионов. Очевидно, что это порождает фрагментарность полученных данных по исследованию проблемы влияния глобализации на региональное развитие.

Следует отметить, что рассмотрение этих данных в рамках представлений о линейном характере процессов модернизации мировой хозяйственной системы, характерных для 1950-1970-х годов (Медоуз, Рид, Тоффлер, Арнольд), логически приводит исследователей к концептуальным установкам развития территорий, носящим явный характер экوفобии.

Утверждение экологически ориентированных параметров в качестве определяющих при оценке состояния территории, безусловно, отражает интересы любого региона [240]. Однако с точки зрения логики постулирование единых стандартов развития заставляет усомниться в том, что модель исключительно поступательного развития действительно может описать особенности развития сложных социально-экономических систем. На наш взгляд, это является проблемой, характерной для данного подхода. Она связана с тем, что линейный характер движения предполагает экстраполяцию существующих тенденций в будущее и, следовательно, провоцирует исследователя на определение некоего «магистрального» пути развития.

Установленные в рамках прогрессивно-поступательного подхода «единственно верные» направления и критерии социально-экономического прогресса регионов, по нашему мнению, особенно негативное влияние оказывают на регулирование регионального развития. Например, постулирование

неолиберальной модели, ориентированной на силы саморазвития субъектов Российской Федерации, не учитывает многообразия возможностей и ограничений прогрессивного развития разных территорий. Наши исследования и работы других регионов это неоднократно демонстрировали.

Мы считаем, что усложнение и поступательное развитие региональной социально-экономической системы – это реально существующая тенденция. Но все многообразие и вся сложность территориального развития не исчерпывается только этой, пусть и значимой тенденцией. Отсюда следует неизбежность возникновения и использования в научных исследованиях других подходов к пониманию сущности и характера социально-экономического развития.

Сущность исследований в рамках циклически-волновых представлений о движении социально-экономических систем. Второй подход к описанию и интерпретации развития региональных систем основывается на представлениях о циклически-волновом типе движения общества и экономики.

Понятия «цикл» и «волна» социально-экономического развития полисемичны.

В ряде обобщающих теоретических исследований по моделированию циклических процессов [122, С. 22-23; 124, С. 123-126] отмечается многозначность термина «цикл». В частности, обозначается разграничение понятий и, соответственно, концепций «замкнутого» и «эволюционного» цикла («спирального»).

Поскольку в моделях социально-экономического развития по спирали переход на каждый новый виток означает качественно новую ступень развития, то новое положение системы дает возможность идентифицировать ее как уже другую систему. Поэтому термин «цикл» можно определить как развитие системы от зарождения до ее гибели. Следовательно, на наш взгляд, возможно концепции замкнутого и эволюционного циклов определить как единый подход к исследованию региональных процессов.

В естественных науках под «волной» понимаются регулярно воспроизводящиеся колебательные движения физической среды или поля [122, С. 24]. Несколько иная интерпретация этого термина присутствует в экономических и социальных исследованиях. Чаще всего, под «волной» подразумевается упорядоченное распространение экономических или социальных возмущений (изменений) в социально-экономической среде, которое приводит систему в подобное, но не тождественное состояние [см., например: 84, С. 18; 106, С. 108; 122, С. 25].

В рамках такой трактовки волновые и циклические представления имеют много общего. Так, в процессе развития социально-экономическая система, по сути, представляет волну изменений, которые возвращают систему в аналогичное состояние, но не идентичное начальному. Следовательно, это сходство представлений позволяет нам считать циклический и волновой подход к исследованию региональных систем единым циклически-волновым подходом.

О целесообразности такого объединения говорит единство циклических и волновых представлений в концепции длинных волн мировой конъюнктуры (кондратьевские циклы), которые, как считается, во многом определяют особенности регионального развития стран. В связи с этим иллюстративным представляется высказывание Н.Д. Кондратьева, приведенное в исследовании В.И. Пантина: «Не следует забывать, что реально мы имеем единый динамический процесс народохозяйственной жизни, и лишь в процессе

научного анализа мы можем разложить его на необратимые тенденции и обратимые колебательные процессы» [цит. по кн.: 122, С. 32].

Циклически-волновой подход к пониманию развития системы любого уровня (общемировой, государственной, региональной, предприятия) не отрицает поступательного типа развития. Но этот тип рассматривается только как направление движения системы в рамках одного витка, в пределах которого его векторы меняются. Именно поэтому применение этого подхода в макроэкономических и региональных исследованиях позволяет определить существенно больше альтернатив и множественность вариантов развития по сравнению с прогрессивно-поступательными представлениями о территориальном движении.

Необходимо подчеркнуть, что циклы и волны развития региональных систем – это не просто общенаучный подход к их изучению, но и реально существующие явления. Об этом свидетельствует описание и учет в ряде не только теоретических, но и практических работ по экономике деловых циклов, циклов потребления населением товаров и т.д. [см., например: 126].

Большое значение для региональных исследований имеет также широкое распространение представлений о волнах и циклах социальной и экономической динамики общемировой системы (волны Н. Кондратьева, Ф. Клиберга, Дж. Намервирса). Учет данных явлений позволяет исследователям акцентировать внимание на наиболее общих закономерностях развития территорий: связь прогрессивных и негативных тенденций регионального развития с циклическим характером развития мировой экономики, соответствие производительных сил субъектов России развитию нового технологического уклада и т.д. [см., например: 56, 57].

Однако, при учете в теоретических и практических исследованиях явления периодичности, упускается понимание сущности понятия «регионального развития» в рамках циклически-волнового подхода к исследованию. Суть этого понятия принципиально отличается от его понимания в рамках прогрессивно-поступательных воззрений на характер регионального движения.

В частности, в ряде работ отмечается, что революционный переход на качественно иной уровень развития регионов является следствием накопления положительных тенденций предшествующего витка развития, а периоды деградации - это всего лишь временные нарушения целенаправленно-прогрессивного развития системы в целом. Именно поэтому нередко процессы сильнейшей дестабилизации социально-экономического развития ряда российских регионов представляют как следствие ошибок государственного регулирования. При этом подразумевается, что эти промахи неминуемо преодолеваются дальнейшим неизбежным совершенствованием системы государственного регулирования. Фактически отрицается возможность деградации региональной системы страны в целом в условиях стабильной неустойчивости развития, множественности целей регулирования и т.д.

По нашему мнению, смысловое наполнение понятия «региональное развитие» в рамках циклически-волнового подхода должно учитывать логику и факторы динамики социально-экономических систем. В частности, в рамках этого подхода возникает более сложное понимание соотношения прогресса и деградации в развитии региональных систем.

Так, обобщение представлений И. Пригожина, И. Стенгерса [128, С. 24-80], П. Парето [124, С. 143-144], В. Пантина [122, С. 24-35] позволяет

установить, что прогресс и деградация эволюционирующей системы тесно связаны между собой. Для исследования региональных систем это означает не только теснейшую связь порядка и хаоса в каждый момент их развития, но и то, что в зависимости от фазы или витка эволюционного цикла характеристики прогресса и деградации существенно меняются. При этом то, что в одном цикле выглядело как процесс социально-экономической деградации, в другом – является прогрессивной тенденцией регионального развития.

В свете вышесказанного, мы можем утверждать, что региональное развитие не обязательно подразумевает прогрессивные изменения социально-экономической среды регионов, на чем настаивает ряд исследователей. Мы определяем термин «региональное развитие» как любые, не обязательно прогрессивные, изменения экономических и социальных региональных компонентов в соответствии с научно-техническим прогрессом, возрастающей межрегиональной и межстрановой конкуренцией, растущими социальными требованиями населения.

С точки зрения диалектики теснейшая связь, взаимозависимость и взаимообусловленность прогресса и регресса это не что иное, как отражение закона единства и борьбы противоположностей, в результате которой накапливаются количественные изменения, переводящие систему на качественно иной виток развития, а сам этот переход и неизбежность последующего витка отрицают предшествующий и настоящий сценарий развития. Следовательно, циклически-волновой подход к исследованию, в том числе и региональных процессов, находится в рамках общих законов развития природы и общества.

Вместе с тем применение этого подхода к исследованию региональных систем позволяет выделить многообразие механизмов и множественность направлений, лежащих в основе их развития, синтезировать результаты исследований в рамках прогрессивно-поступательных и циклически-волновых представлений. В этой связи представляется необходимым более подробно рассмотреть содержание и основные факторы возникновения циклов и волн развития социально-экономических систем и сформулировать выводы, представляющие интерес для исследования процессов регионального развития.

Многочисленные модели циклически-волновой динамики устанавливают, что факторы, обуславливающие рекуррентный повтор одних и тех же состояний, могут носить внешний (экзогенный) и внутренний (эндогенный) характер.

Среди внешних факторов, инициирующих социально-экономические изменения и их возвращение в аналогичное состояние, чаще всего называют смену времен года, солнечную активность, влияние космических сил, колебания урожайности сельскохозяйственных культур, войны, социальные конфликты, смену поколений и т.д. [50; 52; 124, С. 138-143]. Большинство исследователей (А. Чижевский, Д. Святский, Л. Гумилев и др.) считают, что именно внешние факторы определяют переход социально-экономической системы на качественно иной уровень, в другой виток развития.

Часть теоретиков (А.Дж. Тойнби, Ф. Бродель) полагает, что помимо внешних толчков, которые возникают с периодической неизбежностью, существенное влияние на характер сдвигов социально-экономической системы оказывает и ее внутреннее состояние. Общей схемой циклически-волнового развития считается следующая: «Природно-демографические вызовы, с которыми сталкивается общество, порождают технологические сдвиги, которые

влекут за собой культурные и социальные изменения. В результате меняются не только внешние, но и внутренние условия существования и развития системы, которая ... переходит в новое состояние, усложняется» [122, С. 48].

Эту общую схему следует соотнести с объективно существующим всеобщим принципом Ле Шателье - любая система находит в себе силы для сопротивления внешним воздействиям, в результате чего изменяется внутренняя структура системы. Именно поэтому усложнение системы не может быть длительным, поскольку она реагирует на внешние изменения и «включает» механизмы, препятствующие экзогенным воздействиям.

Общие представления о характере циклически-волновых процессов позволяют нам: 1) в ином ракурсе увидеть влияние глобализации на эволюцию субъектов Российской Федерации; 2) сформулировать тезисы, имеющие существенное значение для исследования процессов регионального развития.

Во-первых, неизбежное усложнение региональной системы под воздействием внешних факторов не может быть непрерывным и, как правило, сколько-нибудь длительным.

Во-вторых, значительные изменения структуры региональной системы, усложнения взаимодействий и углубление взаимозависимостей ее элементов указывают на усиление воздействия внешних макроэкономических процессов (как глобального, так и национального свойства).

В-третьих, существенная модификация взаимозависимостей элементов региональной системы и связей с внешней средой свидетельствует о внутренней слабости, ее малой способности сопротивляться глобальным воздействиям.

С этих позиций установленные в рамках поступательного подхода общеизвестные особенности развития субъектов РФ, позволяют выделить два значимых момента для исследования региональных процессов.

Первый из них заключается в следующем. Существенные преобразования региональных систем свидетельствуют о том, что потенциал реагирования, внутреннего сопротивления субъектов глобальным процессам невелик. Это указывает также на усиление воздействия мировых экономических процессов на территориальное развитие. Следовательно, стихийное воздействие экзогенных процессов на регионы должно быть частично погашено взвешенной региональной политикой. Эта политика должна учитывать различия каждого субъекта (начиная от климатических особенностей до характера экономического уклада) и их готовность к унификации экономической жизни с общемировыми стандартами.

Второй связан с тем, что объективно происходящие процессы усиления взаимозависимости в экономике России, реализуемые на разном уровне (государство, регион, муниципальное образование, предприятие), свидетельствуют об усложнении процессов социально-экономического развития в стране в целом. Согласно общим представлениям циклически-волнового подхода к научному исследованию известно, что «чем больше усложняется общество, тем больше возрастает для него риск различного рода сбоев, социальной деградации и дезинтеграции и тем большее число разнообразных ритмов и волн сопровождает его развитие» [122, С. 48]. К этой цитате следует добавить, что усложнение является и положительной чертой развития, чем сложнее общественные отношения, тем более развитым является общество. По нашему мнению, для российских регионов это означает близость точки фазового перехода на иной

виток развития. В настоящем исследовании показано, что этот фазовый переход является переходом на более высокую степень развития.

Но одновременно, с позиций теории систем отметим, что в общем смысле, эта критическая точка (в терминах Э. Ласло «точка бифуркации») представляет повышенную угрозу для регионов не только в связи с аномальными значениями ряда параметров регионального развития, но и в связи с непредсказуемостью поведения системы. Как показывают исследования, в том числе и авторские, прогнозирование результатов регулирующих воздействий на социально-экономическое развитие региональной системы крайне осложнено свойствами странных аттракторов – чувствительностью к начальным данным [101, С. 8]. Подразумевается, что самое малое событие, не учитываемое исследователем или управленцем, может спровоцировать нарастание дестабилизационных процессов.

Отметим, что мы полностью солидарны с воззрениями большинства приверженцев циклически-волнового подхода к исследованию, утверждающих, что переход системы в качественно иное состояние (или ее гибель) определяется в первую очередь внешним воздействием. Но это утверждение не противоречит тому, что роль «спускового крючка» может сыграть эндогенное событие.

Таким образом, эти два момента подводят нас к идее о неустранимой и усиливающейся взаимозависимости внешних и внутренних процессов регионального развития. При этом циклически-волновые модели социально-экономического и политического развития свидетельствуют, что движение и сдвиги в иную фазу развития региональной системы могут определяться не только социально-экономическими факторами, но и природными, и биологическими, и т.д. Следовательно, мы подходим к необходимости введения в макроэкономику и региональную экономику учения о всеединстве.

В.С. Соловьев, характеризуя нерушимую и всеединую целостность мира, отмечал: «Все эти части в настоящее время, несмотря на вражду национальную, религиозную и сословную, живут одной общей жизнью в силу той фактической неустранимой связи, которая выражается, во-первых, в знании их друг о друге, какого не было в древности и в средние века; во-вторых, в непрерывных сношениях политических, научных, торговых и, наконец, в том невольном экономическом взаимодействии, благодаря которому какой-нибудь промышленный кризис в США немедленно отражается в Манчестере и Калькутте, в Москве и Египте» [236, С. 410-411]. По словам В.И. Пантина, «подобные взаимодействия и связи охватывают... не только все социальные системы, все человечество, но и весь постигаемый человеческим разумом мир...» [122, С. 50].

Однако в методологическом плане эти представления порождают для исследователя проблем макроэкономических и региональных значительные трудности. Это связано со следующими обстоятельствами:

1) необходимость учета поведения огромного множества подсистем, различного рода и сложности структур, находящихся как внутри региональной системы, так и вне ее;

2) практически полное незнание причин, вызывающих внешние и внутренние толчки, которые переводят региональную систему на качественно иной уровень развития. Подразумевается, что природу периодичности с исчерпывающей полнотой не объясняют ни космические теории цикличности, ни модели смены поколений, ни циклы борьбы за мировое лидерство и пр.

Поскольку в региональной экономике данные трудности не разрешены, обратимся к опыту исследования социального и экономического развития в рамках других научных дисциплин.

В своей книге «Волны и циклы социального развития» В.И. Пантин пишет: «...реализация социальных и иных сдвигов в общественной системе невозможна без высокой синхронизации, временной согласованности различных процессов, протекающих как внутри этой сложной системы, так и за ее пределами. Именно синхронизация обеспечивает необходимую для осуществления масштабного социального сдвига готовность всей системы к изменениям, именно способность к синхронизации отличает успешно развивающиеся социальные системы» [122, С. 48].

Очевидно, что подобного рода представления формируют новый ракурс рассмотрения проблем субъектов Российской Федерации, а также позволяют, на наш взгляд, более адекватно отобразить российскую специфику регионального развития. В связи с этим имеет смысл не только подробнее рассмотреть значение синхронизации внешних и внутренних социально-экономических процессов для развития региональных систем, но и сформировать новый подход к их изучению. Назовем его «циклически-волновой подход, учитывающий явление синхронизации эндо- и экзогенных процессов, влияющих на региональное развитие».

Сущность и учет явления синхронизации в рамках циклически-волновых представлений о движении социально-экономических систем. Прежде чем обратиться к сущности и императивам, образующим явление синхронизации внешних и внутренних процессов, результирующих характер регионального развития, необходимо рассмотреть предполагаемое возражение против предложенного подхода к исследованию.

Критика исследований, использующих учет явления синхронизации, а также циклически-волновых представлений об историческом, социокультурном, социально-экономическом развитии общества, как правило, заключается в абсолютизации уникальности этих процессов в рассматриваемых системах [122, С. 37-38; 124, С. 118-119].

Очевидно, что подобное возражение возможно и в рамках макроэкономики, и в рамках региональной экономики. В частности, в большинстве работ по региональной проблематике фактически авторы исходят из предпосылки об относительной уникальности, присущей как региональным процессам в целом в России, так и определенным процессам в конкретном регионе [112, 149, 164, 235]. Рассмотренные нами выше примеры исследований влияния глобализации на субъекты России и аргументированные выводы в рамках поступательного подхода отражают именно эту точку зрения.

На наш взгляд, это возражение естественным образом устраняется при понимании соотношения общего и частного в научных работах. Если, как это бывает чаще всего в рамках регионального исследования, ученый изучает отдельные события и факты конкретного субъекта Российской Федерации или их группы изолированно от мировых событий, то искусственная изоляция от факторов, считающихся несущественными, приводит к тому, что региональные процессы выглядят абсолютно неповторимыми. Принципиально иная ситуация складывается при рассмотрении множества социально-экономических явлений и связей между ними, изучении региональных процессов во взаимодействии и взаимообусловленности. В данном случае применение циклически-волновых

представлений, а также выявление параллелей и согласованности региональных процессов в России и мире становится необходимым.

Следовательно, применение тех или иных подходов и представлений о характере регионального развития определяется целью и задачами конкретного исследования. С этой точки зрения мы не утверждаем, что предложенный нами подход к изучению региональных проблем является универсальным. Мы не отрицаем и целесообразности применения в ряде исследований и других представлений о характере регионального развития. По нашему мнению, учет явления синхронизации пространственно разделенных процессов и явлений только логически дополняет существующие представления о развитии территорий.

Поскольку для региональных исследований предложенный подход является новым, представляется необходимым остановиться на существующих особенностях учета синхронизации различных пространственно разделенных процессов и явлений в философии, истории, социологии.

Следует отметить, что и в данных научных направлениях проблеме синхронизации процессов в природе и обществе, изучению механизмов обеспечения согласованной реакции различных социально-экономических систем на изменение каких-либо внешних обстоятельств, по выражению И.С. Пригожина, уделяется внимания «совершенно недостаточно» [128, С. 31]. Хотя, как справедливо замечает В.И. Пантин, еще Лейбниц писал о синхронном поведении монад [122, С. 49]. Именно с малой изученностью явления синхронизации мы связываем то, что в методологии научного исследования представление о синхронизации не только как о явлении, но и как о принципе познания развития и поведения сложных эволюционирующих систем, полномасштабно присутствует в единственной работе В.И. Пантина [122, С. 49-59].

В общем виде «феномен синхронизации можно определить как согласование и упорядочение во времени различных пространственно разделенных событий, процессов и явлений, в том числе и тех, которые, на первый взгляд, никак не связаны между собой и принадлежат совершенно различным системам» [122, С. 55].

Исследования В.С. Соловьева, Ф. Броделя, В.И. Пантина, Д.О. Святского, А.С. Панарина, П. Тейяр де Шардена, К. Переса, И. Миллендорфера, И. Валлерстайна и др. указывают на то, что этот феномен распространен в природных, исторических, социальных, экономических системах.

Ярким примером синхронизации экономических и социальных процессов является обоснование Ф. Броделем явления «активной среды». В книге «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв.» [51, С. 70-79] он констатировал согласованность колебаний цен на ряд товаров в достаточно удаленных частях планеты, характерную для различных временных периодов. Ф. Бродель вводит гипотезу, согласно которой мировая рыночная система – это активная среда, в которой распространяются волны технологических, политических сдвигов, волны изменения цен, жизненных стандартов и т.д.

В этой активной среде распространение импульса происходит за счет энергии, накопленной в ее элементах. При этом в одних условиях разные участки этой среды могут генерировать одинаковые синхронные колебания, а при других условиях синхронизация может нарушаться и разные участки будут генерировать разные колебания. Подобная абстракция дает возможность описать

синхронизацию процессов, происходящих в самых отдаленных участках среды, а также объяснить нарастание отличий в системах (подробнее см. [122]).

Ф. Бродель, анализируя предложенную им модель активной среды, писал: «...мир-экономика – это колеблющаяся поверхность самых больших размеров, та, что не только воспринимает конъюнктуру, но и создает ее на определенной глубине, на определенном уровне. Во всяком случае, именно она, эта поверхность, создает единство цен на огромных пространствах, подобно тому, как артериальная система распределяет кровь по всему живому организму. Она сама по себе есть структура» [51, С. 79].

Высокий уровень абстракции образа «активной среды», в которой распространяются колебания и волны социально-экономических процессов и изменений, действительно позволяет объяснить существование феномена синхронизации процессов, но установить механизм или факторы, определяющие синхронность процессов в природе и обществе не в состоянии.

В исследованиях других ученых также отсутствуют законы и закономерности, объясняющие устройство и природу явления синхронизации процессов в пространстве и во времени. Следовательно, учитывая распространенность феномена синхронизации, мы можем рассматривать его не только как один из принципов организации природы, общества, Космоса, но и как аксиому.

Ввиду того, что феномен синхронизации является универсальным для всех развивающихся систем биосферы и ноосферы, его следствия являются также универсальными. Поэтому, по-нашему мнению, следует обобщить представления о феномене синхронизации, сложившиеся в других научных направлениях и экстраполировать их на исследование процессов регионального развития. В таком аспекте феномен синхронизации становится не только принципом организации природы и общества, но и важным принципом познания поведения и развития сложных региональных систем.

Наметим его эвристические возможности. Итак, данный принцип позволяет:

- устанавливать и учитывать опосредованные (не причинно-следственные) связи региона и пространственно разделенных событий и явлений различной природы;

- применять интегрированный подход к исследованию, объясняющий региональные изменения внешне мало связанными периодическими колебаниями и циклами технико-экономических, социальных и других сфер;

- считать одновременное и неожиданное включение множества внутренних и внешних по отношению к региональной системе факторов как закономерность развития системы, перешедшей границы своего стабильного существования.

Синтез имеющихся представлений о феномене синхронизации и о синхронизации как принципе исследования систем позволяет нам установить следующие теоретические основания анализа региональных процессов.

1. Представления об изолированности региональных процессов в отдельных замкнутых государствах не являются истинными.

Так, практически все исследователи процессов развития систем различной природы, в той или иной мере обращавшие внимание на проблему синхронизации [53, С. 87; 124, С. 147, С. 151-153; 272, С. 12], устанавливали, что даже при отсутствии видимых контактов между рассматриваемыми системами, существуют «некие общие импульсы культурного, хозяйственного,

политического развития, которые воспринимаются различными цивилизациями-современницами, хотя и по-разному» [122, С. 56]. Следовательно, представления об изолированности, полной внутренней самодостаточности и замкнутости региональных процессов, например, в СССР, которые разделяются подавляющим большинством ученых, не отражают реальность.

2. Связи, участвующие в синхронизации пространственно разделенных региональных процессов в различных частях мировой хозяйственной системы, носят не очевидный, опосредованный характер.

В работах В.И. Пантина, Ф. Броделя, Т.С. Шеллинга наглядно показано, что для ряда социальных и культурных сдвигов и общемирового социального развития характерен удивительный параллелизм, не описываемый простыми причинно-следственными связями [122, С. 55-58; 51, С. 70-74; 124, С. 119-121]. Эти опосредованные связи необходимо учитывать при описании процессов регионального развития.

3. Синхронизация внешних и внутренних явлений различной природы обеспечивает качественную перестройку какой-либо региональной системы.

Подрадается, что переход какой-либо системы в иной виток развития или разрушение системы, как правило, невозможно представить как простую совокупность факторов влияния. Так, например, при исследовании П. Тейяр де Шарденом критического переломного периода прошлого – «неолитической революции», было установлено множество факторов, которые обеспечили качественную перестройку цивилизаций. Вместе с тем, ни один из этих факторов не объясняет уникальной масштабности переворота. Иллюстративным выглядит и его высказывание: «Как будто в этот решающий период ... пучок относительно независимых факторов таинственно слился, чтобы поддержать и ускорить продвижение гоминизации» [122, С. 165].

Другие ученые (Э. Ласлоу, С. Стенгерс, С. Пригожин, В. Пантин, А. Панарин и др.) при исследовании процессов развития каких-либо систем ноосферы и биосферы также приходят к аналогичному выводу: «В критических точках развития, как правило, одновременно включается множество внутренних и внешних по отношению к данной ... системе факторов и механизмов, причем их действие всякий раз направлено на дестабилизацию системы. Этот процесс носит лавинообразный характер, и далеко не всегда можно проследить какие-либо причинно-следственные связи между включением этих факторов» [122, С. 58].

Для познания процессов регионального развития чрезвычайно значимо, что в период переломного, нестабильного существования региональной системы имеется множество точек бифуркации, которые способны перевести систему в иной виток эволюционного развития или инициировать ее гибель.

4. Несоответствие процессов какой-либо региональной системы тенденциям и импульсам «активной среды» ведет к смещению региона на мировую периферию.

В исследовании В. Пантина [122, С. 49-55] на примере работ Ф. Броделя наглядно демонстрируется, что в течение последних 500 лет сформировалась целостная экономическая система. Причем крупные сдвиги в этой системе приводят к тому, что синхронность ряда процессов обеспечивает закономерное расслоение мира. В более широко употребляемых терминах И. Валлерстайна [124, С. 151] страны, входящие в «мир-систему» подразделяются на центральные, полупериферийные, периферийные.

Таким образом, мы можем предположить, что единые импульсы, которые генерирует «активная среда», по-разному сказываются на регионах. Если фазовые изменения региона соответствуют изменениям в центральных странах, то он находится в числе претендентов на активное участие в мировых конкурентных процессах и наоборот. Следовательно, явление синхронизации не подразумевает одинаковых последствий для региональных систем в случае масштабных сдвигов в «мир-системе».

1.2. Теоретико-методологические аспекты ценности циклов Кондратьева в макроэкономических и региональных движениях

Согласно мнению большинства ученых, базисное, определяющее влияние на жизнь региона оказывают экономические факторы. И эта позиция, безусловно, правильная. Однако, рассмотрение региональной динамики в рамках циклически-волнового подхода, учитывающего принцип синхронизации, неизбежно предполагает многосторонний характер исследования.

Региональное развитие связано с динамикой социальной, политической, культурной, природной и другими составляющими биосферы и социосферы. Все перечисленные процессы могут иметь собственные механизмы движения, описываться различными волнами и циклами. При этом, несмотря на то, что циклы и волны социально-экономического движения отвечают принципам развития реально существующих объектов они, тем не менее, являются аналитическими конструкциями, моделью определенных сторон поведения исследуемого объекта. Следовательно, количество и длина циклов и волн, определяющих или описывающих региональное развитие, могут быть самыми многообразными.

Это диктует необходимость применения такой теоретической конструкции циклического развития для исследования региональных процессов, которая отвечает следующим требованиям.

1. Комплексный, многосторонний характер циклов для описания не только экономических, но и социальных, политических и других сторон, влияющих на региональное развитие.

2. Длина циклов должна позволить уловить характер развития региональной системы на каком-либо временном отрезке в аспекте развития общемировой ситуации.

Имеется в виду, что циклы, включающие столетия, позволяют увидеть только очень массивные сдвиги в развитии общемировой социально-экономической системе. Столь большой масштаб рассмотрения определяет практическую невозможность наложения выводов по результатам исследования на процессы регионального развития в конкретный период времени в какой-либо стране. Короткие же циклы длиной в несколько лет разрешают уловить только мелкие детали развития региональных систем и не дают возможности описать влияние на них общемировых тенденций.

Перечисленным требованиям отвечают кондратьевские длинные волны мировой конъюнктуры (циклы Кондратьева), на которых базируется современная теория макроэкономического развития.

Рассмотрим систему больших циклов мировой конъюнктуры в аспекте первого требования.

Исследования Н.Д. Кондратьева показали, что длинные волны связаны с динамикой нововведений, цен, заработной платы, развитием социальных конфликтов – войн и революций. Фазы больших циклов, по Н.Д. Кондратьеву, обусловлены внедрением технических изобретений, развитием новых отраслей промышленности. Вместе с тем эти циклы дают возможность описать не только экономическую и технологическую стороны развития мировой системы. Так, например, в исследованиях Г. ван Рума, А.В. Полетаева, И.М. Савельева, В.И. Пантина [122, С. 65-76] показано, что кондратьевские циклы применимы при изучении социальной стратификации общества, сдвигов в отношениях между городом и деревней, развития и распространения либеральной идеологии и т.д.

Характеризуя комплексную, междисциплинарную природу кондратьевских волн, В.И. Пантин, в частности, пишет: «Эвристическая ценность кондратьевских длинных волн заключается в их многосторонности. С их помощью возможно открыть действие реальных механизмов... развития, по-новому взглянув на, казалось бы, известные явления и факты и обнаружив невидимые до того взаимосвязи» [122, С. 69]. Для исследования проблем регионального развития эта особенность означает возможность описать особенности и тенденции не только одного региона или территориальных особенностей одной страны, а совместить полученные знания с тенденциями международными.

Кроме того, следует выделить еще одну эвристическую возможность кондратьевских циклов, значимую для исследования региональных явлений при учете принципа синхронизации. Она состоит в том, что они позволяют объяснить и предсказать наличие множества поворотных точек в развитии региональных систем – точек перехода из одной фазы развития в другую, от одной волны развития к другой. Особая значимость для исследования региональных процессов в России состоит в том, что чаще всего критические точки наблюдаются именно в периоды активных преобразований, что является характерной чертой современного развития субъектов Российской Федерации.

Рассмотрим циклы Кондратьева в аспекте второго требования.

Продолжительность этих циклов составляет примерно 40-60 лет. Многие исследователи отмечают оптимальность этого временного отрезка. Этот масштаб времени позволяет рассматривать кризисы, прогрессивные изменения, негативные факторы развития и коренные преобразования региональных систем как проявления технологических, экономических и политических сдвигов в пределах одного кондратьевского цикла.

Такая продолжительность позволяет учитывать влияние сдвигов на все страны и, соответственно, специфику региональных процессов в них. Эвристическая ценность в случае учета принципа синхронизации региональных процессов заключается в том, что эти циклы затрагивают не только мировых лидеров, но и периферийные страны. Следовательно, они могут плодотворно использоваться для анализа опосредованного взаимовлияния процессов между странами, определяющего, в том числе, характер и перспективы развития субъектов Российской Федерации. Так, в случае совпадения тенденций в регионах России, считающихся прогрессивными в рамках современного кондратьевского цикла, с процессами в развитых странах, регионы являются конкурентоспособными в сложившейся мировой экономической конъюнктуре. В случае несовпадения – регионы не участвуют в международной рыночной конкуренции.

При наличии подавляющего числа неперспективных регионов в какой-либо стране, государство неизбежно смещается на мировую периферию. Надо полагать, что подобное рассуждение, подводит к очевидному выводу о скоординированности циклов борьбы за мировое лидерство и циклов Кондратьева. Данная причинно-следственная связь непосредственно не входит в предмет настоящего исследования, но позволяет утверждать, что конкурентоспособность государства определяется в первую очередь наличием конкурентоспособных регионов.

Обоснованные критерии эвристической ценности кондратьевских циклов для исследования процессов регионального развития позволяют определить следующее. Несмотря на значительное развитие циклических представлений в последние десятилетия, система кондратьевских волн остается по-прежнему продуктивной, стимулируя, в частности, поиск взаимосвязей между региональными процессами в России и общемировыми экономическими, социальными, технологическими и другими тенденциями развития.

Согласно данным экспертных оценок, приведенных в нормативно-правовой литературе, в частности в Концепции стратегии социально-экономического развития регионов РФ, считается, что ежегодные потери России от неэффективной пространственной организации оцениваются в 2.25-3% ВВП в год. Несмотря на войну санкций, открывшуюся в конце 2014 г., следует ожидать, что интеграция страны в глобальный рынок станет еще более полной [19, 131, 274, 275, 280, 281]. Столь масштабные потери от неэффективной пространственной организации заставляют предполагать, что основной проблемой развития российских регионов является их несоответствие масштабу экономических и социальных процессов открытого рынка. И масштабные преобразования, которые сейчас происходят, являются ответом на новые требования. Забегая вперед, отметим, что современные и планируемые преобразования являются благотворными для организации новой системы территориального управления пространственным развитием России. Однако это не снимает значимости рассмотрения пространственной организации РФ в аспекте кондратьевских циклов или, как их назвал еще сам Н.Д. Кондратьев – «большие циклы конъюнктуры». Эта информация будет приведена нами в параграфе 1.4.

Вместе с тем, прежде следует пояснить специфику рассмотрения, которая заключается в использовании описательного подхода. Ответ на вопрос - почему невозможно «наложить» кондратьевские циклы на статистические данные о развитии России? - находится в следующем параграфе.

1.3. Циклоподобные колебания экономического развития в период СССР: поиск причин

О поиске циклов Кондратьева в период СССР. Что касается поисков циклов Кондратьева в исторической динамике России, то здесь возникает целый ряд проблем. Во-первых, длинные циклы требуют анализа достаточно длинных временных трендов (желательно, не менее 150 лет). Во-вторых, данные должны быть относительно однородны, сопоставимы между собой в исследуемом временном периоде. В-третьих, в XX веке в России сменилось три качественно отличные формации. Причем в течение советского периода страна пережила 20 лет гражданской войны, интервенцию, вторую мировую войну, периоды восстановления народного хозяйства. Очевидно, что эти события существенно искажают влияние «глобальности» на экономические и социальные процессы [42; 47].

Таким образом, относительно стабильный период выделяется где-то с 1950-х гг. Очевидно, что этого отрезка недостаточно для выделения длинных циклов. Соответствие (несоответствие) мирохозяйственных процессов и экономической динамики в СССР возможно только сопоставлением более коротких, частных процессов, то есть, с помощью составляющих циклов Кондратьева.

Тем не менее, посмотрим, что можно извлечь из анализа даже относительно короткого временного ряда. Отправной точкой для построения концепций циклов служит неравномерность темпов роста важнейших макроэкономических показателей.

Из анализа динамики произведенного национального дохода СССР, представленного на рис. 1.1, явственно видно, что в течение послевоенного периода не наблюдалось отрицательного прироста показателя. Напомним, национальный доход – вновь созданная в отраслях материального производства стоимость. Иными словами, это часть валового общественного продукта, остающаяся за минусом потребленных в процессе производства средств производства.

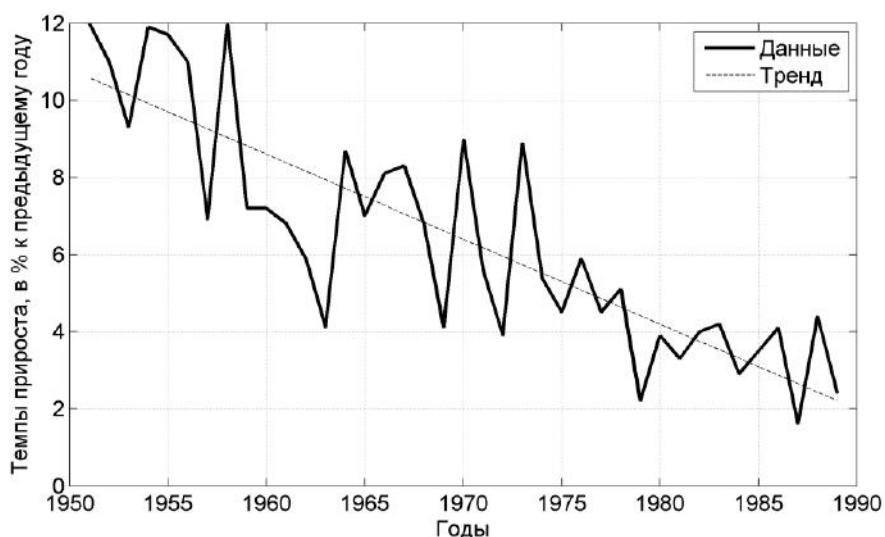

Рис.1.1. Динамика произведенного национального дохода СССР

Таким образом, говорить о «чистых» циклах не представляется возможным. Отметим, что советологи при применении циклического подхода к исследованию социалистических стран именуют процессы «квазициклическими», либо теориями «циклоподобных колебаний». В результате типичной чертой циклов при социализме является то, что они носят двухфазный характер (ускорение-замедление), а не классическую форму (кризис, депрессия, оживление, подъем). Это первая особенность. Фактически свидетельствует о том, что государственное регулирование в административно-командной системе способно обеспечить рост объемных макроэкономических показателей в длительном периоде.

Вторая особенность заключается в том, что наблюдается существенная амплитуда колебаний роста. Очевидно, что связывать эти колебания с кондратьевскими циклами, учитывающими динамику инноваций, технологических укладов, нецелесообразно. Эти колебания обусловлены внутрисистемными причинами. Скорее всего, здесь нужно искать связь между

инвестициями, капитальными вложениями. Целесообразно исследовать соотношения: темпы роста промышленности и инфраструктуры, динамику доходов на душу населения, соотношение между темпами роста производства средств производства и производства предметов потребления и т.д.

Третья особенность проявляется в нисходящей траектории тренда темпов национального дохода (см. линию тренда на рис. 1.1), что во многом обусловлено восстановительными процессами после Великой отечественной войны.

Четвертая особенность состоит в том, что ожидаемых ярко выраженных пятилетних циклов, связанных с 5-летним характером планирования, не прослеживается. Для выявления циклоподобных колебаний целесообразно воспользоваться спектральным анализом. Ожидаемый короткий характер выделяемых циклов диктует целесообразность проведения отдельного исследования. Несколько забегая вперед представления логики и результатов такого исследования, отметим, что проведенный спектральный анализ свидетельствует о достаточно четких трехлетних колебаниях произведенного национального дохода СССР. При этом поиск зависимостей между колебаниями базовых показателей социального и экономического развития (капиталовложений, темпами роста добывающей и обрабатывающей промышленности, заработной платой, реальных доходов и др.) и национальным доходом не дал объяснений причинам этих циклоподобных трехлетних колебаний.

Подводя итоги, можно отметить следующее.

Циклы Кондратьева весьма затруднительно найти в статистических данных России. Значительная ценность длинных циклов мировой конъюнктуры для познания глубинных процессов, влияющих и определяющих макроэкономическую динамику, свидетельствует о необходимости поиска соответствий (несоответствий) социально-экономических явлений России с мирохозяйственными процессами. Для познания длины и причин колебаний показателей экономического развития России требуются дополнительные исследования.

Причины квазициклических колебаний периода СССР.

Теоретические исследования причин колебаний темпов роста позволяют констатировать следующее. Основные концепции циклоподобных колебаний СССР сводятся к двум группам.

1 группа - причина циклоподобных колебаний темпов роста советской экономики – сдвиги в соотношении «потребление-накопление». В этой группе следует выделить две подгруппы.

Первая подгруппа – так называемые «концепции воспроизводственных циклов» [8, 237]. Сущность концепций сводится к гипотезе о расхождении в предпочтениях «плановиков» и «потребителей». Плановики якобы стараются обеспечить наращивание капиталовложений за счет урезания текущего потребления (т.е., по выражению основоположника концепции Оливера, «отложить потребление на будущее»). Потребителям это, естественно, не нравится, они стремятся к противоположному. Искусственное занижение текущего потребления «плановиками» приводит к отклонению производства от реальных предпочтений потребителей. В результате это противоречие создает опасность нарастания конфликтов в обществе. Углубление конфликта приводит к нарастанию опасности неконтролируемых общественных беспорядков. Поэтому «плановики» эпизодически вынуждены идти на наращивание ресурсов,

выделяемых на народное потребление за счет сокращения инвестиций. Результат - замедление темпов экономического роста.

Советские ученые, критиковавшие буржуазные теории, справедливо указывали, что фактически концепция воспроизводственных циклов основана на трех тезисах [237, С.323].

Первый тезис – связь между динамикой инвестиций и экономическим ростом. Подтверждается наличием линейной зависимости между динамикой инвестиций и экономическим ростом (наши расчеты указывают на значимый коэффициент корреляции в период 1950-1989 гг.).

Второй тезис – рост инвестиций и потребления должны находиться в противофазе. Однако анализ динамики капиталовложений и реальных доходов на душу населения (темпов прироста) указывает ошибочность этого утверждения. В частности, наши расчеты указывают даже на отсутствие временного лага по этим показателям, коэффициент корреляции значимый, экстремально низкие значения обоих исследуемых показателей приходится на начало 1960-х и начало 1980-х гг. Единственная неясность - «яма» темпов прироста реальных доходов на душу населения в конце 1960-х и соответствующие этому периоду относительно небольшие темпы падения прироста капиталовложений (объяснение нами не найдено).

Третий тезис – капиталовложения в экономику не определяются спросом со стороны потребителей. Оливера (один из основоположников концепции) считал: «Поскольку экономический процесс не может безгранично отклоняться от предпочтений потребителей, всякая система, которая вызывает тенденцию к увеличению разрыва между структурой производства и предпочтениями потребителей, с необходимостью демонстрирует циклическое развитие» [237, С.324]. Безусловная справедливость этого тезиса подтверждается действительно существовавшим диктатом «плановиков» в социалистическом обществе над потребительскими интересами. При этом анализ математических моделей советских ученых свидетельствует, что субъект диктата – это не Госплан, а средние звенья и ведомства народнохозяйственной системы. Модели показывают – отсутствие единых, институционально оформленных критериев оптимизации на уровне Госплана в реальности передало экономическую власть среднему звену управления. Центральный плановый орган фактически только балансирует план согласно требованиям «среднереуровневого» диктата. Модели показывают – отсутствие единых, институционально оформленных критериев оптимизации на уровне Госплана в реальности передало экономическую власть среднему звену управления. Центральный плановый орган фактически только балансирует план согласно требованиям «среднереуровневого» диктата.

Однако не стоит забывать, что в СССР ВВП был одним из самых высоких в мире, уступая только США. Так, в 1989 году ВВП СССР составил 2659,5 млрд. долл., текущие цены. Для сравнения: США – 5233,6 (1 место), Япония – 1914,1 (3 место), ФРГ – 945,7 (4 место), Франция – 819, 6 (5 место) [262, 288]. Таким образом, противоречие между диктатом «плановиков» и потребительским предпочтением никак не способно объяснить периодические колебания темпов роста столь громадной системы. Невозможность такого объяснения подтверждает также и структура ВВП СССР и США (табл. 1.1). Таким образом, эта группа воззрений не выдерживает нашу проверку статистикой.

Табл. 1.1. Структура валового национального продукта СССР И США
(в фактически действовавших ценах, в %) (составлено по данным [113])

Год	ВВП	в том числе:					
		промышленность	сельское хоз-во	строительство	транспорт и связь	торговля	сфера услуг
СССР							
1980	100	42	13	8	6	13	18
1985	100	37	17	8	6	14	18
1988	100	34	18	10	6	12	20
США							
1980	100	28	3	5	6	16	42
1985	100	26	2	5	6	16	45
1987-1988	100	24	2	5	6	16	47

Вторая подгруппа – так называемые «инвестиционные модели». В основе – противоречие между «ненасытной жадой капиталовложений» централизованной экономики (по выражению одного из основоположников концепции Бауэра) и ограниченными ресурсами инвестиционного комплекса [258]. По предположению Бауэра эта «жажда» инициируется тем, что капиталовложения в СССР делало государство, следовательно, предприятия не заинтересованы в экономии ресурсов. Следовательно, первоначальная сметная стоимость объектов оказывается меньше, чем требуемая в реальности при строительстве. Следовательно, наступает предел роста, ограничиваемый возможностями инвестиционного комплекса. Бауэр выделяет 4 стадии: 1 – принимаются инвестиционные проекты с относительно умеренной стоимостью; 2 – тоже принимаются, но менее интенсивно, новые инвестиционные проекты, но уже спрос на инвестиционный сектор становится чрезмерным за счет роста стоимости «старых» проектов, что приводит к нарастанию доли накопления в ВВП с одновременным сокращением или экспорта, или потребления; 3 – новых проектов нет, ускоренно сокращается объем незавершенного строительства; 4 – урезаются расходы, замораживаются уже начатые объекты.

Как свидетельствуют результаты анализа советских ученых, такое описание обладает сходством с реальностью. «Теоретически социалистическое государство располагает всеми необходимыми инструментами для постоянного поддержания общего динамического равновесия в экономике... На практике, однако, несовершенство критериев и необработанность механизма инвестиционной политики порождают чрезмерную тягу к новому строительству и приводят к неоптимальным решениям о распределении инвестиционных проектов по годам пятилетки и в долгосрочной перспективе» [237, С.325-326]. Действительно, статистика отражает наращивание капиталовложений к концу пятилеток, но можно полностью согласиться с советскими учеными что «жажда строительства» это не перманентное свойство социализма, а результат экстенсивного пути развития.

2 группа - причина циклоподобных колебаний темпов роста советской экономики – периодическое нарастание межотраслевой несбалансированности. В частности, М. Калецкий доказал наличие «сырьевой границы» роста социалистической экономики. Поясним. По М. Калецкому – различие между социализмом и капитализмом в том, что в первом случае экономика определяется предложением, а во втором – спросом. То есть, капиталистическая экономика

ограничена в своем развитии уровнем спроса, поскольку объемы выпуска не могут выйти за пределы существующего спроса. Социалистическая экономика ограничена не отсутствием спроса, а дефицитом ресурсов, создающим недостаток товарного предложения [81]. С такой «дефицитной» характеристикой социалистической экономики трудно не согласиться.

Бонд считал, что циклообразующей диспропорцией экономики СССР является расхождение между темпами роста промышленности и производственной инфраструктуры (относит транспорт, связь, строительство, торговлю, другие услуги). «Если из-за ошибок в планировании или по другим причинам некоторые отрасли растут быстрее, чем отрасли, обеспечивающие их услугами и материалами, видимо, будет достигнут такой момент, когда дальнейший рост производства окажется приостановлен» [237, С.326].

Действительно, и дефицитность, и несбалансированность – это реальные характеристики советской экономики. Советские ученые также признают проблему несбалансированности. «Бесспорно и то, что в отдельные периоды несбалансированность увеличивалась, затормаживая дальнейшее развитие. При этом речь может идти о неоптимальности в соотношении темпов роста не только промышленности и производственной инфраструктуры, отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, но и об отставании аграрного сектора и прежде всего его инфраструктурного звена, отраслей потребительского комплекса в целом...» [237, С.327].

Но при этом остается загадкой – какова мера этой сбалансированности (несбалансированности)? Структура экономики СССР и развитых капиталистических стран существенно отличается (см., например, данные структуры ВВП (табл. 1.1)). И это закономерно, и объяснимо базовым различием между экономиками капитализма и социализма – в первом случае основа развития спрос, во втором – предложение.

Подводя итоги, подчеркнем следующее. Анализ статистических макроэкономических показателей не позволяет выявить базовую причину катастрофы народного хозяйства СССР. Внятных ответов проблем экономического роста и объяснения квазициклических колебаний социалистической экономики рассмотренные концепции не дают. Можно констатировать, что часть тезисов концепций опираются на некоторые реально существующие тенденции, отражаемые статистикой, другие же выводы статистикой не подтверждаются, но в целом концепции отражают лишь внешнюю сторону реальных процессов, не вскрывая причин.

Вместе с тем, как ученые СССР, так и ученые других социалистических стран давали адекватное описание и рецепты формирования хозяйственного механизма, позволяющего преодолеть тенденцию затухания темпов экономического роста.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют исследования М. Калецкого. В частности, теория экономического роста. В нескольких словах невозможно отобразить всю глубину идей М. Калецкого. Поэтому только кратко отметим. Внимание М. Калецкого было направлено на поиск способов эффективного использования ресурсов, прежде всего капиталовложений и рабочей силы. Увеличение национального дохода возможно путем повышения производительности труда и путем вовлечения дополнительной рабочей силы. При этом для социалистической экономики, где всегда были резервы рабочей

силы, он исходил из постоянства коэффициента роста технической вооруженности труда. В этом случае, ускорение темпов роста может происходить на основе предварительного повышения доли инвестиций в национальном доходе, с помощью которых создаются новые рабочие места. При этом очевидное противоречие между краткосрочными и долгосрочными интересами общества он разрешает путем вывода экономики на новую траекторию роста [81]. Мы согласны с утверждением: «Калецко-кейнсианская модель рынка является альтернативной и переход к ней, по нашему мнению, открыл бы совершенно другую перспективу и надежду на будущее» [64].

Теоретически можно сказать, что развитая система централизованного планирования в СССР в целом была способна обеспечить ограничение нарастания узких мест. Практический результат - крах системы.

Динамика макроэкономических показателей не позволяет ответить на вопрос о причине развала одной из крупнейших экономик мира. Частичное объяснение - игнорирование руководством страны рецептов социалистических экономистов. Полный провал рыночных реформ, проводившихся по неоклассической (монетаристской) модели, потеря Россией значительной части территории, причем территории с наиболее благополучными климатическими характеристиками, современное место сырьевой периферии – таков итог следования за зарубежными концепциями. Один из выводов этого анализа – необходимость подробного изучения не только господствующих и постоянно воспроизводимых экономических воззрений, обслуживающих интересы развитых государств, но и формирование, и изучение альтернативных взглядов на движущие силы экономического роста

1.4. Динамика пространственной организации России в контексте больших циклов конъюнктуры

В датировке кондратьевских циклов среди большинства исследователей присутствует относительное единство – периодические циклы попеременных подъемов и спадов глобальной экономики продолжительностью 45-60 лет.

В настоящее время датировка кондратьевских циклов следующая, отметим, близкая к результатам исследования самого Н.Д. Кондратьева.

1 цикл – с конца 1780-х гг. до 1810-1817 гг. (повышательная волна), 1810-1817 гг. (понижательная волна).

2 цикл – с конца 1840-х гг. до начала 1870 гг. (повышательная волна), с начала 1870-х гг. до середины 1890-х гг. (понижательная волна).

3 цикл – с середины 1890-х гг. до 1914-1921 гг. (повышательная волна), с 1914-1921 гг. до середины 1940-х гг. (понижательная волна).

4 цикл – с середины 1940-х гг. до конца 1960-х гг. (повышательная волна), с конца 1960-х гг. до середины 1980-х гг. (понижательная волна).

5 цикл – с 1981-83 до ~2018 г. (прогноз)

6 цикл — с ~2018 до ~ 2060 (прогноз).

Таким образом, современный период развития – это пятый цикл (с начала 1980-х гг.). Однако, очевидно, что особенности пространственной организации в России являются наследием предшествующих циклов. Поэтому для установления перспективных направлений и проблем территориального развития Российской

Федерации представляется целесообразным кратко рассмотреть специфику формирования российских регионов в предшествующих циклах.

Учитывая способность кондратьевских циклов описывать процессы комплексно, следует наметить угол зрения, под которым будет рассматриваться развитие субъектов России. Для применения циклически волнового подхода к исследованию немаловажным является определение фактора, инициирующего переход системы на новый виток развития. Й. Шумпетер наглядно продемонстрировал, что в основе длительных конъюнктурных циклов лежит инновационный рывок. Инновации, инициируя новый цикл, несколько десятилетий играют роль локомотива мировой экономики. Однако в предлагаемой теории присутствует недостаток, связанный с недостаточным объяснением характера этих инноваций.

Можно полностью согласиться с мнением В.И. Пантина, что из многочисленных моделей, объясняющих феномен волн Кондратьева чисто экономическими причинами, наибольшим авторитетом пользуется гипотеза об определяющем влиянии волн научно-технического прогресса. Например, привлечение модели Л. Нефедова позволяет утверждать, что в основе каждого цикла Кондратьева лежит «базисная инновация» - от паровой машины первого цикла до информационной техники современного, пятого цикла. Сам Н.Д. Кондратьев считал, что основную роль в механизме длинных волн играют волны технических колебаний и изменение инновационной активности, т.е. они связаны со сменой основных производственных фондов, с обновлением технологического способа производства. Осуществляется двумя путями: во-первых, эволюционно, когда существующие технологии модернизируются; во-вторых, революционно, когда происходят качественные изменения в материализации научных знаний. Фактически Н.Д. Кондратьев показал, что циклический характер внутреннего развития производительных сил связан с реорганизацией производственных отношений.

В структуре длинных волн выделяют фазы – нисходящую и восходящую волны, или фазы, а также – перелом, вершину.

Вершина – всплеск военной активности. Повышение цен, увеличение стоимости кредита, усиление инфляционных процессов. В политике – переход от поддержки массового спроса к стабилизации финансов.

Нисходящая фаза цикла – период изменения технологий и технологических структур производственной системы общества длительность 20-25 лет. В этот период происходят острые экономические кризисы малых и средних циклов. Характерной чертой такого кризиса есть несоответствие существующей системы экономических связей новой технологии. На понижающей волне создаются предпосылки для перехода к новым технологиям, что требует капиталовложений не только в перевооружение действующих производств, но и в возникновение принципиально новых.

Восходящая фаза – это период длительного роста и научно-технического развития общества. Длительность 20-25 лет. Часто начинается с войны. В это время не исключаются и циклические кризисы с обновлением основных фондов. Это период массового распространения новых технологий, зарождение и развитие новых ведущих и даже базовых отраслей экономики. Повышательная волна связана с реорганизацией производственных отношений. Кредиты дешевы, предложение

кредита превышает спрос, рост темпов инфляции, финансовая ситуация стабильна. Общая ориентация – на долговременный экономический рост [234].

Обобщенная система кондратьевских волн и сопровождающих их технологических укладов выглядит следующим образом:

1-й цикл – текстильные фабрики, промышленное использование каменного угля;

2-й цикл – угледобыча и чёрная металлургия, железнодорожное строительство, паровой двигатель;

3-й цикл – тяжёлое машиностроение, электроэнергетика, неорганическая химия, производство стали и электрических двигателей;

4-й цикл – производство автомобилей и других машин, химическая промышленность, нефтепереработка и двигатели внутреннего сгорания, массовое производство;

5-й цикл – развитие электроники, робототехники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники;

6-й цикл – возможно, NBIC-конвергенция (конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий) [88].

Указанные особенности внутренних причин длинных циклов определяют рассмотрение регионального развития в аспекте технической логики развития производительных сил. Именно этот фактор влияния внешней среды мы предлагаем считать ведущим при определении специфики и перспектив территориальной организации в России.

Однако ни одна модель, объясняющая феномен волн Кондратьева, не разъясняет причины появления инноваций, механизм их ускоренного формирования в какой-либо точке мировой экономической системы, а также предпосылки их дальнейшего распространения в броделевской «активной среде». Поэтому при исследовании специфики территориальной организации в Российской Федерации необходимо помимо циклических представлений использовать принцип синхронизации. Он позволит не только определить весьма опосредованное, но значимое влияние технической логики развития производительных сил, но и указать, что в случае резкого обострения противоречий в развитии субъектов России потребуется переход системы на иной уровень организации под угрозой ее гибели. Следовательно, выявление параллелей и согласованности региональных процессов в России с мировыми тенденциями становится необходимым.

Описанные циклы Кондратьева охватывают достаточно большой временной диапазон (начиная с конца 1780-х). Для нашего исследования столь глубокий временной охват не представляет интереса. Великая Октябрьская революция кардинально, на качественном уровне, изменила состояние российской экономической системы. Это позволяет считать послереволюционную экономическую и, соответственно, территориальную организацию другой системой. Следовательно, целесообразно рассматривать особенности регионального развития России с понижательной волны третьего цикла и до настоящего времени.

Понижательная волна третьего цикла (с 1914-1921-х до середины 1940-х гг.) характеризуется неустойчивостью социального, экономического, политического развития наиболее развитых в тот период капиталистических стран мира – Великобритании, Франции, США, Германии. Эпоха социальной и

политической нестабильности была инициирована технологическим переворотом предшествующей повышательной волны (с середины 1890-х гг. до 1914-1921 гг.) – появлением автомобилестроения, электротехнической промышленности, самолетостроения, принципиально новых видов вооружений. Дальнейшее развитие этих новых технологий в связи с исчерпанием возможностей в рамках прежней экономической организации, требовало коренной перестройки производительных сил - создания тяжелой промышленности.

В экономическом аспекте это означало объективную необходимость сверхконцентрации капитала в связи: 1) с огромными капиталовложениями; 2) с высокими рисками; 3) необходимостью баланса производства в различных отраслях. В свою очередь, сверхконцентрация капитала диктовала необходимость развития государственного управления экономикой [47].

В СССР для решения сложнейшей задачи построения тяжелой промышленности государство прямо концентрировало все ресурсы, выдерживая необходимые натуральные пропорции путем пятилетних планов и стоимостные пропорции с помощью прямого установления цен и заработной платы. Отметим, что привлечение модели Л. Нефедова позволяет нам утверждать, что лозунг В.И. Ленина «Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны» полностью соответствовал технической логике развития производительных сил того периода – «базисной инновации» пары двигатель-генератор.

Пространственная организация страны также была подчинена индустриализации, предполагающей «жесткую» государственную промышленную политику не только как инструмент развития экономики, но и как технологию развития регионов. О сопряженности промышленной и региональной политики свидетельствует то, что уже в период подготовки первого пятилетнего плана была поставлена задача завершения экономического районирования с целью достижения наиболее эффективного планового руководства народнохозяйственной жизнью. В 1929 году экономическое районирование было завершено.

Цели региональной политики государства соответствовали индустриальному характеру экономического развития. Так, основными направлениями регионального развития, сформулированными в плане ГОЭЛРО и просуществовавшими вплоть до середины 1950-х гг., являлись:

- 1) реконструкция промышленности в староосвоенных районах страны;
- 2) ускоренный рост производительных сил восточных районов;
- 3) создание крупной промышленности в ранее отсталых национальных районах.

Реализация этих целей неизбежно предполагала отраслевой подход управления, по нашему мнению, являвшийся наиболее перспективной формой развития экономики этого периода. Об этом свидетельствуют и факты. По оценкам ученых и политиков современности и прошлого, «СССР в период с конца 1920-х до начала 1960-х годов была самой динамично развивающейся страной в мире» [19, С. 3]. Наркоматовская система управления хозяйством, сформированная в 20-е гг. прошлого века и просуществовавшая до 1956 г., доказала свою эффективность в годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.

Экономические системы развитых капиталистических стран мира реагировали на общемировую потребность экономики в индустриализации аналогичным образом. Но, если сталинские пятилетки демонстрировали

впечатляющие успехи, то в капиталистических странах проблема концентрации капитала для создания тяжелой промышленности решалась через кризисные явления. Именно поэтому вследствие результирующей совокупности кризисных социальных и экономических явлений в странах-лидерах капиталистического мира данная фаза объективно считается понижательной волной цикла Кондратьева.

Прежде всего, экономическая и социальная нестабильность, на наш взгляд, была обусловлена следующими причинами: 1) более мягкими макроэкономическими приемами концентрации капитала в этих странах; 2) распыленным характером частного капитала в капиталистическом мире.

Тем не менее, исследования В.И. Белова, Н.А. Бакулина, Ю.И. Бернадского и др. [47, С. 68-94] показывают, что капиталистические государства проводили активную политику по изъятию части доходов населения, мелкого и среднего бизнеса в бюджет государства, затем эти средства через военные заказы отдавались крупному капиталу ВПК. Именно с этой, единственно возможной схемой сверхконцентрации капитала в условиях капитализма, связано усиление нестабильности в мире (Первая и Вторая мировые войны), утверждение в ряде стран тоталитарных режимов (Германия, Италия, Япония).

Можно сделать следующий вывод. Импульсы, генерируемые «активной средой», воспринимались экономическими системами развитых капиталистических стран и СССР в этот период сходным образом. В результате проблема формирования структуры тяжелой промышленности в СССР и промышленно развитых капиталистических странах решалась, по сути, одним и тем же способом - концентрацией ресурсов в руках государства и государственным планированием (в первую очередь через размещение военных заказов). Большая способность плановой экономики к настройке под импульсы «активной среды» привела к тому, что СССР демонстрировал лучшие показатели экономического роста в сравнении с общемировыми тенденциями.

В результате не просто согласованная, а однородная реакция стран-мировых лидеров и СССР, привела к формированию похожей пространственной организации территории. Была создана интегрированная (централизованная) модель региона, связанная с доминированием в региональном хозяйстве крупных массовых производств. Эти производства получили название – «градообразующее предприятие», а специфику региональной экономики этого типа отражает термин – «монопрофильная экономика».

Экономическая сущность таких регионов не требует формирования самостоятельной стратегии развития. Она заменяется производственными стратегиями градообразующих предприятий. Как справедливо отмечают П.Г. Щедровицкий и В.Н. Княгинин, «никакой особой конкурентоспособностью, отличной от конкурентоспособности доминирующего производственно-технологического комплекса, интегрированные регионы не обладают» [250, С. 7]. По нашему мнению, именно поэтому, с точки зрения регулирования, ориентации на проблемы регионального развития в этот период не наблюдалось ни в капиталистических странах, ни в СССР. Это связано с тем, что регион функционально практически был отстранен от возможности регулирования: инвестиции приходят не в регион, а через крупное производство (корпорацию), производственные кадры привлекает не регион, а корпорация и т.д.

Четвертый цикл Кондратьева (с середины 1940-х до середины 1980-х гг.) во всех исследованиях [47, С. 80; , 122, С. 73] характеризуется экономическим и

политическим доминированием США, развитием государственного регулирования экономики и государственно-монополитического капитализма, распространением системы Форда, большой ролью профсоюзов, активным развитием массового производства.

Определяющим технико-экономическим результатом для новой волны стала способность экономики «производить товары в массовом количестве с относительно низкими издержками производства, изготавливать материалы и оборудование для массового и серийного производства» [47, С. 81]. Это обусловило необходимое требование к системе государственного регулирования в развитых странах – формирование высокого платежеспособного спроса и переориентация от реализации интересов капитала ВПК к интересам крупного капитала, производящего технически сложные, дорогие товары массового производства.

Кардинальным образом стала меняться и пространственная организация производства. Для западных стран такие отрасли, как автомобилестроение, электротехническая промышленность состоят из концернов, вокруг которых работает мелкий и средний бизнес, снабжающий материалами, комплектующими, оказывающий услуги. Соответственно, экономический статус регионов напрямую начинает зависеть от их конкурентных позиций в глобальном рынке. С организационной точки зрения формируется новая модель регионального пространства – сетевая, принципиально отличная от интегрированной модели.

П. Г. Щедровицкий и В.Н. Княгинин, опираясь на работы У. Пауэлла, Л. Смит-Дора, М. Портера, следующим образом описывают сущность этих регионов: «Эти районы образованы множеством социально интегрированных, мелких, децентрализованных единиц... В рамках своего региона фирмы, специализирующиеся на изготовлении того или иного продукта, сконцентрированы на особой территории, что позволяет тесно связать отрасль промышленности с данным регионом. Работа выполняется на основе многочисленных соглашений о сотрудничестве и субконтрактных отношениях» [250, С. 9-10]. Отличительной чертой сетевого региона является гибкая специализация, способность к инновациям.

Собранные вместе предприятия, входящие в сеть кооперации и различного рода взаимодействий, образуют производственный кластер. Основоположником теории кластерного развития является М. Портер. При исследовании конкурентных позиций более 100 отраслей различных стран, М. Портер обратил внимание, что наиболее конкурентоспособные в международных масштабах фирмы сконцентрированы в одном регионе. Наиболее конкурентоспособные предприятия распространяют инновации, волновая природа которых затрагивает поставщиков, конкурентов и других субъектов региона. Конкурентоспособность входящего в кластер предприятия является следствием конкурентоспособности всего сетевого региона в целом. Вместе с тем, его конкурентоспособность способствует росту конкурентоспособности смежных отраслей всего кластера. «Высокая конкурентоспособность территории держится именно на сильных позициях отдельных кластеров, тогда как вне них даже самая развитая экономика может давать посредственные результаты. В современной экономике давно уже конкурируют не отдельные предприятия и отрасли, а кластеры» [250, С. 20].

Однако теория М. Портера не дает ответа на вопрос о том, каковы детерминанты формирования кластера, что именно определяет его экономическую ценность и т.д.

Привлечение исследований П.Г. Щедровицкого позволяет утверждать, что экономическая ценность кластера заключается в развитии внутренней конкурентной среды и наличии конкурентных преимуществ в мирохозяйственной системе. В этом случае очевидно, что «экономическая мощь региона определяется не объемами производства, а... ее общим влиянием на глобальные обмены» [250, С. 10]. Характерной особенностью такой трактовки сущности кластера является то, что именно сетевая организация региона и кластеризация определяют устойчивость национальной экономики и ее позиции на глобальном рынке. Однако остается не ясным, какой ресурс является ключевым для развития сетевого региона.

Если рассматривать особенности сетевого региона с позиций кондратьевских циклов в аспекте принципа синхронизации, то можно отметить следующее. Готовность регионов к освоению инноваций, способность генерировать адекватную реакцию на импульсы «активной среды» определяет степень их участия в международных экономических взаимодействиях. Значимость инновационной активности позволяет определить, что ключевым ресурсом развития сетевого региона является человеческий.

Наличие специализированной рабочей силы является одним из ведущих факторов регионального развития. Вместе с тем, на наш взгляд, следует выделить еще одну немаловажную сторону человеческого ресурса, являющегося источником экономической самоорганизации территории – наличие желания работать в конкретном регионе и присутствие энтузиазма в повышении собственной квалификации, а также в поиске перспективных направлений движения региона.

По нашему мнению, именно характеристики человеческих ресурсов определяют инерционность соотношения богатых и бедных регионов, развитых и малоразвитых в экономическом отношении стран. Инерция эта определена, прежде всего, социальными факторами: уровнем образования населения, разнообразием профессиональной структуры, профессионализмом управления, культурными особенностями. Эти факторы определяют готовность регионов к освоению инноваций и широкому участию в международных экономических взаимодействиях.

Поскольку инновации и человеческий капитал определяют конкурентные позиции сетевого региона, то с точки зрения регулирования регионального развития особую значимость в рамках развития четвертого кондратьевского цикла приобретает проблема развития инфраструктуры и социальной сферы.

По нашему мнению, характерной особенностью этого процесса в управленческом аспекте является то, что хозяйственная власть не централизована, как в модели интегрированного региона, а наоборот перераспределена не только внутри региона, но и во внешних границах.

Подтверждением ограничения в этот период возможностей централизованной власти определять приоритеты регионального развития в развитых странах служат следующие факты. Во-первых, согласно данным П.Г. Щедровицкого, в начале 1970-х гг., чаще всего спонсируемое государством

строительство крупных индустриальных объектов в регионах оказывалось экономически неэффективным [250, С. 13]. Другим подтверждением служат социологические исследования зарубежных ученых, свидетельствующие об отрицательном отношении населения к ряду попыток проведения общенациональных проектов в некоторых регионах в случае их несовпадения с традиционными жизненными ориентирами населения [254, С. 5-6].

В СССР с середины 1960-х гг. (времени начала расцвета массового производства технически сложных товаров потребительского назначения в капиталистических странах) в области регионального развития сохранялась система управления, направленная на индустриализацию страны. Реформирование системы управления в 1956 г. (резолуция о расширении прав республик, создание 105 совнархозов), в 1963 г. (создание новой системы подчинения предприятий), в 1965 г. (введение системы единоначалия для предприятий), в 1971 г. (официальное признание территориально-производственных комплексов прогрессивной формой организации) и т.д. с формальным прописыванием на каждом этапе прав местных Советов не увеличивало степени управляемости народным хозяйством. На практике роль местных Советов была минимальна, по-прежнему господствовал отраслевой подход к управлению с соответствующим сохранением интегрированной модели пространственной организации территорий. Роль региона фактически сводилась только к формированию статистических показателей регионального развития.

Такой подход к управлению мы связываем с сохранением прежних пропорций производительных сил, направляемых на индустриализацию и милитаризацию экономики. Ориентация системы управления на объемные показатели функционирования отраслей и регионов (следствие централизованной модели организации регионов) стимулировала отток подавляющего количества ресурсов на производство средств производства, особенно в области тяжелой промышленности, обладающей наибольшей материалоемкостью.

Таким образом, основной двигатель экономики развитых стран четвертого кондратьевского цикла - технически сложный и дорогой товар массового потребления, инициировавший мощный поток инвестиций и инноваций, обеспечивший формирование платежеспособного среднего класса в развитых капиталистических странах, выпал из зоны плановых экономических показателей, обеспечивавших стратегические приоритеты развития СССР. Для оценки специфики развития народного хозяйства СССР последних десятилетий его существования исчерпывающе иллюстративным выглядит следующее высказывание: «Производство, работая ради производства, перерабатывает огромное количество материалов и электроэнергии. Деньги в производственной сфере превратились в пустую формальность, а в сфере потребления фактически превратились в талоны, по которым население не может получать товары первой необходимости, потому что прилавки магазинов пусты. Структура производительных сил искажена до предела...» [47, С. 93].

Подведем итоги рассмотрения особенностей регионального развития в рамках четвертого цикла Кондратьева. Логика развития производительных сил привела к ограничению возможностей индустриализации в развитых странах мира. Интегрированные (централизованные) регионы стали менее конкурентоспособны по сравнению с формируемыми сетевыми регионами. Конкурентоспособность стран стала определяться наличием регионов развитых в производственно-

технологическом плане, способных воспринимать инновации. В СССР отраслевой подход к управлению сохранял интегрированную модель пространственной организации территорий. Это свидетельствует о расхождении региональных тенденций развития в СССР с общемировыми тенденциями.

Перелом, обозначивший начало пятого, современного цикла (с середины 1980-х гг.) означал кризис прежнего индустриального роста и переход к новому информационному обществу.

Согласно многочисленным исследованиям, авторским работам, можно утверждать, что в основе современного цикла Кондратьева в качестве базисной инновации лежит информатизация как основа экономического роста, а цифровая и компьютерная техника является ядром базисной инновации под общим названием «информационная техника» (иногда называют – «информационная технология») [4, 5, 19].

Наши исследования также показывают, что рынок информационных технологий является самым динамичным сегментом экономики и обладает наибольшим процентом добавленной стоимости [29, 38, 190, 256]. Соответственно, именно этот сегмент в наибольшей степени подвержен влиянию кризисных процессов. Например, по данным аналитиков Gartner в 2015 году мировые ИТ-расходы составили \$3,52 трлн, что на \$216 млрд меньше, чем годом ранее. При этом аналитики прогнозируют, что индустрия информационных технологий не сможет вернуться к объемам 2014 года до 2019-го, хотя в 2016-м ожидается рост на 0,6% до \$3,54 трлн [80].

Именно вокруг информационной техники формируется «технологическая сеть – сеть надо рассматривать в качестве источника импульса экономического развития в течение пятого цикла Кондратьева. В рамках технологической сети множество малых инновационных инициатив на уровне отдельных предприятий кластера путем кумулятивного сцепления образуют базисную инновацию «информационная техника».

Следовательно, эмпирические закономерности на техническом уровне позволяют определить, что специфической чертой регионального развития в современном цикле Кондратьева является то, что ключевую функцию двигателя инновационной экономики начинает выполнять сетевой регион. В свою очередь, регион может быть конкурентоспособен в жесткой международной экономической борьбе только при условии наличия инновационной и высокопроизводительной телекоммуникационной инфраструктуры в сочетании с широким распространением и соответствующих средств (программного обеспечения и компьютеров).

Переход мировой экономической системы к постиндустриальной фазе развития сопровождался коренной перестройкой геополитического пространства. На наш взгляд, именно выпадение великой державы в мировой иерархии – СССР – из тенденций развития «активной среды» явилось причиной никем не прогнозируемого распада СССР и последующего глубокого кризиса социальной и экономической сферы всего постсоветского пространства. Так, в многочисленных исследованиях Р. Гринберга показано, что для руководства СССР веской причиной, потребовавшей радикальных реформ, явилось отставание в мировом научно-техническом прогрессе. Но остается в стороне тот факт, что в данном цикле определяющую роль в развитии экономики играют новые наукоемкие информационные отрасли, предполагающие особую значимость человеческого капитала, высокий уровень жизни населения.

Социологические исследования свидетельствуют, что основой революционных событий явилось желание советских людей «жить как на Западе» [122, С. 210-214; 124, С. 257-258]. Рассинхронизация ориентиров развития экономики СССР (объемных плановых показателей) с социальной организацией экономики развитых стран послужила «спусковым крючком» стихийных процессов изменения территориальной организации страны.

Применение циклически-волновых представлений при учете принципа синхронизации позволяет утверждать, что целью перехода к рыночным отношениям явилась необходимость интеграции страны в глобальную постиндустриальную эпоху. В связи с этим проведем анализ влияния глобализации на региональное развитие в Российской Федерации.

Как показало рассмотрение особенностей пространственного развития общемировой экономической системы в рамках кондратьевских циклов, региональное развитие является своего рода временным срезом цепочки причинно-следственных взаимодействий таких факторов, как региональное разделение труда, конкурентные преимущества территорий, регулирующие усилия государства. Эти факторы обеспечивают общую закономерность неравномерности регионального развития национальной экономики, в равной степени характерную и для развитых, и для малоразвитых государств, для условий экономического спада и подъема.

Это утверждение подтверждается статистическими данными. Поскольку в ряде исследований неправомерно считается, что межрегиональная дифференциация в развитых странах минимальна, представляет несомненный интерес рассмотреть этот феномен на данных именно этих государств.

Даже в прежнем составе ЕС (ЕС-15) 20% территории занимает «ядро Европы» (территория, включающая Лондон, Париж, Милан, Мюнхен, Гамбург), где проживает 40% населения и производится более 50% ВВП всей ЕС-15. По результатам расчетов В. Кузнецова, разрыв между странами ЕС сокращался в последние два десятилетия быстрее, чем разрыв между отдельными регионами этих стран. Если наиболее развитая страна ЕС-15 опережала самую отсталую в 2 раза, то самый развитый регион обгонял наиболее отсталый уже в 4 раза. Прямые иностранные инвестиции приходили также в наиболее развитые регионы - так, в восточные регионы Германии (за исключением Берлина) вкладывается не более 2%, в регионы Южной Италии не более 4% от общегосударственного объема инвестиций [116, С. 21]. Вступление в ЕС десяти новых членов, добавивших к ВВП ЕС только 5%, усилило разбалансированность пространственного развития ЕС.

Приведем пример менее благополучных в экономическом отношении стран. Бразилия с экономико-географической точки зрения разделена на пять регионов. На наименее развитый Север в составе 7 штатов приходится 4,6% ВВП, на наиболее развитый Юго-восток в составе 4 штатов приходится 57,8% ВВП. Доход на одного жителя беднейшего штата в 7,2 раза ниже, чем на жителя наиболее богатого штата. Для Аргентины разрыв по этому показателю составляет 8,6 раз, для Мексики – 6,2 раза [116, С. 25].

Неравномерность социально-экономического развития – основа возникновения различного рода воспроизводственных диспропорций. Рассмотрение регионального развития в рамках циклических представлений позволяет нам утверждать, что в любом цикле развития мировой экономической системы

решающим фактором, обеспечивающим воспроизводственные диспропорции, является обладание знаниями и технологиями управления, способными создавать добавочную стоимость, трансформирующуюся в сверхприбыль.

Маркс утверждал, что дешевизна продукта слаборазвитой страны обусловлена тем, что она продается «не только ниже его стоимости, но и ниже его цены производства, определяемой средней нормой прибыли в более развитых странах» [105, С. 223]. М. Кастельс, характеризуя содержание современной трансформации структуры международной торговли, отмечает, что «...к традиционному торговому дисбалансу..., возникающему из-за неравномерного обмена дорогих промышленных товаров на менее дорогое сырье, добавляется новая форма дисбаланса. Этот торговый дисбаланс возникает из-за разницы в цене между товарами, созданными с применением высоких технологий и товарами, производящимися без использования высоких технологий ... Из этого следует, что внешняя ориентация экономики отнюдь не гарантирует развития страны. Развитие зависит от цены продукции, которую страна может экспортировать» [83, С. 20].

В связи с этим можно утверждать, что российские регионы не включены в глобальные конкурентные процессы. Подчеркнем, имеем в виду именно «конкурентные процессы», поскольку сырье – это условно конкурентный товар. Об этом свидетельствуют статистические данные. По производству промышленной продукции на душу населения лидируют со значительным отрывом нефте- и газодобывающие округа Тюменской области – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. Производство на душу населения выше среднероссийского демонстрируют, как правило, именно добывающие субъекты.

Благодаря этой дифференциации, изменяются пропорции экономических систем, их структура, внешние и внутренние связи и отношения, происходит деление на богатые и бедные регионы, регионы принятия решений и зависимые. В теории региональной экономики такое деление пространства характеризуется понятиями «центр» (полнос, ядро, фокус, очаг) и периферия (удаленная территория, окраина, глубинка, тяготеющая территория). Однако даже региональный «центр» России мало включен в глобальную экономику. Поэтому Россия, занимая седьмое место в мире по численности населения, первое – по добыче газа, третье – по добыче нефти, четвертое по выработке электроэнергии, пятое – по производству стали, удобрений, хлопчатобумажных тканей [100, С. 21], оказывается по объему ВВП на душу населения на 48 месте среди стран мира по данным 2014 г. (по версии МВФ).

Для российских регионов, в условиях сложившейся моноотраслевой экономики, глобализация представляет еще одну опасность – усиление зависимости от иностранных партнеров и инвесторов, в ущерб внутривнутристрановому региональному взаимодействию. В этой связи показательны первые месяцы после применения взаимных санкций. Следует отметить, что усложнение отраслевой структуры и усиление межрегиональных взаимодействий является безусловным позитивным результатом «антисанкционных» результатов российского управления.

Таким образом, можно утверждать, что глобализация в условиях перехода развитых стран к информационному обществу и нерешенности ряда ключевых проблем регионального развития индустриального общества в России оказывает негативное влияние на субъекты Российской Федерации.

Экономика России меняется, усложняется, но на период написания настоящей монографии (2016 г), не только не вышла на новый уровень по критерию производства товаров с высокой добавленной стоимостью, но и структурно более примитивна, чем в период СССР. Тому есть и объективное объяснение – сжатие рынка. Известно, что самодостаточным может являться рынок с численностью населения 250-300 тыс. человек. В этой связи чрезвычайно важны усилия российской власти и управления по дальнейшему развитию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) - международной организации региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью и учрежденной Договором о Евразийском экономическом союзе. На август 2016 г. членами ЕАЭС являются - Россия, Казахстан, Белоруссия (с 1 июля 2010 года), Армения (с 10 октября 2014 года), Киргизия (с 8 мая 2015 года). Официальные лица государств-основателей Таможенного союза неоднократно заявляли о том, что рассматривают ЕАЭС как открытую для вступления других стран, прежде всего входящих в ЕврАзЭС и СНГ. Целью ЕАЭС является обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

Возвращаясь к обсуждению глобализации отметим, что экономический рост Российской Федерации вплоть до конца 2014 года был обусловлен благоприятной конъюнктурой на мировых рынках топлива и сырья. Следовательно, он не только не изменил неравновесной экономики, унаследованной от СССР, но и привело к дальнейшему увеличению топливно-сырьевой ориентации страны. Отсутствуют и признаки интеграции страны в глобальную постиндустриальную экономику. Об этом свидетельствуют, например, низкие показатели России по экспорту высокотехнологичной продукции и количества патентов.

Наиболее значимыми негативными сторонами глобализации, оказавшими неблагоприятное влияние на развитие России и ее регионов явилось повышение зависимости от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры в условиях увеличения открытости и взаимозависимости.

Можно сделать вывод, что основная цель перехода к рыночным отношениям с позиций соответствия новому технологическому укладу – формирование условий для образования информационного, постиндустриального общества – не была реализована.

Отметим, негативные проявления глобализации на региональное развитие не следует считать следствием ее деструктивной сущности. Отмеченная нами высокая степень взаимозависимости стран, теоретически создает предпосылки взаимной заинтересованности в социально-экономической стабильности. Глобализация в условиях современного цикла, содействуя распространению знаний и технологий, дает потенциальную возможность для менее развитых стран и регионов быстрее преодолеть отставание.

В этой связи можно сформулировать еще одно альтернативное направление развития России и ее регионов в соответствии с необходимостью синхронизации внутрироссийских тенденций развития с общемировыми требованиями современного цикла Кондратьева – движение к информационному обществу. Обозначенная нами логика развития производительных сил означает разработку новой стратегии российских

реформ, смену идеалов потребительского общества на систему ценностей, утверждающую престиж интеллектуальной сферы, развития культуры, науки, технологическую революцию, связанную с внедрением наукоемких технологий, в частности, информационных технологий. И эта позиция уже частично реализуется в практике территориального управления.

Согласно мнения ряда экономистов, совпадающего с нашим, у России пока еще есть шансы использовать информационные и компьютерные технологии как новый источник экономического роста [5, 19, 149, 208]. Эта возможность обеспечивается достаточно высоким образовательным и культурным уровнем населения, ограничение реализации этой возможности - в современном дефиците инвестиционных ресурсов. С точки зрения регионального развития этот сценарий неизбежно предполагает поиск предпосылок и ориентацию системы регулирования на формирование сетевых регионов.

По существу, эти два принципиально различных сценария предполагают, что развитие России и ее регионов продолжится без угрозы для существования самого государства. Между тем, на наш взгляд, это далеко не очевидно. Привлечение результатов теоретических обобщений предшествующего параграфа, позволяет утверждать, что при рассмотрении перспектив развития регионов и обосновании регулирующих воздействий государства важно учитывать еще один возможный сценарий развития – дестабилизацию системы. Именно в период масштабной перестройки национальной и территориальной политики такая опасность многократно возрастает. Но, отметим, этот сценарий является самым крайним, а значит маловероятным.

Глава 2. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

2.1. Специфика, проблемы и перспективы регулирования развития информационно-коммуникационных технологий в России

Проблемы регулирования развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) являются базовыми в современной теории и практике управления. Это обусловлено двумя обстоятельствами.

Во-первых, активными темпами роста ИКТ в экономике и социальной сфере России.

Во-вторых, в условиях декларированного выбора инновационного специфика и основные пути развития ИКТ являются основанием преобразования народного хозяйства и специфики общественных отношений.

Значимость развития ИКТ предопределяет анализ статистических показателей. Следовательно, необходимо определить – что именно считается ИКТ при формировании макроэкономических и региональных показателей

Сущность ИКТ с позиций формирования статистических показателей.

В конце 2015 года Министерство связи и массовых коммуникаций РФ сообщило об утверждении собирательных классификационных группировок «Сектор информационно-коммуникационных технологий» (ИКТ) и «Сектор контента и средств массовой информации» (СМИ) [107]. Отметим, эта нормативно-правовая деятельность Минкомсвязи направлена на совершенствование и гармонизацию отраслевой статистики с международными стандартами.

Так, согласно Приказу Минкомсвязи России №515 от 7 декабря 2015 года, утверждены, гармонизированные с международными стандартами, группировки «Сектор информационно-коммуникационных технологий» и «Сектор контента и средств массовой информации» созданы на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014. Согласно Приказу сектор ИКТ определяется как совокупность видов экономической деятельности, связанных с производством продукции, предназначенной для выполнения функции обработки информации и коммуникации с использованием электронных средств, включая передачу и отображение информации. В сектор ИКТ входят производство ИКТ, оптовая торговля ИКТ-товарами и оказание ИКТ-услуг. В группировку товаров и услуг ИКТ-сектора вошли компьютеры и периферийное оборудование, коммуникационное оборудование, бытовая электронная техника, прочие компоненты и ИКТ-товары, услуги по производству ИКТ-оборудования, издание программного обеспечения, консультирование по вопросам информатизации и работы в области компьютерных технологий, телекоммуникационные услуги, услуги по лизингу или аренде ИКТ-оборудования, услуги по обработке данных, предоставление услуг по размещению информации, по управлению сетями и компьютерными системами, ремонту ИКТ-оборудования. Все остальные, косвенно связанные с ИКТ виды и товары, отнесены к сектору контента и СМИ.

Эти группировки созданы для формирования официальной статистической информации, в частности, для сбора макроэкономических

показателей по сектору ИКТ и сектору контента и СМИ. Они также используются для оценки хода реализации государственной программы РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)», «Стратегии развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года». Данные необходимы для формирования информационно-аналитической базы для определения приоритетов государственной политики по стимулированию развития российского рынка ИКТ и поддержке отечественного производства товаров и оказания услуг в области ИКТ, а также для проведения комплексного анализа, прогнозирования и межстрановых сопоставлений по показателям развития информационной индустрии и цифровой экономики [107].

Специфика и проблемы развития ИКТ в России. Следует отметить значительные темпы роста ИКТ в России, что в целом соответствует глобальным тенденциям. Здесь мы отмечаем общую тенденцию роста. Вместе с тем, именно это рыночный сегмент значительно подвержен влиянию кризиса. Так, согласно отчету PMR, растущая макроэкономическая неопределенность и экономический кризис в 2015-2016 годах подтолкнули бизнес и госорганы к внедрению решений, направленных на оптимизацию расходов и, одновременно, к переносу сроков реализации новых проектов.

Эксперты отмечают, что российский рынок ИКТ является консолидированным: на нем работают не более 100-120 компаний с годовой выручкой, превышающей 1 млрд. рублей. Наибольшим сегментом российского ИКТ-рынка является оборудование, на долю которого пришлось около 44% выручки в 2015 году. Годом ранее этот долевой показатель был выше. Продажи SaaS-решений повысились на 28%.

85% корпоративных расходов на информационные технологии в 2015 году пришлось на большие компании. Вызывает интерес поведение государственных органов - затраты на ИКТ увеличились в 2015 году. Госорганы продолжают инвестировать в ИКТ, несмотря на необходимость оптимизации расходов. Эту черту мы не можем характеризовать иначе, как позитивную. Аналитики ожидают, что в 2016 году российский рынок ИКТ продолжит падение, однако темпы падения будут меньше относительно 2015-го (на 1,2% в рублях и на 5,5% в европейской валюте). Прогнозируется, что в 2017 году рынок вернется к росту: продажи ИТ-продуктов и сервисов в России поднимутся на 7,2% и 6,3% в рублях и евро соответственно» [130].

Учитывая влияние кризиса, искажающего общие тренды, рассмотрим специфику и проблемы развития ИКТ на более ранних данных. Так, по данным Минкомсвязи, РФ увеличила объем отрасли ИКТ в 2010 году на 2,1% (до 1,808 трлн рублей). Вместе с тем, несмотря на существенный темпы прироста по всем позициям, отражающим развитие ИКТ, Россия все еще отстает от развитых стран мира. Например, проникновение Интернета (% от населения) в России - 43%. Для сравнения, в Великобритании - 83%, Австралии - 80, Германии - 79, Японии - 78, США - 77, Франции - 69, Испании - 63, Италии - 52%. Несколько меньше доля проникновения Интернета в Бразилии (в последнее время частый эталон для сравнения с российской ситуацией в социально-экономической сфере) - 38%, в Китае - 32% [3].

Эксперты Всемирного экономического форума считают сильными позициями России хорошее качество образования и возможности для научных исследований. Среди позитивных особенностей ИКТ в РФ отмечается также

бурное развитие мобильной связи. Согласно рейтинговым оценкам по уровню оснащенности мобильной связью Россия замыкает первую десятку. В докладе приводятся данные, что на каждого россиянина приходится полторы сим-карты.

Этот вывод экспертов достаточно спорен. Авторские исследования показывают следующее. Если брать стандартные статистические показатели, например, число зарегистрированных абонентских терминалов сотовой связи в регионах, нормированное на численность населения, то рост составляет в среднем по стране более чем 64 раза за 10 лет. Эти данные, приведенные по регионам, действительно могут свидетельствовать о существенно возросшем потреблении услуг сотовой связи в каждом из субъектов РФ [194]. Однако количество сим карт мало отражает реальность. У одного человека может быть десяток сим карт, у другого – ни одной. Кроме того, очень высокая стоимость роуминговых услуг по регионам увеличивает количество сим карт у людей, перемещающихся по стране.

Более наглядно демонстрирует ситуацию анализ стоимости услуг сотовой связи и покрытие. Результаты исследований показывают следующее. Во-первых, наблюдающейся существенной дифференциации стоимости услуг сотовой связи по регионам России, не связанной с покупательной способностью населения. Во-вторых, как правило, высокая цена услуг сотовой связи накладывается на плохое покрытие региона, то есть, высокая цена не определяет качество. Таким образом, в России наблюдается существенное региональное неравенство в оснащенности мобильной связью. Другая сторона проблемы – соотношение доходов населения и стоимости услуг сотовой связи в России ниже, чем в развитых странах. Таким образом, трудно согласиться с мнением экспертов об относительном благополучии с мобильной связью в Российской Федерации.

Основные причины отставания России в сфере ИКТ эксперты Всемирного экономического Форума видят в следующих факторах:

- 1) законодательная база, не способствующая развитию и использованию ИКТ - 109 место;
- 2) низкий уровень готовности органов государственной власти к развитию и поддержке ИКТ - 99 место;
- 3) плохой бизнес-климат (комплексный показатель);
- 4) низкий уровень использования ИКТ в государственном управлении - 107 место;
- 5) низкий уровень доступности новых технологий и защиты интеллектуальной собственности Российская Федерация - 102-е место [3].

Именно на последней позиции, касающейся проблемы доступности технологий, спецификации и защиты авторских прав в Российской Федерации следует остановиться подробно. Считаем, что эта проблема вбирает в себя все причины отставания России в сфере ИКТ, отмеченные экспертами.

Особенности регулирования развития ИКТ.

Автор достаточно давно занимается проблемами легальности программного обеспечения (ПО). Исследования периода 2000-2004 гг. показали огромный объем использования нелегального ПО в России в начале века. Так же, в рамках авторских исследований, были произведены количественные оценки издержек легализации. По данным 2002 г. на примере Мурманской области нами были оценены издержки легализации типового ПО. Определено, что они составили бы более 8% ВРП региона, стабильно входящего в десятку субъектов с наиболее высоким ВРП. Причем, эти оценки минимальны, так как

учитывали только базовое ПО предприятий и организаций Мурманской области, не учитывали издержки легализации серверного ПО, средств разработки, управления базами данных и т.д., также не учитывалось ПО, используемое населением Мурманской области, и штрафные санкции за многолетнее использование нелегального ПО [190]. Предшествующие исследования показали, что по России в целом в 2005 г. издержки легализации только операционной системы Microsoft Windows XP и пакета Microsoft Office составили бы более 2120,4 млн долл. США (по минимальным оценкам), что на тот момент составляло 8,4% от размера стабилизационного фонда Российской Федерации (По данным Минэкономразвития, стабилизационный фонд России на 01 марта 2005 г. составлял 707,5 млрд рублей) [4, С.86].

В настоящее время ситуация с легальностью ПО в России кардинально изменилась. Количество нелегального ПО сократилось в порядок. Но что получила Россия в обмен на легализацию ПО?

К положительным сторонам легализации следует отнести совершенствование механизма спецификации и защиты прав собственности, в частности, интеллектуальной, - необходимого атрибута цивилизованного рыночного обмена и основы постиндустриальных глобальных экономических отношений.

Но, какие типовые эффекты от легализации ПО, непосредственно связанные со спецификацией и защитой прав собственности, получили добросовестные пользователи? Сопоставимы ли они с ценой легализации, как для конкретного предприятия, так и для национальной экономики в целом? Исследования на эту тему, к сожалению, практически отсутствуют.

Еще в начале 2004 г. в журнале «Вопросы экономики» была опубликована наша работа, в которой ответы на эти вопросы были спрогнозированы – практически никакой экономической выгоды, ни добросовестный приобретатель, ни национальная экономика не получили [190, С.87-95]. Это связано со спецификой ПО, обладающего свойствами сложного товара. То есть, при выборе такого товара сравнивается не только цена и некие потребительские качества, но и общая стоимость владения (total cost of ownership), то есть ремонт, гарантийный срок и срок эксплуатации, убытки от простоев и т.д.

Обобщение мнения специалистов позволяет утверждать – при использовании продукции Microsoft они выше по сравнению с издержками использования ПО ряда других компаний [29, С.86]. Согласно особенностям ограниченной гарантии компании Microsoft (как было сказано выше – основного производителя типового ПО), отсутствуют гарантии качества ПО. В результате – ущерб для бюджета пользователя невозможно переложить на производителя ПО. Фактически, это ни что иное, как слабоспецифицированные права собственности для добросовестного приобретателя. Между тем, динамика свидетельствует об увеличении стоимости новых программ лицензирования Microsoft, как для физических, так и для юридических лиц.

Таким образом, можно сделать вывод – в обмен на легализацию экономика России получила слабо специфицированные права собственности на технически недостаточно совершенное ПО. Это привело к ряду неблагоприятных факторов снижения конкурентоспособности экономики и национальной безопасности [подробнее см.: 4, 5]. Возникает вопрос – а была ли альтернатива? Был ли возможен другой путь информатизации?

Мировой опыт свидетельствует о существовании выбора, направленного на создание собственной национальной платформы при активном участии государства. При этом используются преимущественно модели свободного ПО. Доля открытого ПО на мировом рынке постоянно увеличивается. По мнению аналитиков, рынок ПО с открытым исходным кодом будет расти в среднем на 22,4% в год.

Мировой финансовый кризис стал своеобразным катализатором бурного развития свободного ПО. Директор по исследованиям рынка ПО Gartner Research Шарон Мерц отмечает: «Теперь, когда ИТ-расходы будут вынужденно урезаны, и коммерческие, и государственные организации заинтересуют невысокая «цена входа» и совокупная стоимость владения, меньшая, чем у проприетарных решений. Мы полагаем, что особенно широко свободное ПО станут внедрять в образовательной сфере и госструктурах во всем мире» [98]. И действительно, факты свидетельствуют, что в последнее время государственное управление многих стран стимулирует разработку и использование свободного ПО. В последние 10 лет многие страны (Германия, Япония, Китай, Южная Корея и др.) перешли в сфере государственного управления на свободное ПО.

Что касается России, то последние три года наблюдаются позитивные тенденции проникновения свободного ПО в государственный сектор. Первый опыт – 2008 г. пакет свободного ПО (в него входят операционная система Linux, ПО для создания и редактирования электронных таблиц, для создания презентаций, для управления базами данных, для управления электронной почтой, приложения для обеспечения безопасности, для работы с музыкой, графическое ПО, а также ПО для программирования и ряд других программ) вместе с методическими рекомендациями и учебными курсами поступил в 50% городских и 20% сельских школ республики Татарстан, Пермского края, Томской области. Удачный опыт позволил постановить необходимость перехода российских школ на использование свободного ПО к 1.01.2011. Однако большая часть регионов еще не перешла на использование свободного ПО.

По данным исследования, проведенного компанией «Корус-консалтинг» в 2008 г., большинство участников рынка сходятся в том, что для успешного развития рынка свободного программного обеспечения необходимы единая государственная политика в сфере развития СПО в государственном секторе; создание инфраструктуры разработки и внедрения систем на базе открытого кода и стандартов, решающих задачи автоматизации государственного управления; инструмент создания, хранения и передачи органам государственной власти типовых проектных решений на базе СПО; механизм, позволяющий избежать разработок или закупок одинаковых по функционалу коммерческих решений для каждого региона или ОГВ в отдельности [62].

Следует отметить, что сейчас в России начала осуществляться полномасштабная политика, позволяющая успешно решить все эти задачи [19]. 17 декабря 2010 года премьер-министром Владимиром Путиным было подписано распоряжение Правительства РФ «О плане перехода федеральных органов исполнительной власти и федеральных бюджетных учреждений на использование свободного программного обеспечения (2011-2015 гг.)». Согласно прилагаемому к распоряжению плану в IV квартале 2011 г. предполагается апробация базового пакета свободного ПО (включая операционные системы, драйверы для оборудования и прикладное ПО для серверов и для рабочих мест пользователей) в

пилотных организациях – федеральных органах исполнительной власти и бюджетных учреждениях запланирована на II квартал 2012 года. Далее будут ежеквартальные обновления государственного репозитория, внесение изменений в квалификационный отбор на должности госслужбы, наработка методических материалов и, наконец, окончательное внедрение в федеральных органах исполнительной власти и подведомственных бюджетных учреждениях пакета базового свободного программного обеспечения и пакетов дополнительных прикладных программ к III кварталу 2014 года.

Для реализации этого проекта 01 апреля 2011 г. была утверждена национальная программная платформа (сообщество российских компаний-разработчиков ПО, а также научных и госучреждений (1С, Abbyy, «Альт Линукс», «Крипто-про», ИПУ РАН, ИСП РАН, МГТУ им. Баумана, «АйТи», «Воентелеком» и др.). Среди целей перечисляются импортозамещение, национальная безопасность, ликвидация отставания в уровне использования ИТ в экономике и повышение конкурентоспособности отечественных разработок на мировом рынке. Для их достижения предлагается поэтапно разрабатывать и внедрять отечественное ПО (как свободное, так и проприетарное). Это и будет эффективным способом решения проблемы легальности ПО.

Подводя итоги, следует подчеркнуть – современная политика и практические меры информационного развития полностью соответствует международному опыту и национальным интересам России. К сожалению, движение по пути активной поддержки разработки собственного ПО, в том числе и открытой модели, начато, как минимум, на десятилетие позже возможного. Особенно отрицательная характеристика такого запаздывания обуславливается тем, что уровень развития информатизации в России еще десятилетие назад был низким. Следовательно, отсутствовал эффект привыкания российских пользователей к особенностям интерфейса ОС Windows. Именно эта привычка искажает выбор по критериям функциональности не только некоего рядового гражданина-пользователя, но и «усредненного» менеджера как государственного, так и негосударственного сектора. Выявленные особенности использования типового ПО и специфика регулирования позволили утверждать - движение по пути преимущественного использования отечественного ПО открытой модели не столь очевидно, как могло бы быть в силу объективных причин и управленческих усилий.

2.2. Значимость информационно-коммуникационных технологий для регионального социально-экономического пространства России

Как показано в предшествующей главе, в условиях необходимого и обоснованного выбора инновационной стратегии развития России, направленной на продвижение в информационное общество, особую актуальность приобретают вопросы информатизации экономики и социальной сферы. Выделение регионального аспекта диктуется необходимостью в обобщенной территориальной стратегии социально-экономического развития, увязанной с общенациональными интересами и перспективами, но так же и с особенностями конкретного региона.

Безусловно, специфика информатизации является своеобразным отражением уровня социально-экономического развития той или иной территории. Вместе с тем, ряд исследователей ставит под сомнение представление

о ключевой роли информационных технологий в развитии экономики без учета остальных источников роста. Многочисленные исследования свидетельствуют, что в развитых странах существует тесная зависимость между развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и экономическим ростом. Однако в развивающихся, малотехнологичных странах тесной связи между развитием ИКТ и ростом ВВП на душу населения не наблюдается. Причина – технологии оказывают положительное влияние только после достижения некоторого минимального порога развития ИКТ. То есть, как было показано, в частности, в исследовании Economist Intelligence Unit (аналитическая служба журнала «The Economist») [265], распространенность информационных технологий должна достичь некоторой критической массы, прежде чем они начнут оказывать существенное позитивное воздействие на экономику страны и регионов. В этой связи представляет интерес рассмотрение двух вопросов.

Во-первых, какова специфика и различия распространенности ИКТ в региональном пространстве России?

Во-вторых, есть ли зависимость между уровнем развития ИКТ и социально-экономическими характеристиками регионального развития?

Ответы на эти вопросы будут представлены в следующем параграфе.

При изучении пространственного развития территорий России в контексте информатизации возникает необходимость подчеркнуть еще один аспект значимости информационно-коммуникационного комплекса – как средства, сокращающего расстояния, увеличивающего скорость обмена информационными потоками, нивелирующего проблему ограниченности транспортной доступности ряда территорий.

Актуальность этого аспекта обуславливается тем, что в последние годы для ряда территорий существенно обострилась проблема транспортной доступности. Это касается, в первую очередь северных и малонаселенных территорий. Так, исследования показывают реальность проблемы существенного сокращения по сравнению с советским периодом количества аэропортов, портов, авиа, морских пассажирских рейсов, высокой степени износа автомобильных дорог и т.д. [183, 184]. В частности, в том числе и авторские расчеты показывают, что северные регионы РФ более чем в три раза отстают от северных регионов зарубежных стран по показателям скорости доставки грузов, плотности дорожной сети, что приводит не только к известной проблеме высокой доли транспортной составляющей в себестоимости продукции Севера, но и к масштабным социальным потерям северян [30]. Отрицательно влияют на развитие северных и других отдаленных территорий и высокие транспортные тарифы, фактически «отрезающие» экономику от рынков сбыта продукции, нарушающих сложившиеся ранее межрегиональные связи, негативно отражающиеся на возможностях населения посетить центральную часть собственной страны. Низкий уровень развития и техническое состояние транспортных коммуникаций приводит к проблеме нарушения связности страны. Значительные усилия последних лет, направленные на решение «дорожных» проблем не могут решить их «одномоментно».

В таких условиях ИКТ являются связующим звеном с общестрановыми и мировыми процессами, включающими население даже отдаленных уголков России в процессы обмена знаниями.

Вышесказанное актуализирует необходимость рассмотрения количественных характеристик информатизации регионов, а также зависимостей,

отражающих соответствие уровня развития ИКТ регионов и уровня развития экономики и социальной сферы. Кроме того, как обозначено выше, несомненный интерес представляет рассмотрение вопроса о том способно ли ИКТ воздействовать на результаты экономики регионов Российской Федерации?

2.3. Информационно-коммуникационные технологии и экономическое развитие регионов России: поиск фундаментальных зависимостей и новых задач регулирования

Отметим, что формирование инновационной системы хозяйствования как центрального звена и инструмента принципиальной перестройки экономики добывающего типа является фундаментальной проблемой управления в России. Очевидная сложность разрешения противоречия между добывающим характером экономики и организацией экономических отношений инновационной модели порождает актуальность исследований, направленных на решение конкретных задач инновационного движения, учитывающих реальные факторы экономического развития России. Одной из важнейших и достижимых задач в рамках решения этой проблемы является оценка перспективных направлений развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в региональном пространстве с учетом факторов экономического развития.

Настоящее исследование отвечает на три вопроса.

1. Существует ли зависимость между результатами функционирования экономики регионов и развитием ИКТ?

2. Насколько развитие ИКТ определяет экономические результаты регионального развития?

3. Какие направления воздействия государства на развитие ИКТ потенциально наиболее перспективны?

О влиянии ИКТ на экономику: специфика исследований.

Исследования специфики развития ИКТ, их влияния на экономический рост и социальное развитие являются одним из базовых направлений работ мировой науки. Естественно объяснение повышенному вниманию – огромные ресурсы, вовлеченные в процессы развития ИКТ, порожденные интересами безопасности, экономическими, социальными потребностями.

Зарубежные работы связаны с решением следующих задач: оценка влияния ИКТ на производительность труда стран и отраслей [261, 271, 289, 292], выявление факторов, которые способствуют внедрению ИКТ [259, 267, 268], определение и привлечение внимания к тем сферам, где государство и (или) частный бизнес смогут добиться наибольших результатов для запуска факторов развития ИКТ и его экономических эффектов [265, 273, 289]. Согласно результатам исследований, именно от уровня развития ИКТ существенно зависят темпы экономического роста, производительность труда, характеристики качества жизни населения. Поэтому результаты этих работ отражаются в формировании экономической и социальной политики, а также практических шагах государственного регулирования развитых стран. Например, еще в 2000 году лидеры ЕС приняли план экономических реформ, цель которого – превратить ЕС в наиболее динамичную и конкурентоспособную информационную экономику в мире. Значимость подобного рода документов обуславливается одной из основных проблем Европы – отставанием от США в производительности труда и темпах ее роста [268, 291]. Очевидно, что столь

амбициозные цели развития России ставить еще рано. Поэтому основное внимание российских исследователей направлено на отражение проблем догоняющего развития в сфере ИКТ и технологической модернизации секторов экономики и социальной сферы [см., напр.: 4, 5, 16, 75, 190].

Специфика настоящего исследования проявляется в трех аспектах.

Первый связан с постановкой проблемы исследования - задачи и результаты направлены на выявление перспективных направлений развития ИКТ с учетом ряда серьезных недостатков в экономике, институциональной среде.

Второй аспект обусловлен методологией исследования, предполагающей первичным количественное описание процессов и закономерностей развития ИКТ с последующим переходом к теоретическим объяснениям и формулировкам управленческих целей.

Третий аспект обусловлен методическими особенностями оценки. По сравнению с традиционными приемами выявления факторов экономического развития и влияния ИКТ, построенные структурные модели и оценки имеют ряд преимуществ. Во-первых, позволяют статистически значимо определить связь между экономическим развитием и развитием ИКТ в регионах. Во-вторых, количественно оценить влияние ИКТ на экономические характеристики регионов. Поясним. Полученные в настоящем исследовании данные о «вкладе» ИКТ в развитие регионов имеют преимущества относительно результатов ряда известных исследований. Так, нередко в исследованиях выводы о «вкладе» делаются на основе использования в методиках логарифмических приемов, увеличивающих воздействие «малого» до «значительного», или на установлении линейных зависимостей, что не тождественно понятию «вклад» [75, 134, 283]. В-третьих, определить формализованными методами перспективные «ниши» управления развитием ИКТ, что максимально возможно устраняет субъективную составляющую рекомендаций.

Базовые показатели оценки. При выборе показателей, характеризующих развитие экономики и развитие ИКТ, использованы принципы комплексности, минимально необходимого набора показателей, непротиворечивости показателей, доступности данных, что позволяет повторять и дополнять полученные нами результаты [9].

Показатели оценки развития ИКТ в регионе: 1) количество персональных компьютеров (ПК) на душу населения; 2) расходы на покупку ПК на душу населения; расходы на покупку программного обеспечения (ПО) на душу населения; 3) расходы на обучение персонала на душу населения; 4) расходы на оплату услуг сторонних организаций и специалистов (кроме услуг связи и обучения) на душу населения; 5) число зарегистрированных терминалов сотовой связи на душу населения.

Показатели социально-экономического развития региона: 1) ВРП на душу населения; 2) инвестиции в основной капитал на душу населения; 3) отношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума; 4) уровень занятости населения.

Для решения проблемы сопоставимости данных ВРП скорректирован с учетом индекса физического объема, инвестиции скорректированы с учетом индекса физического объема инвестиций; затраты на ИКТ скорректированы с учетом индекса потребительских цен на непродовольственные товары.

Определение зависимости между результатами функционирования экономики регионов и развитием ИКТ.

Для поиска зависимости между экономическими показателями и затратами на развитие ИКТ проверялось наличие связи между базовыми экономическими показателями – ВРП на душу населения и инвестициями в основной капитал. Очевидно, что в случае отсутствия такой зависимости целесообразность этой составляющей исследования исчезает. Однако исследование показало наличие высокой вероятности зависимости (табл. 2.1). Так, коэффициент корреляции находится в пределах от 0,81 до 0,99. Причем, в 2009-2013 гг. наблюдалась наиболее сильная теснота линейной зависимости между этими показателями.

Далее определялось наличие зависимости между инвестициями в основной капитал и затратами на ИКТ. Установлена значимая корреляция (колебания в пределах от 0,34 до 0,72). Однако степень тесноты линейной зависимости ожидаемо ниже, чем между ВРП на душу населения и инвестициями в основной капитал. Значительно выше зависимость между ВРП на душу населения и затратами на ИКТ (колебания коэффициента корреляции от 0,55 до 0,89).

Наличие связи между инвестициями в основной капитал и затратами на ИКТ носит «вторичный» характер, определяемый высокой степенью зависимости между ВРП на душу населения и инвестициями в основной капитал. То есть, учитывая природоэксплуатирующий характер большинства наиболее успешных регионов, невысокотехнологичный характер экономики в целом, очевидно, что доля затрат на ИКТ в инвестициях в основной капитал невысока. Это подтверждает и обратная зависимость между ВРП на душу населения и долей расходов на ИКТ (табл. 2.1). *Предварительный вывод - не инвестиции в основной капитал определяют затраты на ИКТ, а именно величина ВРП на душу населения, то есть, фактически возможность трат ресурсов на ИКТ.*

Табл. 2.1. Зависимости между экономическими показателями и затратами на ИКТ в регионах России

Показатели	Значения коэффициента корреляции										
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
ВРП на душу населения - инвестиции в основной капитал	0.91	0.93	0.91	0.81	0.81	0.84	0.95	0.94	0.95	0.94	0.93
Инвестиции в основной капитал - затраты на ИКТ	0.45	0.64	0.34	0.42	0.57	0.44	0.64	0.52	0.72	0.66	0.72
ВРП на душу населения - затраты на ИКТ	0.57	0.77	0.64	0.76	0.86	0.69	0.74	0.69	0.82	0.80	0.89
ВРП на душу населения -доля затрат на ИКТ	-0.12	-0.23	-0.10	-0.18	-0.18	-0.14	-0.14	-0.01	-0.01	-0.10	-0.02

В процессе решения задачи выявления зависимости между результатами функционирования экономики регионов и развитием ИКТ возникает следующая проблема. Регионы России крайне разнообразны по экономической специализации, характеризуются значительной межрегиональной дифференциацией по уровню социально-экономического развития. Следует ожидать, что характер зависимости между социально-экономическими характеристиками регионов и развитием ИКТ будет также различен. Кроме того, помимо аналитических целей, исследование

ориентировано также на управленческие задачи - формулировку рекомендаций по запуску факторов ИКТ, способствующих экономическому росту субъектов РФ. Эти рекомендации должны учитывать цели и особенности развития каждого региона. Следовательно, необходимо дифференцировать разнообразные субъекты РФ по неким специфическим основаниям их развития, что подразумевает типологизацию.

В нашем исследовании рассматривается 3 типа регионов, выделяемых согласно официальной Типологии социально-экономического развития субъектов РФ, опубликованной Министерством регионального развития 22.01.2007 года. В Типологии выделяется также 4-й тип «Особых регионов» (спецтерриторий), для которых характерна сложная политическая ситуация. К данному типу относятся только два субъекта – Республика Ингушетия и Чеченская Республика. Эти регионы были исключены из исследования по причине частых пропусков данных в официальной статистике. Отметим, этот тип носит внесистемный характер, не определяет предмет настоящего исследования, поэтому отсутствие этих данных существенно не повлияет на результаты исследования.

Аргументы целесообразности использования этой типологии:

1) управленческий - разработана на основе «Концепции стратегии социально-экономического развития регионов РФ» (2005 г.), официально принята к использованию, отражает цели и задачи государственного управления;

2) функциональный - в типологии все субъекты РФ объединены в группы по основаниям развития, степени включенности в глобальные процессы развития (глобализацию, урбанизацию, неоиндустриализацию), что соответствует целевой ориентации настоящего исследования;

3) методологический - субъекты РФ, входящие в один и тот же тип, имеют не только близкие значения показателей социально-экономического развития, но и сходные тенденции развития.

1. Регионы – локомотивы роста (подтипы: мировые города и центры федерального значения). Характеризуются самыми высокими показателями душевого ВРП, объемов инвестиций в основной капитал, финансовой обеспеченности, вовлеченности во внешние экономические связи, относительно высокой покупательной способности населения и более низкой, чем в среднем по России, доли бедного населения.

2. Опорные регионы (подтипы: сырьевые и старопромышленные регионы). В сырьевых регионах большинство инфраструктурных проектов нацелены на обеспечение транзитной экономики, отсутствует высокоорганизованная урбанистической среды жизни. Старопромышленные регионы характеризуются традиционными промышленными производствами, переживающими структурный кризис (устаревшая технологическая база, низкий уровень жизни населения, дефицит квалифицированных кадров и т.п.).

3. Депрессивные регионы (подтипы: фоновые и кризисные). При более низких в настоящее время, чем в среднем по стране, экономических показателях, в прошлом это были развитые районы, по некоторым позициям занимавшие видное место в экономике страны. Эти регионы характеризуются низким уровнем жизни населения, дефицитом трудовых ресурсов.

Доля затрат на ИКТ в инвестициях в основной капитал согласно Типологии регионов представлена в таблице 2.2. Специфика общероссийской ситуации - доля затрат на ИКТ относительно невелика - колеблется в пределах 5,2-7,1%.

Табл. 2.2. Средняя доля затрат на ИКТ в инвестициях в основной капитал по типам регионов

Группы регионов	%										
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Все регионы РФ	6.44	6.04	6.99	5.74	5.20	5.49	5.91	7.12	6.12	6.01	7.14
Регионы – локомотивы роста	7.95	8.31	6.25	6.57	6.77	6.58	8.87	9.35	11.39	7.99	11.28
Опорные регионы	7.07	4.79	6.28	6.33	4.83	4.95	5.37	6.27	5.52	6.03	6.00
Депрессивные регионы	5.83	6.17	7.48	5.29	5.06	5.52	5.56	7.06	5.32	5.49	6.09

Обращает внимание тенденция падения доли затрат на ИКТ в инвестициях в основной капитал вплоть до 2008 года, а в кризисный период доля затрат несколько увеличивается. Причем эта тенденция одинакова для всех типов регионов. С точки зрения управления эту особенность следует считать преимущественно позитивной, поскольку она направлена на инфраструктурное обустройство элементами «новой экономики» социально-экономического пространства всех регионов РФ. Поясним. Во-первых, добывающий характер экономики РФ предопределяет необходимость ориентации государственного управления на достижение определенного равенства в доступе к ИКТ всех субъектов РФ, что на поверхности социально-экономических явлений должно выражаться в сходстве тенденций развития ИКТ. Кроме того, в кризисные периоды оптимальнее всего инвестировать именно в инфраструктурное обустройство. Логика проста – это не только создание рабочих мест, но и инвестиции в будущее, то есть, кризис закончится, а инфраструктура, определенный уровень развития ИКТ останутся. Негативная составляющая заключается в том, что затраты на ИКТ инициируют поток дохода в других, высокотехнологичных странах, в ущерб альтернативным вливаниям в отрасли национальной экономики. Но это типичные потери низкотехнологичной экономики. Поиск альтернатив развития непосредственно не входит в предмет настоящего исследования, однако некоторые предложения, частично нивелирующие эту проблему, будут представлены в последующих разделах.

В регионах-локомотивах средняя доля затрат на ИКТ в инвестициях в основной капитал ожидаемо выше, чем в остальных субъектах (табл. 2.2). Объясняется не только более высоким научно-техническим развитием относительно остальных субъектов РФ, требующим большей доли инвестиций в ИКТ, но также ориентацией современной государственной политики на приоритетное развитие ИКТ именно в регионах-локомотивах.

Наблюдаемые примерно одинаковые тенденции и равная доля затрат на ИКТ в группе опорных и депрессивных регионах объясняются следующим. Опорные регионы включают сырьевые и старопромышленные субъекты РФ, спецификой которых является слабый спрос на развитие ИКТ. В случае сырьевых регионов слабость спроса определяется не только транзитным характером экономики, но и недостаточностью развития урбанистической среды. В случае старопромышленных регионов традиционные индустриальные производства, переживающие системный кризис, также не способны инициировать спрос. Вместе с тем, и усилия государства по развитию ИКТ, и общая тенденция постоянного

повышения минимально необходимого уровня ИКТ в экономике инициируют необходимость определенной доли трат на ИКТ, что объясняет сходство характеристик затрат на ИКТ в опорных и депрессивных группах регионов РФ.

Подводя итоги, можно сделать базовый вывод этого раздела - имеется значимая зависимость между уровнем развития ИКТ и характеристиками экономического развития субъектов РФ. Как следствие, наблюдается такой же высокий уровень межрегиональной дифференциации. Достоверность этого вывода будет подтверждена также в результатах, представленных ниже.

Насколько развитие ИКТ регионов РФ определяет социально-экономические характеристики деятельности субъектов РФ? Для решения этой задачи, как правило, используют все те же инструментарий парной корреляции или результаты качественных оценок на основе интервьюирования экспертов [75,134]. В первом случае – решить эту задачу невозможно, поскольку инструментарий не позволяет выявить причину и следствие, второй вариант – субъективен, методологически дает возможность заранее корректировать результаты опросов допустимыми способами.

Для решения задачи количественной оценки насколько развитие ИКТ определяет экономические параметры развития регионов РФ было решено воспользоваться теорией производственных функций. Классическая производственная функция (ПФ) выражает зависимость результата производства от затрат ресурсов. Наиболее естественную интерпретацию, отвечающую целям настоящего исследования, имеет ПФ Кобла-Дугласа [263]:

$$V(t) = A \cdot K(t)^p \cdot L(t)^q, \quad p + q = 1 \quad (2.1)$$

где $V(t)$ – выпуск продукции (ВРП) за год t ; $K(t)$ – капитал за год t ; $L(t)$ – труд (количество занятых в исследуемой системе) за год t . Переменные (A , p и q) являются оцениваемыми параметрами. При этом A всегда больше нуля и называется коэффициентом нейтрального технического прогресса (при постоянных p и q выпуск в точке (K, L) тем больше, чем больше A), p – эластичностью по капиталу (доля вклада капитала в ВРП), q – эластичностью по труду (доля вклада труда в ВРП).

Имея достаточные по длине динамические ряды, можно с помощью (2.1) связать выпуск продукции, капитал и труд.

Однако, учитывая относительно короткий динамический ряд наблюдений базовых характеристик развития ИКТ и экономики регионов РФ, была произведена модификация производственной функции (ПФ) по методике Баранова [15, 18].

Для преодоления проблемы недостаточности данных в динамическом ряду явления предлагаем оценивать параметры ПФ (2.1) не по динамическим рядам данных, а по региональным: за выпуск принимается ВРП на душу населения регионов, за капитал – инвестиции в основной капитал без ИКТ, за труд – численность населения регионов. Тогда ПФ (2.1) принимает вид:

$$V(r) = A \cdot K(r)^p \cdot L(r)^q, \quad p + q = 1 \quad (2.2)$$

где r – номер региона; L – численность населения (труд); K – инвестиции в основной капитал.

Производственная функция (2.2) уже описывает не поведение изучаемой системы в разные моменты времени, а поведение набора систем (регионов) в один и

тот же момент времени [подробнее см.: 34]. Число регионов в РФ достаточно для оценки параметров (2.2) методом максимального правдоподобия.

Основным недостатком использования ПФ (2.1) и (2.2), возникающим при моделировании сложных экономических систем, является предположение о равенстве эластичностей по труду и капиталу для всей отрасли региона. Для устранения этого недостатка необходим учет особенностей каждой отрасли каждого региона, что невозможно по причине отсутствия данных. Отметим, проблема отсутствия данных для уточнения влияния ИКТ на экономическое развитие отмечается практически в любых, в том числе, и широкоизвестных исследованиях, например в работах Schreyer [283]. При использовании ПФ этот недостаток, как правило, умалчивается в связи с главными положительными факторами, которые традиционно позволяют считать ПФ апробированным способом проверки измерения вклада технического прогресса в экономический рост [266], среди которых, на наш взгляд, наиболее значимый – это естественная интерпретация полученных результатов.

Количественное определение вклада ИКТ в экономику региона осуществлялось по следующей схеме, предложенной С.В. Барановым [18]. Отметим, что здесь приведены и его расчеты (табл. 2.3).

Табл. 2.3. Оценки параметров ПФ (2.2), значения логарифмической функции правдоподобия ($\log L$) и ошибка аппроксимации без ИКТ и с учетом ИКТ за период с 2003 по 2013 гг. для всех регионов РФ (без Республики Ингушетия и Республики Чечня)

	A	p	q	$\log L$	Ошибка (%)
Без ИКТ					
2003	6.24	0.70	0.38	-3.45	19.44
2004	6.95	0.70	0.36	-6.01	21.06
2005	7.80	0.68	0.37	-21.88	24.15
2006	4.73	0.74	0.34	-6.33	21.03
2007	4.07	0.76	0.33	-7.83	20.11
2008	3.84	0.77	0.31	-6.50	19.86
2009	4.44	0.79	0.28	-11.59	22.52
2010	6.77	0.74	0.29	-26.29	24.01
2011	4.48	0.74	0.34	-21.02	23.26
2012	4.63	0.70	0.33	-20.50	19.99
2013	5.00	0.72	0.34	-19.99	23.50
С учетом ИКТ					
2003	6.05	0.72	0.35	3.48	18.05
2004	6.61	0.72	0.33	-2.37	19.84
2005	4.77	0.77	0.30	-6.96	21.31
2006	4.57	0.75	0.32	-2.73	19.92
2007	3.87	0.77	0.31	-4.03	19.06
2008	3.60	0.79	0.29	-1.99	18.83
2009	4.14	0.81	0.25	-5.84	21.29
2010	5.04	0.79	0.24	-15.52	21.70
2011	4.14	0.76	0.31	-14.33	22.09
2012	3.90	0.79	0.27	-11.80	19.96
2013	4.44	0.80	0.29	-15.50	21.08

Сначала методом максимального правдоподобия оценивались параметры ПФ (2.2) с инвестициями без затрат на ИКТ (из инвестиций в основной капитал регионов вычитались затраты на ИКТ). Затем оценка параметров функции (2.2) выполнялась с инвестициями, включающими затраты на ИКТ. Наилучшей

считалась модель, которая имела большее значение функции правдоподобия. Результаты оценивания параметров модели (2.2) и значения логарифмической функции правдоподобия приведены в табл. 2.3.

Согласно значениям функции правдоподобия, каждый год модель (2.2) с учетом затрат на ИКТ в инвестициях в основной капитал лучше описывает исходные данные, чем модель без учета затрат на ИКТ. Средняя ошибка аппроксимации (разность в процентах между фактическими и модельными значениями ВРП) также меньше для модели, учитывающей затраты на ИКТ. Максимальное значение автокорреляции остатков как в модели с учетом затрат на ИКТ, так и без них по каждому году находится на интервале ± 0.22 , что свидетельствует о независимости ошибок. Результаты моделирования настолько хороши, что просятся в учебник.

Поскольку модель, учитывающая затраты на ИКТ, лучше описывает исходные данные, чем модель без ИКТ, то можно утверждать о наличии влияния ИКТ на ВРП регионов РФ. Возникает вопрос количественного измерения этого влияния. Иными словами, какова доля вклада затрат на ИКТ в ВРП регионов РФ?

Вклад (доля) численности населения в ВРП регионов характеризуется эластичностью по труду (параметр p в (2.2)). Вклад инвестиций в основной капитал характеризуется эластичностью по капиталу (параметр q в (2.2)). Сумма этих параметров равна единице. За период с 2003 по 2011 гг. доля труда в ВРП регионов РФ не превышала 40% (табл. 2.3). То есть, основной вклад в ВРП в указанном периоде (более 60%) обеспечивали инвестиции в основной капитал. В модели, включающей затраты на ИКТ в инвестиции в основной капитал, вклад капитала в ВРП на несколько процентов больше, чем в модели без ИКТ (табл. 2.3, параметр q). Вместе с тем установленный эффект гораздо меньше ошибок аппроксимации, которые варьируется от 24.76% до 29.54% в модели с ИКТ и от 26% до 31.77% в модели без ИКТ.

Моделирование показало, что имеется вклад ИКТ в ВРП регионов РФ, однако, количественно оценить степень этого вклада затруднительно, поскольку он меньше ошибок модели.

Изучение связи уровня развития ИКТ с уровнем социально-экономического развития регионов предлагается на базе структурной модели, отражающей основные критерии социально-экономического развития и развития ИКТ, основанной на использовании индексов. Используемые показатели приведены выше по тексту в разделе «Базовые показатели оценки». Расчет индексов осуществлен по методической схеме, представленной в Приложении № 6 к федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ (2002-2010 годы и до 2015 года)».

Схема расчета индексов:

1. Для каждого региона вычисляется разница мест, которые занимают его показатели и средние значения по этим показателям.

$$BALL(ij) = RANG(Cp)j - RANG(i)j$$

где, $RANG(Cp)j$ – место среднего значения по j -му показателю; $RANG(i)j$ – место региона с номером i .

2. Индексы для каждого региона вычисляются как среднее:

$$I(i) = (BALL(i)1 + \dots + BALL(i)N) / N$$

В рамках структурного анализа рассматривались данные по всем регионам РФ за период 2003-2013 годы (таблицы 2.4 и 2.5).

Табл. 2.4. Уровень развития ИКТ в регионах России

Место	Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1	г. Москва	21.0	25.9	27.1	27.4	28.4	27.6	25.0	25.3	26.3	25.4	26.3
2	г. Санкт-Петербург	17.9	17.9	22.3	24.6	24.4	24.1	23.4	21.9	24.3	24.2	23.8
3	Магаданская область	-6.6	-22.7	-25.6	4.9	14.1	14.3	9.3	17.0	17.6	18.5	16.9
4	Тюменская область	11.7	19.3	22.0	21.0	21.9	18.9	14.4	16.6	13.1	17.4	15.6
5	Новосибирская область	1.7	7.4	11.3	17.6	18.6	12.4	8.4	11.6	12.3	12.4	13.0
6	Хабаровский край	6.9	8.4	16.1	10.6	11.3	6.7	6.1	2.4	10.6	7.2	5.4
7	Новгородская область	-13.7	-14.4	-19.1	-11.0	-8.9	-5.1	-5.4	-13.4	10.3	-3.2	-10.3
8	Красноярский край	-0.3	0.3	8.3	1.1	13.0	11.6	14.3	14.4	10.3	10.3	11.0
9	Ханты-Мансийский АО	3.3	22.0	23.0	22.0	23.0	16.7	8.0	9.9	9.0	8.9	9.1
10	Сахалинская область	4.3	0.6	-0.3	16.0	18.4	17.7	16.6	12.6	7.4	10.6	9.6
11	Свердловская область	5.3	9.0	8.1	10.9	13.9	9.6	9.0	-7.4	6.9	8.0	-7.4
12	Чукотский АО	-4.3	1.6	-0.9	-3.1	5.7	1.3	-5.7	7.0	5.4	-1.6	2.0
13	Самарская область	2.7	8.0	4.7	10.7	9.6	6.3	3.7	3.1	5.0	4.7	4.2
14	Томская область	8.7	12.4	14.3	18.1	16.7	5.3	10.3	0.7	4.6	11.0	2.7
15	Ямало-Ненецкий АО	11.4	14.9	17.0	17.1	17.4	12.6	9.6	10.3	4.4	10.6	5.4
16	Республика Татарстан	-3.9	-11.6	-8.1	-3.6	-1.9	-4.7	1.4	-2.4	3.6	1.8	-1.9
17	Мурманская область	4.6	10.3	7.0	16.7	12.3	9.1	9.6	1.7	2.6	9.9	2.7
18	Республика Коми	-6.9	-1.4	2.1	7.0	9.6	11.9	5.9	7.1	1.7	7.9	6.0
19	Архангельская обл.	-22.9	-6.3	-24.7	-18.0	-8.9	-10.3	-14.3	-18.3	1.4	-14.0	-10.0
20	Московская область	-0.6	-0.7	0.9	10.7	1.9	-3.6	10.9	4.3	1.1	10.0	4.9
21	Ярославская область	5.0	4.7	2.7	2.4	4.0	11.4	7.6	-7.9	-0.3	7.1	-7.1
22	Пермский край	-6.7	0.0	2.9	-1.3	7.6	-26.9	0.6	-6.3	-0.4	1.6	-7.4
23	Калужская область	-12.3	-10.6	-11.0	-6.3	-15.1	-11.7	-19.0	-7.7	-1.6	-14.1	-6.1
24	Амурская область	-25.3	-27.7	-23.1	-16.3	-18.6	-15.6	-15.9	-14.7	-2.1	-15.0	-10.5
25	Республика Саха (Якутия)	1.1	3.7	7.0	-0.1	1.6	1.1	-3.7	-2.3	-2.4	-3.0	-2.1
26	Вологодская область	-10.0	-6.6	-7.3	-7.7	1.1	-3.3	0.9	-0.9	-3.7	-0.9	0.8
27	Приморский край	-11.1	-4.4	-5.6	-10.0	-7.9	2.1	-8.9	2.3	-4.6	-7.9	2.1

Место	Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
28	Краснодарский край	-1.6	1.9	-17.7	1.7	-21.6	-17.4	-22.7	-6.0	-4.9	-20.1	-8.0
29	Ненецкий АО	5.1	8.3	3.7	4.9	13.9	-0.6	-5.0	0.6	-5.1	-1.0	1.1
30	Волгоградская область	-20.7	-10.0	-8.6	-13.1	-12.0	-13.4	-16.4	-6.4	-6.0	-10.4	-7.7
31	Калининградская область	10.1	2.0	4.7	11.7	4.3	1.4	-0.9	-7.7	-6.4	-0.1	-7.0
32	Нижегородская область	5.4	1.7	-4.1	16.9	10.0	-22.1	-4.1	-12.1	-6.6	-4.9	-10.1
33	Омская область	-11.0	8.4	4.4	-8.6	-0.6	-7.3	-4.6	-6.1	-8.0	4.8	-3.1
34	Чувашская Республика	-26.3	-19.4	-28.1	-18.7	-23.3	-20.1	-22.1	-13.1	-8.7	-20.0	-10.2
35	Ивановская область	-32.7	-30.1	-25.7	-28.6	-26.7	-24.4	-17.6	-25.1	-10.0	-16.0	-20.1
36	Астраханская область	-23.9	-16.0	-13.6	-8.1	-12.3	-20.1	-12.4	-5.9	-11.0	-10.4	-9.9
37	Костромская область	-24.4	-18.0	-16.9	-18.6	-12.7	-18.4	-8.6	-10.9	-11.3	-7.6	-12.1
38	Иркутская область	-13.9	-8.3	-1.7	-10.6	-8.7	-5.0	-20.1	-7.7	-11.3	-20.0	-9.0
39	Ленинградская область	-11.6	-4.1	-15.7	-14.3	-8.7	-3.9	-7.4	-1.6	-12.3	-6.4	-5.8
40	Республика Карелия	-2.4	-16.3	-3.4	-2.0	-5.4	4.9	-10.9	-13.4	-12.4	-10.0	-11.3
41	Камчатский край	-10.6	-3.6	11.7	7.0	6.6	0.7	3.6	4.0	-12.7	3.9	5.3
42	Челябинская область	4.9	5.1	5.6	4.9	0.9	0.6	-10.0	-9.6	-14.4	-9.0	-7.6
43	Республика Хакасия	-40.9	-28.4	-8.3	-28.4	-17.3	-11.1	-10.6	-2.9	-15.6	-10.8	-12.6
44	Республика Алтай	-26.4	-28.7	-27.7	-16.1	-27.1	-24.7	-21.1	-14.6	-15.9	-20.1	-14.7
45	Тверская область	-29.7	-15.3	-18.0	-21.9	-17.3	-5.1	-19.3	-11.4	-16.0	-16.4	-13.9
46	Саратовская область	-19.6	-7.0	-14.6	-15.4	-9.4	2.6	-9.7	-20.6	-16.4	-8.6	-11.8
47	Республика Башкортостан	-10.6	-10.1	-19.1	-18.1	-14.6	-11.6	-25.0	-26.9	-16.9	-20.1	-25.0
48	Кемеровская область	-35.6	-20.1	-16.1	-16.3	-17.6	-29.0	-25.6	-22.3	-16.9	-20.6	-24.3
49	Воронежская область	-27.3	-27.0	-26.6	-20.7	-22.1	-22.4	-17.3	-13.6	-19.6	-19.4	-18.5
50	Владимирская область	-32.0	-24.4	-35.1	-35.4	-25.9	-12.1	-24.0	-27.4	-21.1	-23.0	-26.9
51	Ростовская область	-17.9	-16.9	-7.4	-10.4	-6.9	-14.9	-12.3	-14.3	-21.1	-14.6	-14.8
52	Липецкая область	-20.6	-20.6	-19.1	-18.1	-22.7	-24.1	-24.7	-20.7	-21.9	-23.7	-21.6
53	Еврейская авт. область	-19.1	-18.7	-7.3	-25.7	-24.1	-28.6	-21.3	-20.9	-22.7	-22.2	-21.2
54	Рязанская область	-31.3	-12.3	-24.7	-19.9	-20.6	-20.1	-24.4	-26.4	-23.1	-23.4	-25.3
55	Ульяновская область	-16.7	-22.7	-18.6	-21.7	-25.3	-21.4	-14.9	-24.1	-23.4	-19.9	-24.0

Место	Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
56	Кировская область	-33.1	-26.6	-17.7	-8.0	-12.9	0.3	-20.3	-21.7	-25.0	-20.9	-21.9
57	Республика Калмыкия	-48.6	-22.4	-34.4	-29.0	-39.3	-34.9	-23.3	-28.7	-25.3	-21.0	-29.9
58	Смоленская область	-33.4	-28.6	-34.7	-23.1	-28.3	-18.0	-28.1	-26.0	-25.3	-29.1	-22.1
59	Удмуртская Республика	-11.9	-0.9	-7.9	-9.6	-13.4	-22.3	-17.1	-21.1	-26.1	-19.4	-20.0
60	Республика Бурятия	-16.3	-18.7	-27.3	-26.0	-12.4	-6.3	-19.7	-26.6	-26.3	-19.0	-23.8
61	Курганская область	-32.3	-36.0	-33.9	-39.3	-32.3	-30.4	-23.0	-31.4	-27.4	-29.0	-30.0
62	Оренбургская область	-22.1	-9.9	-14.1	-9.6	-17.1	-4.0	-24.4	-21.3	-28.4	-26.3	-25.3
63	Белгородская область	-34.4	-13.1	-19.7	-10.7	-23.0	-18.7	-19.3	-28.6	-29.4	-20.9	-22.8
64	Республика Тыва	-45.6	-38.4	-12.3	-37.7	42.3	45.4	-38.6	-35.3	-30.1	-39.9	-33.2
65	Республика Мордовия	-43.3	-39.7	-38.4	-39.4	40.9	-39.0	-41.4	-39.3	-30.7	-40.4	-39.9
66	Орловская область	-37.0	-14.6	-23.7	-21.7	-24.1	-19.1	-24.7	-25.0	-31.3	-26.6	-28.0
67	Пензенская область	-19.7	-42.7	-30.9	-28.4	-17.7	-12.6	-13.6	0.9	-11.3	-19.6	-16.9
68	Ставропольский край	-15.6	-32.0	-37.6	-29.1	-22.7	-28.4	-25.9	-27.7	-32.7	-29.0	-29.8
69	Псковская область	-40.9	-34.9	-6.9	-23.7	-19.6	-10.7	-28.1	-24.7	-32.7	-28.3	-26.6
70	Тульская область	-30.6	-29.1	-27.7	-20.7	-23.4	-31.3	-31.6	-37.1	-33.3	-30.2	-32.1
71	Алтайский край	-22.6	-30.1	-23.0	-32.3	-24.1	-25.4	-26.9	-15.4	-33.3	-29.9	-20.5
72	Курская область	-43.9	-37.3	-23.4	-25.3	-23.1	-32.3	-38.3	-35.9	-33.4	-37.3	-34.9
73	Забайкальский край	-31.0	-32.6	-30.6	-30.7	-29.4	-27.9	-31.3	-34.3	-35.3	-30.2	-33.2
74	Тамбовская область	-34.6	-34.3	-38.9	-36.6	-33.6	-32.4	-32.7	-35.1	-38.4	-34.7	-37.3
75	Карачаево-Черкесская Республика	-36.0	-41.9	-29.4	45.7	43.6	48.3	48.7	48.1	39.4	49.7	44.7
76	Республика Марий Эл	-40.0	-36.3	-31.0	-22.9	-28.6	-30.0	-33.3	-37.4	-39.4	-32.3	-38.1
77	Республика Адыгея	-40.7	-44.6	-32.6	-32.6	42.7	44.7	45.4	42.0	42.4	45.2	44.6
78	Брянская область	-39.9	-39.1	44.0	40.9	41.3	43.1	45.6	46.0	48.4	46.5	45.0
79	Кабардино-Балкарская Республика	-44.7	-19.6	42.6	46.3	40.4	46.0	48.0	49.1	50.6	49.0	48.8
80	Республика Северная Осетия - Алания	-45.7	-48.6	45.1	42.0	47.3	46.9	48.9	47.7	51.4	49.9	47.9
81	Республика Дагестан	-56.3	-52.6	-52.0	49.3	50.3	51.9	41.4	53.6	53.9	48.3	50.0

Табл. 2.5. Уровень социально-экономического развития регионов России

Место	Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1	Ямало-Ненецкий АО	23.8	24.0	25.3	22.0	22.0	22.5	22.3	23.5	23.8	21.9	23.4
2	Тюменская область	20.5	20.3	22.3	16.3	18.5	19.1	19.1	20.5	22.3	19.0	19.6
3	Ханты-Мансийский АО	22.0	21.3	23.5	19.8	20.0	20.2	20.3	20.8	20.5	19.6	20.2
4	Чукотский АО	3.2	13.7	9.2	19.2	17.7	15.2	19.7	15.5	18.2	18.9	17.9
5	Ненецкий АО	20.5	20.7	17.2	21.2	19.0	20.0	18.0	22.5	16.7	20.4	19.6
6	г. Москва	21.0	20.2	22.5	18.2	18.0	17.7	15.7	16.5	16.2	15.4	17.9
7	Магаданская область	16.0	16.2	14.7	10.7	9.0	10.5	14.0	16.0	16.2	15.5	14.2
8	Сахалинская область	6.5	13.7	18.0	13.0	12.0	13.5	12.0	14.2	13.7	12.8	13.0
9	Республика Татарстан	7.5	5.5	7.0	4.0	1.5	6.0	6.0	11.7	12.7	12.6	10.4
10	г. Санкт-Петербург	15.7	15.0	17.2	14.2	15.2	14.2	14.0	16.5	11.7	12.5	16.0
11	Ленинградская область	-9.2	-5	-3	5.2	8.2	6.0	-0.7	7.0	8.2	7.0	5.0
12	Хабаровский край	3.5	3.7	4.2	3.2	-1.5	-10.2	-5.7	1.0	6.7	3.3	5.7
13	Свердловская область	2.7	3.7	5.7	3.2	4.5	2.7	0.2	2.7	4.7	2.7	4.0
14	Самарская область	8.0	9.7	8.5	4.5	7.5	2.0	-2.7	2.0	4.0	1.9	2.4
15	Мурманская область	6.5	2.7	4.2	3	-3	5.2	5.0	3.5	3.7	-2.1	3.0
16	Республика Коми	10.7	4.7	10.5	3.7	4.7	9.5	3.2	7.5	3.2	2.7	5.5
17	Липецкая область	3.5	1.7	-2.5	1.5	2.7	1.0	5.2	5.7	3.2	6.6	5.7
18	Красноярский край	-5.2	-3.7	-0.5	-7.7	-8.2	1.0	2.0	7.7	2.5	-6.3	6.0
19	Московская область	3.0	5.0	4.7	2.2	7.0	6.7	2.5	3.0	1.5	3.3	3.1
20	Калужская область	-19.5	-17.7	-15.0	-20.0	-11.5	-1.7	-2.2	0	0.7	-6.9	-6.3
21	Республика Саха (Якутия)	17.0	14.7	9.7	4.5	4.2	2.5	4	0.7	-0.5	-2.4	1.4
22	Амурская область	-9.5	-16.5	-23.5	-25.2	-26.7	-20.5	-15.7	-17.7	-1	-7.7	-1.6
23	Белгородская область	-16.0	-14.0	-13.7	-11.0	-11.7	-7.0	-2.0	-1.2	-1.7	-7.7	-4.1
24	Камчатский край	1.5	-7.2	-8.2	-14.0	-13.7	-15.0	-4.7	-0.5	-2.0	-5.3	-2.9
25	Новгородская область	-6.7	-17.7	-12.5	-17.5	-22.2	-16.2	-5.7	-0.2	-2.2	-2.9	-3.0
26	Архангельская область	-1.7	-0.2	2.5	-0.7	-4	-5.7	-4.7	-7.5	-3.0	-5.3	-4.9
27	Нижегородская область	-5.0	-9.5	-4.5	-12.2	-10.7	-7.5	-4.0	-8.7	-4.7	-7.0	-5.9

Место	Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
28	Челябинская область	-7.2	-10.2	-3.0	-5.5	-10.2	-4.2	-8.7	-6.0	-5.7	-4.9	-5.1
29	Ярославская область	3.2	3.7	7.2	0.7	-9.5	-7.0	-9.7	-11.0	-5.7	-7.4	-8.0
30	Калининградская область	-14.0	-10.0	-1.5	-4.0	-0.7	-8.5	-8.5	-11.2	-6.7	-7.6	-6.4
31	Вологодская область	7.5	6.2	10.5	5.5	4.5	-4.5	-10.5	-8.7	-7.0	-10.6	-8.6
32	Приморский край	-24.2	-23.5	-21.0	-30.7	-26.2	-23.5	-12.2	-7.2	-8.0	-7.1	-8.1
33	Пермский край	-1.5	0.0	-1.2	-2.7	-2.5	-8.5	-5.5	-4.5	-8.5	-9.1	-7.7
34	Республика Башкортостан	-3.5	-9.2	-3.0	-10.2	-10.2	-8.0	-8.7	-12.5	-9.7	-11.1	-9.1
35	Новосибирская область	-24.2	-20.7	-15.0	-16.7	-15.7	-13.5	-11.2	-9.5	-10.0	-5.9	-11.0
36	Краснодарский край	-17.5	-20.7	-20.0	-23.7	-18.7	-13.0	-10.2	-6.7	-10.2	-10.0	-11.1
37	Кемеровская область	-9.0	-5.7	0.2	-4.5	-9.7	-9.0	-16.2	-11.0	-10.2	-10.6	-12.4
38	Омская область	-14.5	-12.0	-7.7	-18.0	-17.0	-13.2	-15.5	-12.0	-11.0	-11.6	-12.3
39	Иркутская область	-18.7	-19.0	-17.5	-18.7	-13.2	-13.5	-15.7	-14.0	-13.5	-13.3	-13.4
40	Оренбургская область	-23.0	-18.7	-18.2	-14.5	-19.7	-23.2	-17.7	-11.0	-14.0	14.1	-12.9
41	Тверская область	-20.7	-18.7	-13.7	-18.0	-22.2	-23.0	-13.5	-14.7	-15.0	-14.6	-15.4
42	Тульская область	-23.7	-25.7	-27.7	-25.7	-26.7	-24.5	-16.2	-15.2	-15.5	-16.9	-15.9
43	Тамбовская область	-28.0	-28.5	-23.5	-27.0	-25.5	-22.2	-19.5	-16.7	-15.5	-16.6	-16.7
44	Удмуртская Республика	-15.5	-23.5	-13.5	-13.2	-20.0	-24.7	-22.5	-25.0	-16.0	-18.4	-19.9
45	Астраханская область	4.5	-9.2	-17.0	-9.7	-14.7	-11.7	-15.0	-14.7	-16.5	-19.6	-16.4
46	Томская область	-4.5	1.5	-9.2	-8.7	0.0	-10.0	-14.5	-12.5	-18.2	-26.9	-16.9
47	Курская область	-31.7	-23.7	-20.5	-25.7	-23.5	-22.25	-25.0	-22.5	-18.7	-22.3	-19.9
48	Смоленская область	-17.5	-21.5	-18.2	-31.7	-30.0	-26.5	-17.7	-15.0	-19.5	-16.6	-17.6
49	Еврейская авт. область	-32.2	-25.7	-21.2	-28.2	-30.0	-30.5	-31.5	-22.5	-21.7	-26.3	-22.2
50	Республика Мордовия	-28.2	-31.0	-32.0	-30.5	-27.5	-25.2	-25.5	-23.2	-21.7	-24.2	-22.1
51	Республика Карелия	-1.5	0.7	-4.7	-4.5	-16.0	-19.0	-25.0	-23.7	-22.2	-20.8	-22.8
52	Воронежская область	-27.7	-33.5	-26.7	-30.0	-34.0	-30.0	-31.0	-30.7	-22.2	-26.9	-25.7
53	Республика Дагестан	-55.2	-47.5	-38.0	-37.7	-41.5	-33.0	-28.5	-26.5	-25.0	-26.4	-27.0
54	Орловская область	-20.5	-18.5	-32.7	-24.5	-25.5	-29.0	-35.0	-33.2	-26.0	-26.0	-25.4
55	Ульяновская область	-37.5	-40.7	-32.7	-34.0	-33.5	-29.7	-37.5	-35.0	-26.2	-27.7	-26.1

Место	Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
56	Саратовская область	-33.0	-33.0	-24.7	-34.0	-40.2	-40.2	-31.5	-20.0	-26.5	-27.7	-26.3
57	Владимирская область	-30.0	-30.0	-30.2	-39.0	-32.5	-33.5	-36.2	-30.7	-27.5	-29.0	-28.3
58	Республика Северная Осетия - Алания	-30.5	-33.7	-30.7	-42.7	-35.0	-33.7	-27.7	-24.2	-30.2	-29.1	-28.1
59	Рязанская область	-27.2	-25.7	-14.7	-31.7	-27.7	-29.7	-37.5	-36.0	-30.2	-29.9	-36.3
60	Республика Хакасия	-25.2	-24.7	-23.0	-26.7	-33.0	-40.5	-34.5	-33.7	-31.5	-33.5	-34.4
61	Волгоградская область	-23.0	-15.0	-15.7	-23.7	-25.7	-34.2	-33.2	-35.2	-32.0	-31.3	-33.4
62	Ростовская область	-24.5	-17.0	-20.7	-23.5	-23.2	-18.7	-22.2	-28.0	-32.5	-29.6	-28.5
63	Кировская область	-30.5	-27.5	-25.2	-28.5	-27.7	-27.7	-34.2	-29.7	-32.7	-30.3	-29.1
64	Республика Бурятия	-27.0	-38.7	-37.5	-39.2	-35.7	-35.0	-34.7	-29.7	-32.7	-32.3	-33.7
65	Брянская область	-34.5	-38.2	-34.2	-40.7	-41.7	-40.7	-41.7	-35.5	-33.0	-34.0	-31.1
66	Забайкальский край	-36.2	-37.0	-36.0	-40.0	-41.5	-39.5	-31.7	-30.5	-33.7	-34.9	-31.3
67	Костромская область	-30.2	-19.0	-17.0	-25.2	-31.7	-32.7	-37.7	-31.5	-34.0	-32.7	-33.7
68	Ставропольский край	-37.0	-36.2	-30.2	-39.7	-35.2	-41.2	-38.5	-35.7	-34.2	-34.7	-33.7
69	Чувашская Республика	-27.2	-34.2	-34.5	-27.7	-35.7	-38.0	-39.2	-36.0	-34.5	-36.1	-35.3
70	Пензенская область	-40.2	-41.2	-37.5	-38.5	-37.5	-39.5	-35.7	-41.7	-36.2	-39.4	-38.3
71	Республика Адыгея	-50.7	-53.0	-49.5	-54.5	-48.2	-50.0	-43.2	-39.7	-37.5	-37.9	-38.4
72	Республика Алтай	-41.5	-36.0	-38.5	-44.2	-41.2	-45.5	-47.2	-35.7	-38.2	-38.4	-37.9
73	Пековская область	-32.0	-25.0	-32.5	-36.0	-34.0	-36.5	-42.5	-41.2	-39.0	-41.1	-40.6
74	Республика Марий Эл	-43.7	-34.7	-36.5	-43.5	-39.2	-42.7	-44.7	-39.0	-40.5	-41.1	-42.5
75	Курганская область	-38.7	-43.7	-41.0	-41.7	-42.0	-32.5	-32.2	-37.7	-40.7	-41.6	-39.9
76	Ивановская область	-44.2	-37.0	-39.2	-42.2	-42.5	-41.2	-48.0	-42.2	-41.0	-42.2	-42.0
77	Кабардино-Балкарская Республика	-41.5	-43.0	-45.0	-49.2	-47.5	-48.5	-43.0	-40.5	-44.7	-45.0	-46.0
78	Алтайский край	-38.2	-35.0	-32.0	-36.5	-38.5	-38.7	-51.2	-44.2	-46.7	-49.0	-50.1
79	Карачево-Черкесская Республика	-49.5	-45.2	-40.2	-43.5	-45.2	-46.7	-43.5	-51.2	-48.2	-47.0	-51.3
80	Республика Калмыкия	-46.2	-53.0	-50.2	-54	-53	-53.5	-53.0	-53.5	-52.2	-53.6	-53.8
81	Республика Тыва	-52.7	-53.2	-52.7	-56.5	-57.5	-53.7	-54.5	-52.0	-53.2	-50.9	-53.9

Структурное исследование взаимосвязи уровней развития ИКТ в регионах РФ и их социально-экономического развития подтверждает ранее сделанный вывод о наличии связи между экономическим развитием и ИКТ. Значение коэффициента корреляции не опускается ниже 0,72 (рис.2.1).

Используя структурную модель совместно с различными показателями можно сделать ряд выводов о специфике развития ИКТ в регионах РФ, исследовать «эффекты взаимодействия» – например, взаимосвязь между ИКТ и условиями ведения бизнеса или между ИКТ и уровнем профессиональной квалификации и т.д.

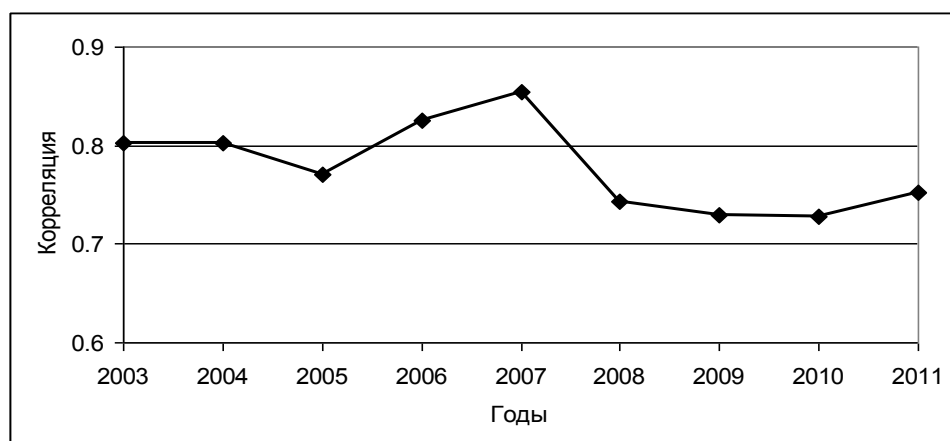

Рис. 2.1. Зависимость уровней ИКТ и социально-экономического развития регионов РФ

В качестве примера рассмотрим зависимость ИКТ и отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму (табл. 2.6). Исследование указывает, что степень зависимости в группе регионов-локомотивов значительно выше, чем в опорных и, особенно, в группе депрессивных регионов РФ. Обращает внимание общая тенденция – зависимость снижается, что объясняется сходством модернизационных процессов. С точки зрения проблемы межрегиональной дифференциации и с учетом принципа достижения определенного равенства в доступе к информационным технологиям эту тенденцию следует считать скорее позитивной.

Табл. 2.6. Зависимость ИКТ и отношения среднедушевых доходов к прожиточному минимуму

Типы регионов	Значения коэффициента корреляции										
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Регионы - локомотивы роста	0.75	0.75	0.70	0.70	0.69	0.53	0.46	0.47	0.62	0.46	0.52
Опорные регионы	0.36	0.54	0.55	0.42	0.47	0.32	0.28	0.17	0.14	0.16	0.15
Депрессивные регионы	0.22	0.08	-0.10	0.22	0.19	-0.04	-0.04	0.04	0.01	0.03	0.02

Подводя итоги, констатируем следующее. В настоящее время говорить о заметном влиянии ИКТ на социально-экономическое развитие каких-либо

регионов РФ преждевременно. Структурная модель подтверждает связь между экономическим развитием субъектов РФ и развитием ИКТ.

Поиск «ниш» формирования ИКТ, способствующих экономическому развитию субъектов РФ.

Для формирования обоснованных предложений политики и выявления недостатков практики управления развитием ИКТ перспективным представляется анализ зависимостей между показателями, характеризующими специфику развития ИКТ. Рассмотрим некоторые примеры (таблица 2.7).

Табл. 2.7. Зависимости между показателями, характеризующими ИКТ

Показатели	Значение коэффициента корреляции										
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Число ПК на душу населения - число ПК подключенных к сети Интернет	0.83	0.80	0.81	0.84	0.81	0.85	0.84	0.85	0.87	0.86	0.85
Расходы на покупку ПК на душу населения - расходы на покупку ПО на душу населения	0.46	0.22	0.82	0.81	0.82	0.86	0.90	0.75	0.76	0.76	0.75
Расходы на обучение персонала на душу населения - расходы на покупку ПО на душу населения	0.25	0.23	0.73	0.62	0.65	0.38	0.12	0.41	0.49	0.48	0.47
Расходы на покупку ПО на душу населения - расходы на ИКТ на душу населения	0.60	0.53	0.87	0.87	0.92	0.87	0.95	0.81	0.86	0.84	0.83
Число ПК на душу населения - расходы на ИКТ на душу населения	0.44	0.55	0.45	0.52	0.53	0.49	0.50	0.43	0.42	0.44	0.41
Число сотовых телефонов на душу населения - расходы на ИКТ на душу населения	0.18	0.13	0.19	0.18	0.15	0.22	0.15	-0.01	0.11	0.01	0.12

С точки зрения декларируемой задачи управления, направленной на развития Интернета в экономике и социальной сфере, определенный интерес представляет зависимость между числом ПК и числом ПК подключенных к сети Интернет. Ожидаемо, теснота линейной зависимости между этими показателями не падает ниже 0,80. Учитывая тенденцию роста числа компьютеров, можно констатировать усиление проникновения населения РФ в мировое информационное пространство. С точки зрения управления необходимо и в дальнейшем поддерживать конкурентную среду, обеспечивающую доступность Интернета для населения и хозяйствующих субъектов каждого региона РФ.

Другим подтверждением не только усиления доступности, но и насыщенности некоторыми составляющими ИКТ является зависимость между количеством сотовых телефонов и расходами на ИКТ на душу населения. На первый взгляд, эта особенность косвенно указывает на правомочность вывода экспертов Всемирного экономического форума (World Economic Forum), считающими сильными позициями развития ИКТ в России уровень оснащенности мобильной связью [20]. Однако дополнительные исследования свидетельствуют о том, что это заключение спорно.

Действительно, если брать стандартные статистические показатели, например, число зарегистрированных абонентских терминалов сотовой связи в регионах, нормированное на численность населения, то рост составляет в среднем по стране более чем в 64 раза за последние 10 лет. Эти данные, приведенные по регионам, свидетельствуют о существенно возросшем потреблении услуг сотовой связи в каждом из субъектов РФ. Однако более детально демонстрирует ситуацию анализ стоимости услуг сотовой связи и покрытие.

Обращают внимание следующие проблемы. Во-первых, наблюдающейся существенной дифференциации стоимости услуг сотовой связи по регионам России, не связанной с покупательной способностью населения. Во-вторых, как правило, повышенная (относительно среднероссийского уровня) цена услуг сотовой связи накладывается на плохое покрытие регион. То есть, высокая цена не определяет качество. Таким образом, в России наблюдается существенное региональное неравенство в оснащенности мобильной связью. Другая сторона проблемы – соотношение доходов населения и стоимости услуг сотовой связи в России ниже, чем в развитых странах. Рекомендация для органов управления очевидны – создание условий усиления конкурентной среды в регионах с плохим покрытием и высокой стоимостью услуг.

Значительный резерв для формирования добавленной стоимости в сфере ИКТ в регионах РФ видится в усилении работы по обучению персонала в области ИКТ. В частности исследование зависимости между расходами на обучение персонала и расходами на покупку ПО (табл. 2.7) свидетельствует о сломе позитивной тенденции усиления этой связи. Так, коэффициент корреляции в 2005-2007 гг. не снижался ниже 0,62, а в период 2008-2013 гг. не превышал 0,49, достигнув «ямы» (0,12) в кризисном 2009г. Рекомендация для управления – инициировать факторы, требующие обучения и переобучение населения и персонала в сфере ИКТ.

Наибольший интерес с точки зрения формирования рекомендаций по развитию ИКТ и оценке результативности современной политики и практики управления представляет исследование соотношений между показателями: расходы на покупку ПК на душу населения – расходы на покупку ПО на душу населения; расходы на покупку ПО на душу населения – расходы на ИКТ на душу населения (табл. 2.7). Обращает внимание существенное усиление зависимости между расходами на покупку ПО и расходами на ИКТ на душу населения. Так, если в 2003-2004 гг. корреляция была менее 0,60, то в период 2005-2013 гг. коэффициент корреляции колебался в пределах 0,86-0,95 (исключение составляет кризисный 2010 г., значение 0,81). Резкое усиление зависимости объясняется результативной борьбой с нелегальным ПО.

На это указывает и корреляция между затратами на покупку ПК и расходами на покупку ПО (таблица 2.7). Так, если в 2003-2004 гг. корреляция составила 0,46 и 0,22, а в период 2005-2013 гг. – 0,75-0,90.

С точки зрения необходимости формирования цивилизованной институциональной среды развития ИКТ, усилия по устранению проблемы легальности ПО в РФ следует считать значимыми и, как показывает практика, – результативными. Однако, как нами показано было выше, существует целый спектр отрицательных эффектов легализации ПО [4].

Подводя итоги рассмотрения «ниш» регулирования развития ИКТ, можно отметить следующее. В территориальном плане остается важным решение проблемы межрегиональной дифференциации по уровню развития ИКТ. Основные меры государственного воздействия должны касаться вопросов: 1) поддержания конкурентной среды среди компаний субъектов РФ, предоставляющих доступ к глобальным информационным сетям; 2) создания условий усиления конкурентной среды в регионах с плохим покрытием и высокой стоимостью услуг сотовой связи; 3) инициации факторов, требующих обучения и переобучения населения и персонала в сфере ИКТ; 4) более активной поддержки разработанной федеральной политики в сфере формирования собственной национальной платформы ПО практическими шагами.

Глава 3. ОТРАЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РАЗВИТИИ ФЕНОМЕНА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1. Теория и практика государственного регулирования регионального развития о проблеме межрегиональной дифференциации

В контексте рассмотрения влияния глобальных движений важным вопросом является феномен социально-экономической дифференциации пространства. Значимость рассмотрения связана с тем, что фундаментальной научной проблем современности является формирование экономически обоснованной модели регулирования проблемы неравномерности социально-экономического развития. Целью конкретных теоретико-методологических и прикладных задач в рамках решения этой проблемы является сведение к минимуму тех неравенств, которые потенциально могут привести к нарастанию конфликтов, социальной напряженности, мешают сбалансированному экономическому развитию. Однако практические результаты регулирования межстрановых, межрегиональных и межмуниципальных отличий весьма скромны. Недостаточная результативность в мирохозяйственном контексте отражается в актуальности воспроизводства вопросов: «Но какое место в процессах самой глобализации занимает выравнивание уровней экономического развития стран? Почему мировой рынок сопротивляется такому выравниванию?..» [68]. В исследованиях российских ученых неоднократно отмечались провалы и тупиковый характер политики выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ [6, 8, 22, 57, 69, 70, 93, 142, 143, 148], отсутствие тенденций выравнивания базовых экономических статистических показателей регионов РФ [10, 12, 13, 14, 31, 35, 41, 151, 154, 155, 205]. Статистические оценки наглядно демонстрируют, что внутрирегиональные различия по основным социальным и экономическим индикаторам развития еще более резки, чем межрегиональные [139, 186, 217, 220, 230].

Таким образом, можно сформулировать противоречие между значительными ресурсами (научными, управленческими, финансовыми), направленными на решение проблемы неравномерности социально-экономического развития пространства, и относительно малой результативности их освоения. Это противоречие закономерно обуславливает целесообразность рассмотрения современных воззрений на проблематику социально-экономической дифференциации пространства.

Однако такое рассмотрение наталкивается на трудности. Проблема - фактически любое экономическое событие в мире, стране, регионе, в конечном итоге, влияет на соотношения показателей, меняет социально-экономическую дифференциацию. Следовательно – любое исследование, любое теоретическое описание любых социально-экономических процессов (явлений), в той или иной мере, имеет отношение к проблематике дифференциации. Конечно, каждый экономист знает, что «все зависит от всего», но полный смысл этого обобщения не осознается, пока не коснешься столь структурно сложного предмета исследования.

Экономическая теория развитых и развивающихся стран о социально-экономической дифференциации. С теоретических позиций современные исследования асимметричности социально-экономического

развития в развитых странах до сих пор базируются, преимущественно, на платформе теории «центр-периферия». Эта теория разработана в столь обширной литературе, что описать ее здесь не представляется возможным и целесообразным. Поэтому остановимся на этой теории очень кратко, напомнив читателю лишь основные моменты.

Наиболее полную сумму идей, которую можно считать ретроспективным основанием и теории размещения, и теории «центр-периферия» (фактически образовавшейся из неактивной дискуссии этой самой теории размещения) наглядно представлена в фундаментальном труде М. Блауга [49]. Современной спецификой можно считать отказ от постулата о неизменности международного разделения труда на основе статично понимаемого принципа сравнительных издержек. Однако, сущность моделей «центр-периферия» сохраняется в классическом виде противопоставления относительно небольшого «центра» (наполненного и продуцирующего наиболее передовые технологии, инновационные достижения в экономике и социальной сферах) и большой периферии (слаборазвитых территорий, служащих источником ресурсов и потребления высокотехнологичных товаров и услуг «центра», ориентированных только на догоняющую модернизацию). Соответственно имеются и промежуточные формы – полупериферийные территории, в основе благополучия которых лежит более активное взаимодействие с центром. Это могут быть либо географически близкие территории, обреченные на более активный обмен с центром, либо бывшие центры, по какой-либо причине утратившие свой экономический и социальный статус.

Такое противопоставление центра и периферии лежит в основе базисной концепции макроэкономики – мир-системной концепции. Напомним, что основателем этой концепции считается Ф. Бродель, считающий, что «мир-экономика» взаимосвязывает и взаимообуславливает процессы всех обществ, всех мировых экономик. Мир-экономика имеет свой центр (со своим «сверхгородом», роль которого в настоящее время выполняет Нью-Йорк), второстепенные, но развитые общества и окраинную, слаборазвитую периферию. При этом торговые коммуникации связывают разные регионы и культуры в единое макроэкономическое пространство [51]. Этот концептуальный базис используется и в настоящее время с некоторыми видоизменениями и вариантами.

В современной экономической теории наибольшее распространение получил мир-системный вариант анализа по И. Валлерстайну, существенно уточнившего представления Ф. Броделя [54, 55]. Например, в контексте нашего исследования наибольший интерес представляют рассуждения И. Валлерстайна, наглядно демонстрирующие несостоятельность теории модернизации, в основании которой лежит построение центра (ядра) без периферии.

Масса полезных сборников и учебников по экономической теории дает не только комплексное представление, но и твердое убеждение в малой реалистичности и некоторой догматичности предпосылок, способных повлиять и решить проблему неравномерности развития с позиций «центрпериферийного» подхода. Однако, на взгляд авторов спорный, но широко разделяемый постулат современности – теорию надо оценивать не по реалистичности предпосылок, а по комплексности и значимости постановки проблемы. Это позволяет моделям «центр-периферия» использоваться как наглядное отображение неравномерности развития, в первую очередь, в глобальном масштабе.

Почему модели «центр-периферия» активно развиваются, несмотря на их явный отрыв от реальности, объяснить достаточно сложно в рамках чисто экономических представлений. Объяснения метафоричностью моделей, навряд ли выдержат существенную критику в связи с невозможностью объяснить именно широту распространения. По нашему мнению, некоторые объяснения возможно получить в рамках подходов и теорий социальных представлений. Важность рассмотрения этого аспекта диктуется тем, что он наглядно демонстрирует специфику власти и влияния в современном глобальном мироустройстве, определяющей не только конкретные параметры, но и вектор дифференциации мирового социально-экономического пространства.

В частности обратимся к ведущему представителю европейской школы когнитологии, посвятившему свои исследования именно разработке теории социальных представлений, С. Московичи. С. Московичи отмечает: «Социальные представления это когнитивные системы, в которых не просто представлены мысли, образ или установка в отношении некоторого объекта, но отражена теория или даже отрасль знания в особом ее понимании - как способ идентификации и организации реальности. Социальность подобных когнитивных систем, упорядочивающих образ мира, обусловлена не только (и не столько) тем обстоятельством, что в них представлена именно социальная реальность, сколько тем обстоятельством, что эти системы или представления обозначимы для многих индивидов, что с их помощью конструируется реальность их социальных групп, которая в свою очередь детерминирует социальное поведение» [241]. В учебнике Ю.М. Плотинского, посвященного моделированию социальных процессов, отмечается, что «некоторые ученые обвиняют Московичи в том, что он пытается реанимировать идею «думающего» общества» [124, С.80]. И, действительно, как справедливо отмечает Ю.М. Плотинский: «Московичи полагает, что общество целесообразно рассматривать как мыслящую систему, аналогичную политической и экономической социальной системе» [124, С.80]. Однако, на наш взгляд, в исследованиях Московичи акцент смещен от важнейшей и сложнейшей проблемы формирования социального порядка к менее социально заостренной проблеме, но важной для управления общественным сознанием – изучению ментальности обществ разных стран, специфики формирования и распространения системы идей, образов в определенных сегментах общества. Особенности ментальности важны и для региональных движений [136, 145, 170, 172, 173, 177, 181, 196, 197, 282]. Фактически Московичи акцентируется преимущественно на изучении социально заданных структур социальных представлений. Эти структуры социальных представлений различных обществ сформированы таким образом, чтобы взаимовосприятие обществ по отношению к какому-либо социальному действию было согласовано, демонстрируя прогнозируемую реакцию. То есть, на наш взгляд, правильнее говорить не о «думающем обществе» а о технологии формирования «правильно думающего общества».

Это утверждение подтверждается обращением к исследованиям по социальной психологии Ж. Подьоло, который утверждал, что коллективная взаимозависимость действий людей обусловлена взаимными ожиданиями. При этом коллективные действия предполагают согласие индивидов по поводу правил принятия решения. Это согласие представляет собой не просто соглашение. Этот консенсус возникает при согласовании взаимных восприятий по отношению к конкретному предмету [125]. При этом природа этих социальных восприятий

когнитивна, а человек вырабатывает свои социальные представления при помощи символов и значений. «Символ представляет другую вещь: символ занимает место другого предмета, замещает его или вызывает из памяти» [125, С.97].

«Центр» и «периферия» - это символическое отображение реальности, которое не только ассоциативно устанавливает и подтверждает определенный порядок мироустройства, но и формирует это как определенную норму. Можно пойти и дальше и обоснованно утверждать, что, тем самым, формируется и социальный порядок. Так, например, Б.Бернс утверждает, что социальный порядок – это когнитивный порядок [257]. При этом, по мнению Бернса, даже не всегда ощущая давление определенных норм, люди всегда о них знают и учитывают в своем представлении о реальности и поведении. Таким образом, анализирует Ю.М. Плотинский, «распределение знания и их восприятие в обществе фиксируется с помощью норм, нормативный порядок становится распределением знания и остается таким до тех пор, пока члены социальной системы готовы этим нормам следовать» [124, С.81].

Что же касается регионального уровня, то при всем гигантском количестве работ, какой-либо стройной теории описания или объяснения проблемы асимметричности развития в рамках теории «центр-периферия» до сих пор не просматривается. Однако можно выделить несколько крупных конгломератов построений. Например, первый из них базируется на идее развития конкуренции между «развитыми», «перспективными», «отстающими» регионами с целью выравнивания уровней экономического развития в системе «регион-центр-регион-периферия». Второй - предполагает развитие кооперации «города-центра» и «региона-периферии», а ядрами служат крупные фирмы, которые и дают импульсы развития. Все эти теоретические построения характеризуются, обобщаются, многообразно синтезируются во вторичных источниках, в некоторых из которых даже приводятся результаты выделения центра и периферии конкретных регионов [121]. Но, такие выделения в поисках практического смысла совершенно не помогают - невозможно не только поставить диагноз, но и использовать полученные результаты в прогностических разработках. То есть, совершенно не ясно, например, хорошо это или плохо, или нормально, что есть периферия на региональном уровне? И если надо с ней бороться, то каковы, пусть не рецепты, но хотя бы принципы достижения всеобщей прогрессивности пространства? И т.д.

Поэтому практика управления, в частности региональным развитием, традиционно базируется на стратегическом планировании, отличием которого от «центропериферийного» подхода является оптимизация параметров развития на основе разработанного алгоритма решений, нацеленных на достижение основной цели, то есть, пространственный фактор не является важнейшим или строго заданным [16, 27, 44, 48, 85, 96, 147, 160, 178, 180, 182, 277, 280, 285].

Экономические теории стран «третьего мира», непосредственно касающиеся проблемы асимметричности развития, отталкиваются от критики современного межстранового разделения труда, существующей системы разделения благ и теоретических концепций развитых стран, закрепляющих этот порядок. Огромный интерес вызывают концепции развивающихся стран - концепция периферийной экономики Р. Пребиш (Аргентина), Т. Дос Сантос и С. Фуртадо (Бразилия), концепции «арабского социализма» и практически сменившая ее многовариантная «фундаменталистская альтернатива»

(«исламская альтернатива») и др. Вторичный источник этих концепций см., напр.: [79]. В каждой из них заложены реформистские программы, некие «проекты нации» в основе которых – обостренное внимание к проблеме неравноправных отношений между развитыми странами и периферийными, между «центром» и «периферией» внутри страны.

В основе Латиноамериканских программ - различные способы изменения структуры национального продукта на основе определенных способов изменения спроса, то есть, способов удовлетворения потребления. Теоретические позиции очень сильны – выдвигание критерия максимизации душевого дохода, дополненного показателями эффективности, обеспечивающими замещение импорта, обоснование индустриализации и т.д. При этом в латиноамериканских вариантах считалось и считается, что именно индустриализация в развивающихся странах приведет к структурной перестройке, что позволит не только ускорить экономический рост, но и решить проблему внутривострановой дифференциации доходов населения и межрегиональной дифференциации по уровню экономического развития. Практический результат известен – создание собственной промышленной базы усилило зависимость от мирового рынка, давление транснациональных корпораций возросло, межстрановое неравенство закрепилось. Что касается внутривострановой дифференциации, например, по доходам населения – в латиноамериканских странах сокращения разрыва не произошло, наблюдается закрепление социальных слоев, то есть, с каждым годом возможность вертикальных движений индивида по социальным стратам сокращается. Справедливости ради отметим – последняя особенность характерна и для развитых стран.

Исследования, посвященные факторам закрепления межстрановой и межрегиональной дифференциации, крайне разнообразны. Архилох говорил: «Лисица знает много вещей, но ёж знает одну большую вещь». На наш взгляд, «большая вещь» - это сущность модели капитализма, в основе которой, как известно, лежит стяжательство и эксплуатация слабого. Если оставить в стороне политическую составляющую (однополярность мира, возможность военных и экономических санкций против стран третьего мира и т.д.), то с экономических позиций модель мироустройства – кто владеет капиталом, тот и определяет мирохозяйственные процессы. Таким образом, «большая вещь» - это капитал.

С точки зрения экономической теории можно обосновать, что капитал – единственный фактор производства. При модельном восприятии мира нам близка эта позиция. Учитывая внешнюю чудовищность такого тезиса, кратко поясним, сославшись на признанных теоретиков. В фундаментальном труде М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе» соединяются тезисы Фишера и Вальраса [49]. Фишер определял капитал как любой запас, который приносит поток услуг – землю, машины, сырье, природные ресурсы и трудовые навыки людей, а доход – как излишек этих услуг над затратами на восполнение запаса богатства. Следовательно – капитал это единственный фактор производства, весь подлежащий распределению доход состоит из процента, заработная плата это процентные платежи за человеческий капитал, а национальный доход состоит из потребительских расходов.

Конечно, здесь Фишер в конструировании реальности пошел далеко, но для современных мирохозяйственных процессов крайне важен вывод, что фактически капитал является единственным фактором производства, что он

представляет собой однородный «вечный фон» производительной силы, что один капитальный актив может быть превращен в другой без ущерба для потребления. Именно это определяет имманентную сущность и логику глобализации, в первую очередь, как финансовой глобализации.

Для примера приведем одно из типичных определений: «Глобализация экономики - сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, она облегчает хозяйственное взаимодействие между государствами, создает условия для доступа стран к передовым достижениям человечества, обеспечивает экономию ресурсов, стимулирует мировой прогресс. С другой, глобализация несет негативные последствия: закрепление периферийной модели экономики, потеря своих ресурсов странами, не входящими в «золотой миллиард», разорение малого бизнеса, распространение на слабые страны глобализации конкуренции, снижение уровня жизни и др. Сделать плоды глобализации доступными максимальному числу стран - одна из задач, стоящих перед мировым сообществом» [251]. Последнее предложение-утверждение, являющееся также типичным, наглядно иллюстрирует метафизическую природу экономической доктрины глобализации. Уже в определении находится и поддержка, и отрицание «одной из задач» мирового сообщества. При этом нам никогда не объясняют, что же следует из этих противоречий? Каков механизм решения такой задачи? Но «красной нитью» проходит, что теоретическое описание – это и есть теория.

Финансовая глобализация фиксирует и расширяет возможности мировых центров доминирования при ослаблении перспектив «периферии». Эта тенденция традиционно считается негативным последствием глобализации. Позитивными плодами считают не только рост доступности передовых технологий для всего населения и экономик периферии, но и диффузию, а скорее, экспорт западных идеологий. При этом следует отметить, что современная политология и экономика формально лишена неких «цензурных механизмов», но по существу тенденциозна, проводя четкую границу между теми кто «окультуривает», кого уже «окультуривают» и теми, кого надо «окультуривать». Как результат считается, что даже и само деление на центр и периферию обусловлено не столько различиями в параметрах социально-экономического развития, сколько глубиной проникновения европейских традиций в жизнь их народов [см., напр.: 244].

Однако, на наш взгляд, трудно согласиться с популярными утверждениями, что для мировой системы капитала, «базовым риском стал мировой кризис ментальности, чреватый войной между двумя основными цивилизациями – христианской и исламской» [68, С.93]. Для мирового капитала важна общность институциональной среды, касающаяся базисного единства условий движения и перелива капитала. И можно еще добавить, как мы определили выше, определенная общность, согласованность взаимных восприятий, определенных действий по отношению к конкретному предмету. То есть, помимо конкретных условий движения и перелива капитала важны еще и взаимные ожидания, определяющие взаимозависимость и предсказуемость коллективных действий. Что касается привлечения ментальности, да еще в контексте «христианство-мусульманство» – это во многом наслоение, мешающее взглянуть на суть вещей.

Да, действительно, современная модель глобального развития, закрепляющая проблему межстрановой и внутристрановой дифференциации, закономерно приводит к идеям об альтернативном развитии стран, не считающихся «развитыми». Ответы сложившемуся миропорядку – региональные исламские проекты (наиболее четко механизм альтернативы отражен в «ливийской альтернативе» («третья мировая теория»), сформулированной М. Каддафи и проекты экономической интеграции арабских стран [138]). Реализация этих идей отодвинута современными военно-политическими результатами в арабских странах на много десятилетий, а при дальнейших усилиях демократических сил – навсегда. Но причина этого не «кризис ментальности», а установление и защита необходимой унификации глобальных правил поведения той самой «большой вещи» – капитала. Подтверждением «неисламского» характера альтернативных концепций развития служат не только история отношений Ливии и Венесуэлы, но и безусловное сходство, например, «боливарианской доктрины» Уго Чавеса с идеологией Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии в контексте приверженности «левым» ценностям [61]. Общим является и интеграционная идея. Так, ряд исследователей обоснованно считает не только социально востребованной, но и рациональной задачей всех государств Латинской Америки (без заметных исключений) формировать альтернативную экономическую систему, группируясь вокруг идей социальной концентрации и общеконтинентальной консолидации [233]. Однако, говоря о «рациональности», нужно сделать существенную оговорку – «нереализуемой рациональности».

Таким образом, современная экономическая теория не дает ответа – каким образом в рамках современного мироустройства можно устранить проблему неравенств, которые потенциально могут привести к конфликтам. Поэтому зачастую строятся некие идеальные модели. В них, без всяких внешних причин, принципиально меняются цели развития: от максимизации прибыли, экспансионных идей и т.д., до идей равенства, свободы развития каждого государства, каждой личности, построения идеальных моделей устойчивого развития и т.д.

Эти теоретические концепции и производные от них конструкты (доминирующий пример - концепция устойчивого развития) порождены целым спектром взаимосвязанных причин. Перечислим лишь некоторые. Первая – политическая конъюнктура, то есть, ряд «неудобств» и «противоречий», порождаемых современным глобальным капитализмом, рассасывается одномоментной трансформацией декларированных идей развития. Вторая – новые, «правильные» декларируемые ценности входят в противоречие с практическими шагами, в том числе правительств развитых стран – поборников западных общечеловеческих ценностей. Это закономерно порождает «реакцию отторжения» действительности, хотя бы на уровне экономической теории. Третья – при восприятии развития глобализации как поступательного линейного процесса действительно проявляется ее тупиковый характер. Отсюда – закономерные попытки «доказать неотвратимость перехода от традиционного догоняющего развития к новой, более современной синергетической модели... В новой модели все субъекты хозяйства – от государства до каждого индивида – начинают играть по принципиально иным правилам. Следуя им, они выступают

творческими партнерами и конкурентами как на национальном, так и на мировом рынке. Тем самым они получают равные шансы на успех» [68, С.95].

Маловероятный характер этих концепций позволяет сделать главный вывод рассмотрения существующих теоретических конструкций, касающихся проблематики дифференциации социально-экономического развития.

Современные модели глобального разрешения противоречий крайне общи и вряд ли дают что-либо к практике управления, кроме надежды в том, что как-нибудь, само собой все образуется. На региональном уровне концепции «центр-периферия» также мало применимы к решению практических проблем.

Российский опыт исследования социально-экономической дифференциации. Что касается отечественных исследований, то следует отметить огромное количество работ по указанной проблематике. Достаточно существенен и внешний интерес, демонстрируемый системой управления. Яркий пример - ФЦП «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ (2002-2010 годы и до 2015 года)», так и не доведенная до завершения по срокам и результатам. Вместе с тем, обращает внимание крайняя скупость отражения теоретических построений по проблеме дифференциации социально-экономического развития [7, 28, 91, 111, 158, 159, 192, 201, 207, 232].

На поверхности большинства исследований проблема социально-экономической дифференциации пространства России состоит из нескольких признанных тезисов. Более подробно состоятельность этих тезисов будет рассмотрена в последующих параграфах настоящей монографии. В этом разделе приведем краткую версию анализа.

Первый, широко распространенный тезис - о росте межрегиональной дифференциации в России. Специфика его применения, нередко, вне контекста что именно растет. Приведем типовые фразы из учебников для вузов: межрегиональная дифференциация в России составляет 19 раз и продолжает расти, в другом пособии уже цифры другие - 8 раз и т.д. Типичен и пример констатации «главных современных трансформационных тенденций в российском экономическом пространстве: продолжающееся усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации (неоднородности пространства);...» [63]. При этом никаких ни критериев, ни показателей, по которым формулируются подобные утверждения, не приводится.

Другая особенность применения тезиса о росте дифференциации заключается в частом использовании в научных исследованиях, учебных пособиях для вузов, формальных нормативно-правовых документах, в том числе и федерального уровня, всевозможных сравнений наименьшего и наибольшего значения какого-либо показателя в «наилучшем» и «наихудшем» регионе. Результатом исследований, основанных на таком сравнении, являются следующие выводы. Например: «межрегиональная дифференциация к концу 2000 г. составляет по среднему душевому объему промышленной продукции почти 64 раза, по соотношению среднему душевому денежному доходу населения и величине прожиточного минимума – более чем 8 раз и т.д.» [126]; «дифференциация уровня развития регионов не только не снизится, но, наоборот, увеличится почти вдвое» [97] (речь идет о трехлетнем периоде – *добавлено автором – Т.С.*). Однако в представленных примерах фиксируется только размах между показателями и не оцениваются объективные тенденции развития межрегиональной дифференциации для всех регионов. Результат –

искажение представлений о тенденции отдельными экстремальными значениями. То есть, фактически рассматривается дифференциация между 2-мя регионами РФ, оставляя в стороне, что имеется еще 81 субъект РФ (согласно современной системе федеративного устройства).

Критический анализ практикуемых методов оценки межрегиональной дифференциации и новые методы оценки представлены в ряде авторских работ [5, 30, 33, 36, 37, 39, 194, 208, 222, 226]. Выявленная специфика существующих технологий оценки феномена дифференциации не подтверждает утверждений ряда исследователей, что методология диагностики проблемы неравномерности социально-экономического развития пространства достаточно хорошо разработана.

Второй незыблемый тезис - межрегиональную дифференциацию в России надо сокращать, опять же вне контекста, что именно надо сокращать и почему. Типичный пример такой установки вышеназванная ФЦП, целью которой в Паспорте программы обозначено – «сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ, уменьшение разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами к 2010 году в 1,5 раза, а к 2015 г. - в 2 раза».

Такие тезисы опасны своим чрезмерно общим характером. Опасность, конечно, умозрачна при реализации исследовательских задач, но реальна при выработке управленческих решений. Результат – формирование не менее размытых задач относительно ресурсных возможностей вышеназванной Программы. Так, задачи «формирование условий для развития регионов, социально-экономические показатели которых ниже среднего по стране; создание благоприятной среды для развития предпринимательской деятельности и улучшения инвестиционного климата; повышение эффективности государственной поддержки субъектов РФ» несопоставимы с ресурсными возможностями (за период реальных сроков реализации Программы 2002-2006 годов фактическое финансирование составило 22183 млн руб.).

Относительно постулата о необходимости сокращения межрегиональных отличий, мы стоим на более прагматических позициях. С точки зрения любых пространственных социально-экономических систем, дифференциация – неотъемлемое свойство компонентов системы, прослеживаемое по количественным признакам. И базовая задача, которая позволит устранить проблему достоверности результатов исследования межрегиональной асимметрии, заключается в разработке методологии и корректных методов обобщения информации.

Отдельно отметим негативное влияние недостаточно обоснованных тезисов о специфике регионального развития для системы высшей школы [175, 212, 229]. Огромное количество мультипликативно воспроизводящихся учебников, учебных пособий повторяет и повторяет нередко эфемерные воззрения на тенденции регионального развития. В результате неоднократно приходится в практике работы сталкиваться с менеджерами, имеющими за спиной только тезисы, не всегда отвечающие региональной действительности, которые не подвергаются сомнению. В контексте приоритетности количественных характеристик развития региональных проблем над теоретическими построениями, отметим, что при подготовке специалистов в сфере государственного и муниципального управления следует больше внимания уделять количественным методам анализа. Отметим, что эта проблема обсуждается и в учебной литературе [152, 177, 245].

Некоторые выводы и перспективы исследований проблемы социально-экономической дифференциации. Итак, бесперспективность практического решения проблемы социально-экономической дифференциации пространства связана, как минимум, с тремя факторами. Во-первых, расплывчаты теоретические основания проблемы асимметричности пространственного развития. Во-вторых, фантомные цели для практики регулирования. В-третьих, недостаточность использования существующих возможностей статистических методов в типовых схемах количественной оценки феномена дифференциации. То есть, отсутствует та самая «совершенная простота», лежащая в основе мироустройства, позволяющая сложить мозаику разнообразия феномена неравномерности развития в целостную картину.

На наш взгляд продуктивными усилиями раскрытия проблемы асимметричности социально-экономического развития, в частности России, является последовательное преодоление следующих ступеней.

Первая – формирование методологии анализа социально-экономической дифференциации, включая разработку и формулировку ключевых методологических положений, обоснование использования типовых и разработку новых корректных методик сопоставлений.

Вторая – интегрированная оценка специфики, тенденций, возможно, закономерностей, развития феномена дифференциации.

Третья ступень – проверка теоретических представлений результатами измерений.

Четвертая – формулировка перспективных научно-методических мер регулирования пространственного развития РФ, учитывающих новые соотношения социально-экономических характеристик, возможности и приоритеты.

В следующих параграфах рассматриваются результаты наших количественных оценок феномена асимметричности социально-экономического регионального пространства России. Полагаем, движение по этим ступеням позволит углубить теоретические представления об объективных предпосылках, направлениях, механизмах формирования асимметричности социально-экономического пространства РФ, определить действительные факты, причины, возможности и перспективы формирования системы сбалансированного развития субъектов РФ в новых экономических условиях.

3.2 Основные подходы и система базовых показателей оценки межрегиональной социально-экономической дифференциации

Основные подходы к исследованию межрегиональной дифференциации. Вопросы формирования методологии оценки асимметричности развития социально-экономического пространства РФ неоднократно являлись предметом обсуждения в ряде исследований, в том числе и авторских [6, 9, 18, 24, 32, 163, 218]. Особенно подробное и комплексное рассмотрение теоретико-методологических и методических вопросов оценки феномена дифференциации представлено в работах С.В. Баранова и В.П. Самариной.

Среди многообразных подходов к оценке межрегиональной дифференциации, выделяется два основных.

Первый подход - изучение различий между регионами на основе совместного анализа соответствующих показателей с целью построения

рейтингов (комплексных оценок) регионов. С точки зрения табличного представления данных региональной статистики (строка таблицы содержит значение показателей для соответствующего региона) этот подход представляет собой исследование дифференциации по строкам и при практическом применении позволяет оценить положение региона относительно общероссийского уровня.

Множество рассмотренных нами методов и построенных на их основе методик объединяет основная идея - возможность построения относительно простыми средствами упорядоченных оценок сравнительного положения регионов России. На основе рассмотрения наиболее распространенных методик, как исследовательских, так и используемых в практике управления территориальным развитием, выявлены достоинства: 1) простота расчетов, 2) простота и естественность интерпретации результатов, 3) как правило, комплексный характер. Вместе с тем, этот подход позволяет только ранжировать регионы, а не количественно устанавливать меру дифференциации [подробнее см.: 9, 17, 20, 217, 224].

Второй подход заключается в исследовании отличий по каждой из выявленных составляющих регионального развития, характеризуемой каким-либо показателем. С точки зрения табличного представления данных региональной статистики (строка таблицы содержит значения показателей для соответствующего региона) этот подход представляет собой исследование дифференциации по столбцам. В основе - анализ данных по регионам с целью построения рейтингов дифференциации показателей [9, 44].

В рамках этого подхода удается использовать фундаментальные разработки в области исследования экономического неравенства – методы, аналогичные тем, которые применяются при исследовании неравенства доходов (кривая Лоренца, индекс Джини), перцентильные отношения.

Положительные стороны методик, использующих этот подход: 1) инструментарий многократно апробирован и зарекомендовал себя как универсальное средство для характеристики неравномерности распределения анализируемых величин; 2) количественно характеризует меру отличий регионов по какому-либо индикатору (или показателю); 3) удобен при исследовании динамики процесса (коэффициент Джини безразмерен, перцентильные отношения также не требуют дефлирования).

Основной недостаток использования аналога коэффициента Джини для характеристики неравномерности развития регионов Российской Федерации - некоторое усреднение оценки. То есть, значения показателей аномально отстающих или наиболее благополучных групп регионов не выделяются в полученных результатах. Частично проблема решается использованием децильных отношений [подробнее см.: 9, 21, 34, 157, 168, 286]. Другой способ – переход к эконометрическим моделям и сравнение полученных параметров и свойств [15, 76, 206, 225, 246, 274, 276, 280, 286, 287].

Комплекс базовых показателей оценки. При формировании комплекса показателей, характеризующих различные составляющие социально-экономического развития регионов РФ, учтен опыт разработок Министерство экономического развития РФ, Министерства регионального развития, СОПС по сравнительной оценке социально-экономического развития регионов РФ, а также по формированию целевых индикаторов (показателей), представленных в нормативно-правовых документах, определяющих достижение декларируемых

целей сбалансированного территориального развития России, исследовательский опыт изучения феномена дифференциации [230, С.43-44].

Сформировано три системных блока, каждый из которых состоит из нескольких показателей. 1. Производственный блок: ВРП на душу населения (показатель 1); объем внешнеторгового оборота (суммарного объема экспорта и импорта) на душу населения (показатель 3); финансовая обеспеченность региона на душу населения (показатель 4); общий объем розничного товарооборота и платных услуг на душу населения (показатель 9).

2. Ресурсно-инфраструктурный блок: объем инвестиций в основной капитал на душу населения (показатель 2); процентная доля занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике (показатель 5); уровень работающего населения (процентная доля работающих к экономически активному населению) (показатель 6); основные фонды отраслей экономики (по полной балансовой стоимости и с учетом степени удорожания капитальных затрат) на душу населения (показатель 10).

3. Социальный блок: процентное соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума (показатель 7); процентная доля населения с доходами выше прожиточного минимума (показатель 8).

Отметим специфику представления материала - после названия дан номер показателя. Этот номер используется в последующих таблицах, в которых представлены результаты расчетов. То есть, для удобства представления результатов расчетов в табличной форме название показателя заменено его номером.

3.3. Оценки и тенденции региональных различий, включая выделение северного аспекта проблемы дифференциации

В этом разделе приведены результаты интегрированной оценки по комплексу методик в рамках каждого из подходов оценки межрегиональной дифференциации, описанных в предшествующем параграфе 3.2. По каждой из методик расчеты произведены по 10 показателям, описанным в параграфе 3.2, за период с 1998 по 2013 гг. по всем субъектам РФ (за исключением Чеченской Республики, Республики Крым и города федерального значения Севастополь по причине неполноты или статистических выбросов в данных).

Первый подход – построение комплексных оценок по уровню социально-экономического развития. В расчетах использована типовая методика («по среднему мест»). Напомним, эта методика использовалась нами для подтверждения связи развития ИКТ и социально-экономических характеристик субъектов Российской Федерации. Там же методика представлена подробно. Здесь только напомним сущность и последовательность итераций.

На первом этапе по каждому из базовых индикаторов определяется ранг каждого региона, начиная с региона, демонстрирующего наилучшее значение (первое место), и заканчивая наихудшим значением (последнее место). На втором этапе по каждому из показателей для каждого региона рассчитывается балльная оценка (среднероссийское значение принимается равным нулю) как разность между рангом среднероссийского значения и рангом какого-либо региона в общем ряду ранжирования. На третьем этапе по каждому региону приведенные балльные оценки суммируются по всем базовым индикаторам с

последующим делением на количество учитываемых показателей. Затем, регионы разбиваются на группы согласно полученной комплексной оценке.

Считается, что искомая оценка объективно характеризует состояние каждого субъекта РФ в сравнении с другими регионами. Результаты оценки широко используются не только для регулирования регионального развития РФ, но и в научных исследованиях для аргументации выводов по особенностям развития феномена межрегиональной дифференциации.

Как уже отмечалось в предшествующих разделах монографии, популярность вызвана простотой интерпретации и наглядностью результатов оценки. То есть, сразу видно, какое место занимает объект среди других объектов. Однако были представлены существенные недостатки, порождаемые такой методической схемой (подробнее см. параграф 3.2). Фактически эта методика позволяет только ранжировать регионы, не позволяет количественно оценить насколько хуже/лучше положение объекта относительно других. Поясним, даже в наименее дифференцированных системах отличия будут всегда, пускай и очень малые. Следовательно, будут те же самые «места». То есть, методика по сумме мест дает абсолютно одинаковую информацию и в сильно отличающейся группе объектов, и в практически идентичных объектах другой группы. Поэтому методика не может служить непосредственно для оценки межрегиональной дифференциации социально-экономического развития.

Тем не менее, представим десятку «наилучших» и десятку «наихудших» субъектов (табл. 3.1).

Отметим, по 2003 г. кроме количественной оценки, указаны места, занимаемые регионом относительно других субъектов РФ. Эта информация не представляет интерес для анализа межрегиональных отличий. Однако, учитывая значительное число субъектов, для удобства восприятия информации регионы в таблице расположены именно по занимаемым местам в 2003 г. Показатели оценки построены по принципу «чем больше показатель, тем лучше», поэтому, чем больше значение оценки, тем выше уровень социально-экономического развития субъекта относительно других субъектов РФ. Напомним, знак оценки определяется исходя из рейтинговой оценки по методике «среднего мест», фактически положительное значение рейтинга указывает, что среднее мест региональных показателей больше среднего мест среднероссийских значений, и меньше, – если рейтинг отрицателен.

Как и в наших предшествующих исследованиях [34, 225, 256], обращает внимание динамичность, с которой каждый год меняются региональные оценки. Это объясняется изменчивостью исходных показателей.

Наилучшие позиции в комплексной оценке, как правило, занимают субъекты Российской Федерации: Ямало-Ненецкий АО, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО, Ненецкий АО, г. Москва, Магаданская область, Сахалинская область, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург и др. Обращает внимание, что среди этих субъектов присутствуют как оба города федерального значения, так и преимущественно добывающие субъекты РФ.

Худшие результаты комплексной оценки демонстрируют: Республика Алтай, Псковская область, Республика Марий Эл, Курганская область, Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Алтай, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Калмыкия, Республика Тыва и др. В этот перечень включены либо регионы со сложной политической обстановкой и традиционно экономически слабые субъекты РФ.

Табл. 3.1. Комплексные оценки регионов по уровню социально-экономического развития

Регион	1998	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
г. Москва	70.28	76.16 (1)	62.05	49.97	61.20	59.09	67.32	54.31	63.49	72.18	69.00	66.02
Ямало-Ненецкий АО	68.14	72.30 (2)	69.19	66.03	64.90	75.03	67.95	78.85	70.01	66.89	70.00	66.90
Ненецкий АО	34.90	56.79 (3)	71.46	63.62	56.34	65.91	64.14	51.00	55.54	49.74	63.99	60.04
Ханты-Мансийский АО	44.42	51.96 (4)	58.64	45.19	44.49	19.52	29.39	32.99	15.42	34.16	29.59	30.78
Самарская область	13.82	22.99 (5)	5.42	4.16	25.13	21.89	15.01	10.60	9.98	12.00	11.09	14.00
г. Санкт-Петербург	26.34	16.60 (6)	17.08	12.21	19.17	18.25	9.99	18.93	8.44	-7.04	17.89	12.09
Сахалинская область	-34.23	15.93 (7)	4.44	-17.34	14.64	9.05	19.13	-4.71	12.29	8.23	10.15	9.23
Мурманская область	4.10	14.71 (8)	2.19	1.42	14.00	6.95	12.03	19.61	6.19	5.43	6.90	10.00
Тюменская область	18.60	9.94 (9)	20.40	57.66	10.07	10.35	9.02	9.44	11.40	8.68	9.30	12.92
Липецкая область	5.31	9.06 (10)	4.54	6.45	12.15	6.28	-3.99	8.33	-1.98	2.50	4.80	-1.90
Краснодарский край	-2.39	7.33 (11)	-3.56	-2.60	6.11	13.08	9.50	7.04	3.99	6.87	3.08	9.59
Пермский край	6.62	7.14 (12)	3.38	4.17	6.64	3.99	4.50	9.60	4.12	3.18	4.90	4.59
Республика Башкортостан	5.94	6.63 (13)	2.12	2.18	9.44	6.47	5.89	-5.93	1.88	-2.61	2.77	5.54
Калининградская область	-8.44	5.03 (14)	-3.88	-4.66	-2.29	-1.83	4.88	6.01	7.41	4.62	-0.88	1.98
Республика Коми	5.16	5.01 (15)	4.41	4.62	1.95	3.54	-1.59	2.53	-2.63	-1.12	1.55	-1.69
Ростовская область	5.08	4.86 (16)	-2.83	-2.05	5.49	-5.49	4.25	5.76	-3.73	-1.81	-3.40	0.25
Хабаровский край	3.61	4.76 (17)	-3.73	-0.89	1.19	-5.83	-5.00	5.01	1.41	-2.62	-4.88	-3.01
Нижегородская область	4.64	4.21 (18)	4.84	3.24	-4.80	-4.70	5.15	-3.06	-1.86	-4.34	-4.77	-0.15
Оренбургская область	2.45	3.46 (19)	-1.76	-1.44	-5.38	-1.40	3.22	0.21	-1.94	1.24	-1.49	0.72
Томская область	3.54	3.00 (20)	1.84	4.56	5.08	2.35	1.53	1.50	-6.73	1.88	2.55	1.03
Ярославская область	7.64	2.50 (21)	6.73	2.81	3.82	-2.35	0.53	1.51	4.03	1.81	-1.78	1.03
Белгородская область	4.21	2.49 (22)	-4.41	-2.40	2.90	-1.16	-3.03	-1.67	-0.34	2.00	1.06	3.03
Волгоградская область	-0.37	-0.67 (23)	-4.34	1.82	-1.03	-2.26	-0.03	1.77	-2.00	-0.89	-2.90	-0.43
Пензенская область	-3.51	-0.94 (24)	-0.85	-1.01	-4.33	-3.50	-2.05	-2.71	-4.77	-1.94	-2.50	-2.55
Омская область	3.76	-1.11 (25)	-5.77	-3.94	4.09	-1.30	-1.95	-2.40	-3.19	-0.07	-1.39	-2.99
Кировская область	-6.44	-1.44 (26)	-2.19	-1.07	-0.84	-2.03	-2.39	-5.58	-1.97	-1.92	-2.13	-2.99
Алтайский край	-2.09	-1.52 (27)	-0.67	-0.92	-3.88	-4.67	-5.40	-2.59	-3.17	-0.29	-3.77	-5.00

Регион	1998	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Костромская область	-5.10	-1.54 (28)	-4.17	-2.28	-5.85	-1.63	-4.44	-3.54	-2.90	-3.20	-2.33	-2.40
Саратовская область	-0.94	-1.57 (29)	-0.99	-0.89	-1.90	-3.20	-5.00	-2.63	1.99	-2.39	-3.27	-4.00
Республика Бурятия	-4.06	-1.63 (30)	-1.56	-1.39	-2.34	-4.22	-3.24	-0.66	-1.72	-3.18	-4.20	-3.04
Республика Адыгея	-5.97	-1.66 (31)	-2.22	-2.18	0.70	-7.85	2.78	-1.69	-4.60	-2.36	-5.85	-2.88
Московская область	4.52	-1.69 (32)	4.60	2.36	11.70	10.88	-2.68	-4.69	3.80	-1.36	5.80	-0.98
Рязанская область	-2.35	-1.72 (33)	-4.24	-1.67	-1.87	-1.61	0.06	-1.72	-1.70	-3.24	-1.51	-0.03
Новосибирская область	-8.07	-1.78 (34)	-4.89	-2.27	-10.99	-9.06	-5.58	-11.88	-4.56	-1.27	-8.16	-9.58
Ульяновская область	4.84	-1.78 (35)	-1.23	-1.47	-5.65	-1.02	-3.50	-2.78	-4.23	-3.47	-4.00	-3.55
Республика Удмуртия	-1.32	-1.79 (36)	-2.09	-2.61	-0.35	-4.29	-2.08	-1.99	-2.10	-2.69	-4.99	-3.00
Ивановская область	-1.24	-1.81 (37)	-4.68	-11.68	-6.22	-3.69	-5.59	-4.01	-6.60	-9.68	-8.99	-5.40
Еврейская авт. область	-4.30	-1.94 (38)	-1.67	-1.50	-2.87	-3.48	-1.49	-1.94	-1.67	-1.50	-2.48	-2.40
Курская область	2.82	-1.99 (39)	-0.78	-0.79	-3.13	-2.08	-1.22	-3.24	-1.08	-2.70	-2.00	-1.20
Республика Кабардино-Балкария	-1.72	-2.00 (40)	-2.93	-2.15	-3.82	-4.91	-1.46	-3.00	-3.99	-2.79	-4.78	-3.49
Орловская область	-2.47	-2.03 (41)	-4.41	-1.79	-4.22	-8.01	-4.90	-4.93	-3.41	-2.09	-5.00	-4.98
Щековская область	-3.71	-2.05 (42)	-6.71	-2.69	-3.88	-2.39	-2.28	-3.05	-5.70	-4.60	-4.39	-2.88
Владимирская область	-0.93	-2.06 (43)	-1.91	-1.82	-2.10	-1.41	-0.05	-1.89	-2.00	-1.88	-1.40	-0.06
Приморский край	-5.62	-2.11 (44)	-3.60	-3.28	-7.46	-3.10	-3.66	-6.55	-2.11	-2.60	-2.10	-4.66
Архангельская область	-1.51	-2.16 (45)	-3.55	-1.09	-1.38	-1.19	-2.99	-3.07	-2.12	-2.99	-1.99	-2.09
Тамбовская область	-2.84	-2.16 (46)	-3.05	-3.93	-2.35	-3.15	-3.82	-4.19	-2.98	-2.30	-3.95	-4.82
Амурская область	-1.11	-2.19 (47)	-1.73	-1.41	-3.06	-3.00	-0.59	-1.49	-2.90	-1.06	-3.44	-2.59
Республика Мордовия	-2.38	-2.19 (48)	-1.02	-4.29	-2.26	1.45	-0.02	3.81	-2.42	0.06	1.55	-0.34
Астраханская область	-1.82	-2.42 (49)	3.06	1.41	3.45	-2.02	-5.89	-2.92	-2.06	-1.41	-2.56	-3.39
Республика Карелия	-6.96	-2.42 (50)	-1.30	-0.52	-3.10	-3.07	-1.97	-4.09	-2.95	-2.42	-3.00	-2.98
Кемеровская область	6.23	-2.54 (51)	-3.02	-2.65	-0.57	0.18	-4.00	-2.50	-2.02	-3.05	-0.88	-4.90
Смоленская область	-5.36	-2.55 (52)	-4.27	-2.04	-3.22	-4.80	-1.64	-0.87	-2.08	-2.99	-4.88	-3.65
Республика Чувашия	-4.22	-2.59 (53)	-2.15	-1.01	-1.65	-2.64	-1.90	-1.99	-3.10	-3.01	-2.84	-2.00
Брянская область	-3.63	-2.61 (54)	-0.65	-0.82	-2.66	-1.93	-2.29	-2.76	1.14	-2.61	-1.99	-2.28

Регион	1998	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Свердловская область	3.42	-2.67 (55)	1.60	3.90	2.20	1.39	-1.01	-2.89	1.88	-2.67	1.00	-1.71
Калужская область	-19.83	-2.71 (56)	-1.43	-2.43	-2.88	-2.49	-1.08	-1.55	-1.77	-3.40	-5.99	-1.88
Курганская область	-1.69	-2.88 (57)	-3.55	-5.05	-3.00	-1.40	-1.43	-3.09	-2.99	-5.85	-2.47	-3.43
Камчатский край	9.61	-2.89 (58)	-2.29	-3.85	-3.33	-1.67	-1.93	-1.80	-3.19	-4.09	-1.78	-4.93
Карачаево-Черкесская Республика	-2.81	-2.98 (59)	-4.25	-2.48	-3.16	1.28	0.14	-0.54	-1.90	-3.00	-3.20	-0.24
Республика Марий Эл	-8.45	-3.07 (60)	-1.93	-1.57	-5.56	-4.60	-3.09	-3.09	-2.00	-3.88	-4.66	-5.02
Новгородская область	3.81	-3.15 (61)	-1.85	-2.06	3.45	2.00	-0.10	-0.95	-0.85	-1.69	1.00	-0.10
Тульская область	5.90	-3.26 (62)	-2.00	-1.32	-2.22	-2.76	1.60	-2.78	-2.12	-2.02	-2.66	0.60
Иркутская область	4.99	-3.28 (63)	-2.62	-1.99	4.90	-3.19	-3.12	-2.28	-2.08	-2.09	-3.09	-3.10
Красноярский край	10.25	-3.28 (64)	-3.51	1.75	5.98	11.17	12.39	-8.12	-6.54	-3.51	4.17	6.09
Республика Хакасия	-6.74	-3.36 (65)	-4.03	-3.16	-3.09	-4.09	-2.67	-4.89	-5.13	-3.96	-4.89	-4.77
Ленинградская область	-13.63	-3.83 (66)	10.92	7.92	10.00	8.98	10.05	11.12	9.52	7.92	8.21	10.09
Ставропольский край	-3.57	-4.03 (67)	-3.38	-2.73	-4.55	-3.24	-6.21	-4.76	-4.55	-4.03	-3.74	-5.20
Республика Татарстан	6.09	-4.05 (68)	3.41	2.97	6.09	12.05	13.71	12.95	2.76	-4.05	5.05	3.11
Тверская область	-5.01	-4.15 (69)	-4.50	-3.21	3.60	4.56	1.74	-2.76	-0.09	-3.41	-2.56	0.74
Вологодская область	8.48	-4.41 (70)	3.47	1.82	-5.06	6.34	4.00	-3.09	4.79	-4.45	-3.64	2.60
Забайкальский край	-8.16	-4.48 (71)	-1.70	-3.45	-5.75	-5.04	-4.22	-3.46	-2.00	-3.32	-5.00	-2.86
Республика Саха (Якутия)	2.98	-4.60 (72)	3.54	4.40	4.66	5.09	4.77	4.12	-3.54	4.40	4.09	5.07
Республика Тыва	-8.08	-4.87 (73)	-7.15	-3.97	-8.69	-6.80	-7.78	-4.99	-5.33	-6.00	-6.00	-5.75
Магаданская область	-12.35	-5.79 (74)	-7.37	6.56	-8.00	-7.04	-9.00	-6.03	-5.90	-6.32	-7.00	-6.90
Воронежская область	-3.01	-5.92 (75)	-3.54	-2.61	-2.88	-2.09	-1.48	-3.00	-2.54	-1.88	-2.00	-3.98
Челябинская область	1.12	-6.90 (76)	-1.59	-0.84	4.39	-0.98	-0.90	-2.23	-1.04	-5.32	-3.91	-2.00
Республика Северная Осетия-Алания	-4.81	-7.86 (77)	-1.17	-4.59	-5.78	-6.72	-9.59	-10.89	-6.17	-5.78	-7.02	-7.09
Республика Ингушетия	-13.00	-12.62 (78)	-49.14	-46.38	-10.68	-11.69	-21.39	-22.87	-18.84	-25.01	-17.63	-20.65
Республика Дагестан	-15.58	-19.03 (79)	-4.83	-5.18	-8.43	-7.52	-10.21	-10.51	-16.22	-19.88	-9.58	-10.20
Чукотский АО	-11.87	-36.12 (80)	-49.83	-58.53	-31.87	-29.43	-17.08	-25.90	-38.51	-40.02	-30.33	-27.00
Республика Калмыкия	-13.68	-45.61 (81)	-5.67	-5.51	-10.03	-11.39	-7.45	-18.34	-28.61	-25.67	-21.39	-17.48
Республика Алтай	-5.52	-60.77 (82)	-3.50	-3.15	-4.32	-6.34	-7.87	-4.89	-8.33	-10.07	-6.84	-6.82

Что касается арктических субъектов, то из регионов, полностью расположенных в зоне Арктики, можно отметить следующие особенности. «Плохие» позиции занимает только Чукотский АО. Остальные субъекты демонстрируют высокие или «срединные» позиции. Напомним, что регионы, полностью расположенные в зоне Арктики, включают территории Мурманской области, Ненецкого АО, Чукотского АО, Ямало-Ненецкого АО.

Отметим, несмотря на то, что территория Архангельская область считается не полностью расположенной в Арктической зоне РФ (АЗРФ), в рамках исследования социально-экономической реальности, ее следует также включать в группу регионов, которые полностью расположены в этой зоне. Обусловлено тем, что основные населенные пункты Архангельской области расположены в АЗРФ - Территории муниципальных образований «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Новая Земля», «Город Новодвинск», «Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск». Позиции Архангельской области – средние среди субъектов РФ (табл. 3.1).

С позиций глобальных и макроэкономических движений относительно успешные позиции регионов зоны Арктики объясняются повышенным присутствием государства в вопросах социально-экономической жизнедеятельности. Подробнее о специфике государственного управления на Севере и его арктической составляющей рассказано в четвертой главе настоящей монографии.

Второй подход основан на использовании фундаментальных разработки в области исследования экономического неравенства – индекс дифференциации показателей RDI (аналог индекса Джини), децильные отношения.

Индексы региональной дифференциации (RDI) рассчитаны за период 1998-2013 (табл. 3.2).

Табл. 3.2. Индексы региональной дифференциации, RDI, для всей РФ

год	№ показателя									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1998	0.26	0.45	0.54	0.25	0.26	0.01	0.20	0.12	0.23	0.24
1999	0.29	0.49	0.57	0.28	0.26	0.01	0.21	0.19	0.25	0.24
2000	0.29	0.57	0.58	0.33	0.27	0.01	0.22	0.14	0.25	0.24
2001	0.30	0.54	0.69	0.29	0.33	0.01	0.22	0.14	0.23	0.24
2002	0.29	0.56	0.63	0.24	0.27	0.01	0.18	0.12	0.21	0.28
2003	0.30	0.54	0.61	0.35	0.28	0.01	0.43	0.13	0.29	0.37
2004	0.30	0.57	0.72	0.28	0.27	0	0.18	0.10	0.22	0.29
2005	0.30	0.56	0.78	0.28	0.28	0	0.18	0.09	0.21	0.31
2006	0.30	0.54	0.68	0.29	0.29	0.01	0.20	0.09	0.21	0.30
2007	0.31	0.52	0.60	0.30	0.27	0.01	0.21	0.10	0.25	0.29
2008	0.32	0.55	0.69	0.28	0.30	0.01	0.20	0.12	0.23	0.31
2009	0.30	0.54	0.71	0.29	0.29	0.01	0.21	0.11	0.24	0.31
2010	0.29	0.57	0.67	0.29	0.28	0.01	0.16	0.09	0.25	0.29
2011	0.30	0.58	0.68	0.28	0.28	0.01	0.17	0.10	0.24	0.27
2012	0.33	0.57	0.66	0.29	0.27	0.01	0.18	0.09	0.21	0.26
2013	0.31	0.60	0.69	0.30	0.27	0.01	0.19	0.11	0.21	0.30

Производственный блок характеризуется наибольшей дифференциацией. Так, по ВРП на душу населения (показатель 1) минимум (0.26 или 26%) а максимум (0.33); по объему внешнеторгового оборота на душу (показатель 3) - изменяется в пределах 0,54-0,78 (общая тенденция увеличения неравенства);

финансовая обеспеченность региона на душу (показатель 4) – изменяется в пределах 0,25 -0,35; общий объему розничного товарооборота и платных услуг на душу (показатель 9) – 0,21-0,29.

Ресурсно-инфраструктурный блок в целом характеризуется меньшей дифференциацией за исключением показателя - объем инвестиций в основной капитал на душу населения (показатель 2) – изменяется в пределах 0,45-0,60. По этому показателю следует отметить нечеткую тенденцию увеличения. Дополнительный анализ показал отсутствие связи с динамикой ВРП. Обращает внимание устойчивость отсутствия дифференциации по показателю «уровень работающего населения» (показатель 6). На эту особенность мы с соавторами обращаем внимание на протяжении последних 15 лет. Видимо, повышенное внимание вопросу дифференциации по этому показателю вызвано преимущественно конъюнктурными соображениями. Следует подчеркнуть, что сложившаяся ситуация с безработицей свидетельствует о корректности политики в сфере трудовых отношений.

Социальный блок характеризуется наименьшей дифференциацией. Четкая тенденция сокращения дифференциации отсутствует. По процентному соотношению среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума (показатель 7) – значения колеблются в пределах 0,16-0,22 (за исключением необъясненного нами выброса в 2003 г.), дифференциация показателя «процентная доля населения с доходами выше прожиточного минимума» (показатель 8) – от 0,19 до 0,09.

Децильные отношения рассчитаны за период 1998-2013. Динамика отношений 9-го дециля к 1-му приведена в таблице 3.3. Отметим, анализ каждого дециля, тех конкретных регионов, которые попадают в исследуемые отношения (или выбывают из них), анализ причин этого, представляет отдельный интерес. Детальный анализ децильных отношений приведен в работе [230]. Относительно указанной работы в настоящем исследовании добавлено в расчет два года – 2012 и 2013 гг. Учитывая, что заметных изменений не произошло, здесь отметим только общие характеристики процессов.

Табл. 3.3. Децильные отношения

год	№ показателя									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1998	3.14	4.20	18.46	2.74	2.78	1.06	2.20	1.94	2.88	2.96
1999	2.86	4.34	16.03	2.64	3.16	1.04	2.22	2.56	3.22	2.86
2000	2.96	6.72	16.92	2.69	3.29	1.04	2.47	1.91	3.12	2.97
2001	2.75	6.57	16.80	2.61	4.86	1.03	2.34	1.84	2.94	3.10
2002	2.63	6.96	29.74	2.26	2.83	1.03	1.91	1.66	2.71	3.71
2003	3.87	6.23	17.95	4.53	3.17	1.05	7.08	1.93	3.26	3.41
2004	2.52	7.15	21.88	2.64	2.75	-	1.89	1.54	2.40	3.78
2005	2.57	5.93	3.63	2.70	3.25	-	1.99	1.43	2.35	4.63
2006	2.76	6.17	18.99	3.09	4.01	1.03	2.10	1.58	3.00	4.95
2007	2.34	6.63	17.08	2.89	3.85	1.02	1.76	1.52	2.81	3.90
2008	3.02	7.19	23.00	2.10	3.79	1.04	1.00	1.50	2.99	2.88
2009	2.79	7.01	21.03	2.18	3.98	1.05	2.00	1.49	3.12	2.79
2010	2.33	6.41	19.01	2.67	3.85	1.04	1.34	1.21	2.17	3.00
2011	2.98	6.08	18.99	2.80	4.03	1.03	1.21	1.32	2.78	3.31
2012	2.63	6.40	17.78	2.77	3.95	1.03	1.30	1.50	2.16	3.20
2013	2.88	6.18	18.92	2.79	3.53	1.02	1.27	1.33	2.15	3.01

По производственному блоку показателей, по-прежнему, наблюдаются: во-первых, значительные отличия между «наилучшими» и «наихудшими» регионами; во-вторых, отсутствие четких тенденций.

Наиболее существенные отличия демонстрирует объем внешнеторгового оборота на душу населения (показатель 3), финансовая обеспеченность региона на душу (показатель 4). Эту особенность, по-прежнему, мы объясняем разной специализацией экономик регионов. Стабильно проявляется негативная особенность - значительность разрыва между децилями по общему объему розничного товарооборота и платных услуг на душу населения (показатель 9), устойчиво составляющие около 3-х раз.

По ресурсно-инфраструктурному блоку ожидаемо велики различия по объему инвестиций в основной капитал на душу населения (показатель 2). По-прежнему, сохраняются значительные различия по показателю «процентная доля занятых на малых предприятиях» (показатель 5) с тенденцией увеличения разрыва. Соотнесение с данными о дифференциации по безработице свидетельствует о разной значимости сектора малого бизнеса в экономике регионов. Обращает внимание, что даже по критерию децильных отношений, фактически улавливающих «разрыв» между группами с наибольшими и наименьшими значениями по какому-либо показателю, уровень работающего населения (показатель 6) значимой дифференциации не обнаруживает – отношение не превышает 1,06. По основным фондам отраслей экономики на душу населения (показатель 10) вначале просматривалась тенденция к увеличению различий, однако с 2007 г. она была прервана. Это косвенно свидетельствует о диверсификации экономики страны, то есть, уже не только добывающие и перерабатывающие субъекты и города федерального значения являются лидерами по основным фондам, «подтягиваются» и другие субъекты.

Социальный блок и по критерию децильных отношений демонстрирует позитивные изменения дифференциации по показателям-индикаторам оценки. Так, процентное соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума (показатель 7) в 2011 г сокращается до 1,21 раза. Однако в целом можно констатировать, что разрыв между 10% «наилучших» и 10% «наихудших» субъектов РФ незначителен относительно частоты упоминания проблемы дифференциации по доходам населения регионов РФ (резкое изменение значения показателя до 7,08 в 2003 г. не нашло у нас объяснения). По процентной доле населения с доходами выше прожиточного минимума (показатель 8) ситуация также относительно благополучна и общая тенденция сокращения различий (изменения в пределах 1,21-2,56). По этой составляющей в 1999 г. (2.56 – максимум) по 2002 г. (1.66 – минимум) – то есть, тенденция устойчивого уменьшения.

Подводя итоги, отметим. Анализ значений RDI и децильных отношений повторяет результаты наших предшествующих исследований - не выявлено явных тенденций в изменении межрегиональных различий по большинству показателей. Таким образом, по-прежнему не подтверждается устоявшийся тезис о росте межрегиональной дифференциации. Сохраняется выявленная нами ранее [40, 200, 219, 230], безусловно, положительная особенность – низкая дифференциация по основным социальным показателям, отсутствие межрегиональных различий по уровню безработицы.

Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКИМ СЕВЕРОМ И АРКТИКОЙ В КОНТЕКСТЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

4.1. Отражение проблем Севера и Арктики в современных исследованиях

Фундаментальные разработки Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН, основанные на огромном массиве информационно-аналитического материала по проблематике развития Севера и его арктической составляющей, указывают, что сущность научной задачи обеспечения сбалансированного развития российского Севера и Арктики заключается во множестве проблем и противоречий [45, 46, 72, 73, 74, 89, 90, 92, 95, 135, 137, 167, 182, 185, 187, 195, 202]. Наши исследования отражения глобальных ритмов в региональной динамике, представленные в первой главе настоящей монографии, позволяют свести это множество к 4-м иерархически соподчиненным базовым противоречиям.

I противоречие (глобальный уровень) – между усилением геополитического значения российской Арктики в условиях современной однополярности мира, мирового обострения борьбы за ресурсы, в том числе за ресурсы Арктики, и одновременным снижением протекционнизма и компенсационности в управлении процессами освоения и «обживания» этой территории.

II противоречие (национальный уровень) – между ростом значения ресурсов Арктики для национальной экономики (как безальтернативного средства достижения инновационных целей развития, создания конкурентных преимуществ при производстве продукции и т.д.) и одновременным развитием деструктивных процессов в экономике и социальной сфере на этих территориях.

III противоречие (отраслевой уровень) – между инновационными задачами развития, ориентированными на возникновение российских инноваций преимущественно вне природоэксплуатирующей сферы, и добывающими отраслями, составляющими основу национальной экономики в настоящее время и в обозримой перспективе развития, формирующими реальный спрос на инновации.

IV противоречие (координационный уровень) – между насущной необходимостью обеспечения социально-экономического восстановления и развития российской Арктики на основе долговременных, стратегически определенных приоритетов, целей, задач и отсутствием единства взглядов управленцев, ученых, населения РФ на перспективы развития и специфику позиционирования этого региона.

В период СССР Север и его арктическая составляющая определяли развитие страны, обеспечивали рост ее экономики, генерировали спрос на инновации, требовали научного присутствия, создавали условия устойчивого развития коренных народов Севера как неразрывной части увеличивающегося социума этих территорий. Наши исследования показывают, что постсоветский период российского Севера и Арктики – зона сокращения социально-экономического задела периода СССР, зона потерь. Несмотря на внимание органов власти и управления к развитию Арктической зоны Российской Федерации, проявляющееся в последние несколько лет, до сих пор справедливо утверждать, что это следствие фундаментальных противоречий, обозначенных выше. Насущная необходимость разрешения этих противоречий диктует

несомненную значимость исследований социального и экономического развития Севера и Арктики. В этой связи представляет интерес рассмотрение состояния исследований в России и в мире по указанной проблематике.

О фундаментальности проблем развития российского Севера и Арктики. Анализ современных исследований позволяет констатировать, что фиксируется нарастание социально-экономических проблем Севера [43, 199, 202, 211, 214, 117, 118], сопровождающихся усилением структурных диспропорций экономики [26, 89, 118, 161, 198, 242, 248], нарастанием транспортной недостаточности, включая ухудшение транспортной доступности большинства населенных пунктов [119, 120, 183, 184], исчерпанием поискового задела, созданного в период СССР и препятствий его воспроизводства [94, 209, 284].

На наш взгляд, фундаментальность всех этих проблем, неизбежно включающая составляющую «трудноразрешаемости», определяется базисной причиной. Она заключается в продекларированной ориентации на определяющее развитие, вплоть до доминирования в наполнении бюджета, инновационного сектора. Такой подход противоречит реальности, что закономерно приводит к искажениям в экономике. Так, декларированное инновационное развитие России требует инновационной модели экономики. Оставляя в стороне обсуждение достижимости требований инновационной модели, перечислим ее необходимые характеристики: относительно низкие налоги, минимальное управляющее вмешательство государства в экономические отношения, хорошо специфицированные и защищенные права собственности, высококонкурентная бизнес-среда, развитый и независимый банковский сектор и т.д. Без этих условий создать инновационный комплекс-наполнитель бюджета невозможно. Реальность страны другая - эксплуатация природных ресурсов определяет социальную и экономическую жизнедеятельность России. В обозримой перспективе именно минерально-сырьевой комплекс будет по-прежнему определять конкурентные преимущества России в глобальной экономике, служить донором бюджета, основой модернизации и потребителем высоких технологий [150, 153, 156, 164, 169, 170, 171, 176, 231, 247, 275, 281]. И эта реальность требует добывающей модели экономики, характеризуемой высокими налогами добывающего сектора, «выравнивающей» социальной политикой, повышенным присутствием государства в системообразующих отраслях и стратегически важных регионах, развитием обрабатывающих производств на основе современных технологий, приоритетами восполнения минерально-сырьевой базы [6, 25, 26, 162, 165, 166, 201, 210, 284]. Проблема неприятия в управлении ориентации на добывающую модель связана часто в смешении принципиально разных понятий «развитие инноваций» и «инновационная модель экономики». Пример - добывающая модель экономики Норвегии ни в коей мере не отрицает инновации, а наоборот генерирует спрос на них, особенно в природоэксплуатирующей и обрабатывающей отраслях – наполнителях доходной части бюджета.

Причины видимости благополучия развития АЗРФ. Проявившееся в последние годы повышенное управленческое внимание к экономическим процессам в АЗРФ и добывающий сектор, зависимый от активизации добычи в этой зоне, привели к естественным процессам, которые внешне нивелируют остроту проблемы, как с социальных, так и с экономических позиций.

Рассмотрим социальные позиции мигрантов, адаптантов и коренных малочисленных народов Севера. Усиление внимания к вопросам коренных

малочисленных народов сделало не столь очевидными ряд негативных тенденций их жизнедеятельности [90]. Повышенная заостренность внимания на проблемах коренных малочисленных народов обеспечивает видимую «встроенность» в общемировые концепции и процессы. Однако наблюдается устойчивая тенденция обезлюживания Северо-Арктических территорий мигрантами и адаптантами и, одновременно, фиксируется незначительность внимания управления к этой проблеме. В чем причина снижения значимости решения проблем с социальных позиций? С управленческой точки зрения логика очевидна - сокращение количества населения, которых касаются социально-экономические потери территорий, сокращает и остроту проблемы [167]. Кроме того, поскольку значимых «точек роста» экономики на Северо-Арктических территориях предусмотрено немного, то социальные потери населения этих территорий не вызывают беспокойства управления. По крайней мере, беспокойства достаточной для принятия управленческих решений по более активному управлению миграционными и расселенческими процессами на территориях Севера, включая АЗРФ.

Так, согласно приоритетам региональной политики, до недавнего времени отраженным в Государственной программе Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения», утвержденной в 2014 г одним из них является решение демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения. При этом, Перечень территорий приоритетного заселения (вступил в силу с 01.01.2014 г.) не включает ни одного региона, имеющего в своем составе территории АЗРФ. Распоряжением Правительства определяется, что в этот перечень территорий приоритетного заселения включается 10 субъектов РФ: Республика Бурятия, Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Магаданская и Сахалинская области и Еврейская автономная область. Таким образом, проблема обезлюживания Севера в данном документе практически не отражается. Арктический регион ни один не включен, а из 13-ти субъектов РФ, полностью отнесенных к зоне Севера РФ, только три (Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области) могут претендовать на создание условий дополнительного стимулирования добровольного переселения соотечественников и членов их семей на постоянное жительство в эти субъекты. Текстовое описание обсуждаемой государственной программы так же подтверждает инертность региональной политики к проблеме обезлюживания Севера и его арктической составляющей. Так, согласно Перечню, территории приоритетного заселения должны соответствовать необходимым условиям: расположение на Дальнем Востоке или в Байкальском регионе; наличие границы с иностранным государством; изменение численности населения по итогам года, имеющее отрицательное значение на протяжении последних трех лет; реализация экономических и инвестиционных проектов, имеющих общенациональное значение.

Процессы обезлюживания Северо-Арктических территорий нередко стали представлять и как позитивный процесс, ведущий к уменьшению безработицы, социальной и экологической нагрузки. При этом негативный фактор, как правило, подчеркивается только один – потеря кадрового потенциала. Безусловно, такой подход является чрезвычайно поверхностным и среди ученых опирается, как правило, на мнение людей малосведующих в вопросах по северной проблематике. Например, обращаясь к работе О.Л. Петряковой, у любого исследователя Севера и

Арктики вызовет недоумение включение в исследование демографических процессов на Севере Вологодской области [123]. С точки зрения изучения истории Руси, действительно, нередко рассматривают Вологодскую область как составляющую Севера, то есть, той территории, которая издревле называлась Заволочьем (землей за волоками). Однако у современной экономики существуют иные понятия, в том числе и нормативно закрепленные, что следует считать зоной Севера, что следует считать АЗРФ и т.д. Позиции североведов, основанные на законодательстве: 1) по выделению зоны Севера для целей экономического анализа представлены в работах [6, 23, 34]; по выделению зоны Арктики [58, 284].

По нашему мнению, помимо явного фактора оскудения трудового потенциала Севера и его арктической составляющей, процессы обезлюживания проявляют невосполнимые потери социальной инфраструктуры, утраты жителей, обладающих уникальным опытом многопоколенного закрепления и обживания этих территорий, того неявного знания, которое приобретается только «многоопытным» путем преемственности [22, 43, 118, 191, 193].

Что касается экономических позиций, то видимость относительного благополучия создает два фактора.

Во-первых, мощный задел периода СССР обеспечил добывающий корпоративный сектор запасами на много лет, что ограничивает заинтересованность в проведении масштабных поисковых работ (особенно ранних стадий) собственными силами корпораций. С этих позиций объяснима и инертность добывающих предприятий в продвижении политики активизации геологоразведочных работ ранних стадий государством.

Во-вторых, созданная инфраструктура времен СССР и экономические регуляторы в целом справляются с процессами набора и размещения специалистов и рабочих для работы в условиях Крайнего Севера и Арктики [43]. Последний фактор в недалеком прошлом даже позволял рассматривать процесс вахтового освоения Северо-Арктических территорий как один из вероятных сценариев развития [119, 191]. Анализ этого сценария указывает на его тупиковый характер и заставляет обращаться к активизации программных средств управления территориальным развитием [22].

Обозначенные позиции внешнего благополучия АЗРФ носят поверхностный характер, еще раз подтверждая, что исследования и рекомендации управлению Северо-Арктическими территориями должны разрабатываться учеными и научными коллективами, обладающими многолетними накоплениями знаний о специфике Севера и Арктики. К сожалению, в последние годы активизация внимания к Арктике произвела на свет множество работ, в которых проявляется крайне поверхностное восприятие проблем социально-экономического развития и возможностей регулирования как зоны Севера в целом, так и его арктической составляющей.

Основные направления и состояние исследований социально-экономического развития Севера и Арктики. Комплексный характер основных противоречий развития Севера и АЗРФ, представленный нами выше, обозначает необходимость выбора аспекта, т.е. того конкретного угла зрения под которым следует рассматривать современное состояние исследований. Является ли важным социальный аспект? Безусловно, поскольку качество человеческой жизни среднестатистического жителя, включая характеристики безопасности, является универсальным мерилем результативности управления. Является ли важным

институциональный аспект? Безусловно, поскольку специфика институтов является отражением и качества управления, и уровня развития общества в целом. Очевидно, что этот список важнейших аспектов можно продолжить и далее. Но в чем именно в наибольшей степени проявляется именно арктическая специфика, затрагивающая в наибольшей степени основные важнейшие аспекты, и, одновременно, территориальную уникальность проявления экономико-управленческих процессов? Арктическая специфика проступает наиболее выпукло при рассмотрении социально-экономического пространства с именно ресурсных позиций, включая анализ комплекса факторов влияния, начиная от глобального до отраслевого. Назовем некоторые из них, объясняющие активность научных исследований и актуализирующие их с ресурсных позиций.

Глобальный уровень. Неравномерность распределения природных ресурсов, исчерпание запасов, сокращение возможностей открытия новых месторождений в благоприятных условиях и, одновременно, возрастающая потребность мировой экономики в полезных ископаемых неминуемо усиливает борьбу за ресурсы [59]. Давление этой причины уже повлекло территориальные потери российской Арктики. Так, согласно договора 2010 г. о разграничении «серой зоны» в Баренцевом море с Норвегией, для России навсегда потеряны территории богатые углеводородным сырьем и биоресурсами (Федеральный закон РФ от 05.04.2011 №57-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане»). Для России территориальные потери Арктики это геополитические и экономические потери. Экономические потери это не только видимые, прямые потери запасов, но и поддержание в долгосрочной перспективе основного конкурента - Норвегии на европейском рынке нефти и газа, свертывание собственного крупнейшего Штокмановского проекта, отрезанные возможности будущего по оптимизации перераспределения выгод этих спорных территорий.

Отраслевой уровень. Нарушено воспроизводство и рациональное использование минерально-сырьевого комплекса [94]. Исчерпание поискового задела АЗРФ для национальной экономики проявляется, прежде всего, в нарушении баланса между локализацией прогнозных ресурсов и приростом запасов промышленных категорий. Вместе с тем, исследования геологов указывают на новые перспективные направления проведения первичной геологоразведки даже в относительно хорошо изученной Европейской части АЗРФ [102, 103, 104, 189].

Вышесказанное определяет современную актуальность рассмотрения проблематики социально-экономического развития Севера и Арктики в контексте с вопросами оптимизации использования и развития минерально-сырьевого, включающую целый спектр экономических, социальных, правовых, естественнонаучных вопросов, рассматриваемых в различных аспектах и по различным основаниям. При этом в экономике управления, экономике природопользования, как и в целом в экономической науке, отсутствуют правила, позволяющие по простым, понятным, а главное, единым критериям выделить «правильное» направление развития, в нашем случае АЗРФ, от «неправильного». С этих позиций рассмотрение современного состояния исследований становится необозримым. Однако для обоснования и демонстрации методологического ключа построения исследований по этой проблематике мы предлагаем существующие в

мире воззрения разделить на три базисных категории: 1) нормативные утверждения в сфере геополитической проблематики; 2) воззрения в сфере проблематики социально-экономического развития Севера и Арктики; 3) представления в сфере экономики природопользования, включая естественнонаучные аспекты.

1. Нормативные утверждения в сфере геополитической проблематики Арктики. Целесообразность введения этой составляющей в научное исследование диктуется спецификой объекта (Арктики), который невозможно рассматривать вне контекста геополитики.

Нормативное знание по арктической проблематике преимущественно концентрируется ресурсами организаций, среди которых выделяются Арктический совет (АС), Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР), Европейский союз (ЕС) в рамках Северного измерения, Организация североатлантического договора (НАТО).

Деятельность и характер научных исследований, поддерживаемых АС, имеет внешний характер, как теперь принято говорить, «сберегающего» развития. Так, Декларация, принятая на 8-й министерской встрече стран-участниц АС в 2013 г. в Швеции, была посвящена дальнейшей работе по устойчивому развитию и разработке мер ответственности, которые должны принимать участники «арктической восьмерки» по защите окружающей среды. Несмотря на попытки укрепления институциональных позиций Арктического совета, в первую очередь, принятием формальных договоров – Договор о проведении поисково-спасательных работ (2010 г), Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (2013 г) – реальные позиции ограничиваются, по выражению президентской директивы США 2009 г., «форумом для обсуждения» [260]. Вместе с тем, страны «приарктические», а также другие страны, исторически не имеющие к Арктике никакого отношения, используют АС как средство для заявления и попыток доказать свой «арктический» статус с целью возможного усиления позиций в экономических процессах Арктики. Несмотря на целый ряд, в том числе и научных, изысканий в попытках найти (или опровергнуть) аргументы такого статуса, следует учитывать прагматику - попытки рассмотрения именно территориальных вопросов Арктики в рамках не только АС, но и других организаций бесперспективны.

Относительно БЕАР можно отметить, что его усилия - это региональное сотрудничество в Баренцевом регионе (Регион включает в себя области Норрботтен и Вестерботтен в Швеции, Лапландию, Кайнуу, Северная Похьянмаа в Финляндии, Нурланд, Тромс и Финнмарк в Норвегии, Архангельскую и Мурманскую области, Республику Карелия и Ненецкий Автономный округ в России), содействие комплексному развитию регионов Северо-Запада. В рамках БЕАР активизированы производственные, научные и социальные контакты. Существенная активизация региональных взаимодействий в рамках Баренц региона объясняется, как минимум, двумя причинами. Во-первых, географическим положением, способствующим естественным связям между северными территориями Европы и России. Во-вторых, общей инфраструктурной и социальной необустроенностью российской части БЕАР, что активизирует спрос российской стороны на услуги, товары и порождает соответствующее предложение развитых экономик.

Многочисленные исследования свидетельствуют об активных социальных контактах в рамках БЕАР [95, 99]. Однако объективное рассмотрение результатов

по линии именно экономического сотрудничества свидетельствует об их скромности относительно внешней социальной активности – никаких крупных международных проектов так и не было осуществлено.

Что касается ЕС, то попытки усиления ЕС в Арктике определяются серией постановлений по арктическим вопросам, подтверждений позиции на полноценное членство Еврокомиссии и Италии в АС, активизацией участия в «арктических» мероприятиях в целом. Следует констатировать общую тенденцию расширения и постепенного закрепления присутствия ЕС в Арктике. Вместе с тем, трудно согласиться с мнением зарубежных исследователей о значительном потенциале усиления присутствия ЕС в решении вопросов по Арктике [255]. Реальное проникновение ЕС в Арктику затрудняет не только целый набор конфликтов внутри ЕС, но также противодействие Канады, США, России. Попытки проникновения в решение геополитических вопросов по Арктике неполярных стран (Китая, Франции, Англии и др.) на настоящий момент могут рассматриваться только как долгосрочная перспектива, но с усилением вероятности, особенно с позиций Китая (Китай в мае 2013 года получил статус наблюдателя в Арктическом совете, кроме того, наблюдается существенное усиление политической и экономической интеграции России и Китая в 2014-2016 гг.). Вместе с тем, некоторые исследования указывают на усиление давления в СМИ по проблематике Арктики в связи с появлением новых претендентов на участие в арктических процессах. Например, исследование по заказу оргкомитета Международного Арктического форума «Арктическая тема в российских и зарубежных СМИ» [77].

Что касается НАТО, то следует полностью согласиться с отечественными и зарубежными политологами, что приоритет НАТО – борьба за ресурсы [264, 284]. Так, декларировано, что основными факторами развития блока являются «политическое состояние мирового сообщества, оперативно-стратегическая обстановка, а также запасы и распределение ресурсов на глобальном уровне». При определении приоритетов политики НАТО по безопасности в Арктике (Рейкьявик, 2009) формально установлено, что они касаются минимизации экологических рисков – последствий потепления климата, техногенных катастроф и т.д. Однако, согласно документам Оборонного колледжа НАТО и ряду докладов, не отрицается и военная активность в Арктике. Популярна в США в контексте борьбы за ресурсы точка зрения, что вопросы использования минерально-сырьевых ресурсов Арктики не должны решаться только государствами региона, в территориальных пределах которых находятся эти ресурсы. В рамках этого подхода учеными США разработана концепция, т.н. «глобального управления». Истоки концепции см., например в работе [252].

Эта концепция активно пропагандируется в ученой и вузовской среде, в том числе и в России. Например, 09.12.2013 г. в Высшей школе экономики в рамках 8-го заседания Рабочей группы по будущему российско-американских отношений, выступил проф. Университета Калифорнии О.Янг с докладом «Управление Арктикой: от теории к практике». Сущность описанной им концепции «глобального управления» состоит именно в коллективном управлении: приполярные страны должны доброжелательно взаимодействовать и быть готовыми справедливо решать возникающие споры. При этом позиционировалась обеспокоенность США усилением двусторонних взаимодействий Китая и России в Арктике [82].

2. Воззрения в сфере проблематики социально-экономического развития Севера и Арктики. Значительная политическая и экономическая активность в вопросах социально-экономического развития арктических территорий закономерно отображается в огромном количестве научных работ, освещающих различные общественные аспекты жизнедеятельности на Севере и в Арктике. В основе социально-экономических исследований ученых арктических и приарктических стран (Дания, США, Россия, Канада, Норвегии, Исландия, Швеция, Финляндия) лежит ряд общих концептуальных положений. Во-первых, необходимость сохранения количественного и качественного демографического потенциала зоны Севера и Арктики. Во-вторых, протекционизм и компенсационность в экономике и социальной сфере. В-третьих, приоритеты «неразрушающего» социально-экономического развития.

Следует отметить, что эти научные положения находят свое продолжение в социально-экономической политике и практике управления зоной зарубежного Севера и Арктики. Учитывая устойчивость концептуальных положений развития и отсутствие противоречий с политикой и управлением, большинство зарубежных современных исследований по проблематике социально-экономического развития Севера и Арктики направлены на решение прикладных вопросов. Анализ задач, поставленных межправительственными арктическими организациями, научно-исследовательскими институтами разных стран указывает на их близость по смыслу. К ним относятся: вопросы благосостояния людей, живущих на Северо-Арктических территориях; развитие образования; обеспечение равенства в доступе к товарам и услугам жителей Севера и Арктики; развитие инфраструктуры для улучшения качества жизни; адаптация социальной и экономической жизни коренных народов Арктики к современным тенденциям и нормативно-правовым требованиям. Решение последней задачи характеризуется особой противоречивостью интересов коренных народов с экономическими, социальными, этическими требованиями современного общественного развития.

Современные российские исследования по арктической проблематике отличаются от общемировых. Это объясняется объективными и субъективными факторами. Объективные факторы во многом обусловлены принципиально иным значением Севера и Арктической зоны для национальной экономики. Если в развитых странах мира – это зачастую дотационные территории, то в России это основа современного и будущего национального дохода. Напомним, четверть валового национального дохода и большую часть валютных поступлений дают Северо-Арктические территории. Например, 91% газа добывается в АЗРФ. Другой объективный фактор – уровень социально-экономического развития и темпы освоения Севера в период СССР превышали практику зарубежных стран. Однако сейчас зарубежный Север – это территория активного развития экономики и социальной сферы, опередившая задел СССР. В России – преимущественно эксплуатация результатов инфраструктурного обустройства советского периода и сокращение социально-экономической активности по целому ряду позиций. Третий объективный фактор (важнейший) – если у зарубежных арктических стран имеются ресурсы для дальнейшего планомерного развития своих арктических территорий, то у РФ, в случае дальнейших потерь инфраструктуры, человеческого капитала, ресурсов на восстановление Севера и АЗРФ не будет.

Субъективные факторы определяются базовой причиной. В отличие от развитых стран, в России заселение и закрепление населения на Севере не считается

одной из основных задач территориальной политики. Очевидная опасность для экономики и национальной безопасности такой политики продуцирует специфику отечественных работ североведов. В этих исследованиях акцентируется внимание на теретико-методологических основаниях развития Севера, аргументирующих недостаточность современной политики и предлагающих возможные варианты устойчивого развития этих территорий [2, 6, 8, 45, 73, 89, 118, 171, 213, 216, 221, 224].

3. Воззрения в сфере экономики природопользования, включая естественнонаучные аспекты. Все исследования в сфере природопользования на Севере, в конечном счете, выходят на объективное противоречие хозяйственной деятельности человека и приоритетов «сберегающего» развития. Так, промышленное освоение предполагает интенсификацию в освоении и эксплуатации природных ресурсов, развитие транспорта и производств. Вместе с тем, многочисленные, комплексные, междисциплинарные зарубежные и отечественные исследования указывают на существенные проблемы загрязнения природы Севера и Арктики [65, 66, 67, 110, 127, 131, 139, 140, 253]. Ситуация усиливается проблемой повышенной уязвимости и низкой экологической емкостью биосистем Арктики. Мировые исследования указывают, что техногенные факторы уже привели к сильнейшей трансформации естественного геохимического фона, загрязнению атмосферы, деградации растительного покрова, почвы и грунтов, внедрению вредных веществ в цепи питания, повышенной заболеваемости населения. Это обуславливает необходимость дальнейшей международной кооперации, изучения и решения проблем максимально возможного сохранения природы, разработки и реализации рациональной экологосбалансированной модели природопользования. Такое понимание полностью разделяется отечественными исследователями и политиками: «Работа в суровых условиях Арктики крайне сложна, требует серьезных финансовых затрат и поистине уникальных технологических решений. Очевидно, что приоритетом, ключевым принципом развития Арктики должно стать природосбережение, обеспечение баланса между хозяйственной деятельностью, присутствием человека и сохранением окружающей среды» (из выступления Президента РФ В.Путина на III Международном форуме «Арктика - территория диалога», 2013 г.).

Вместе с тем, следует констатировать, что если в период СССР отечественные исследования были передовыми, то сейчас наблюдается отставание по некоторым позициям в вопросах естественнонаучного изучения и технологического освоения Севера и Арктики. Автор часто бывает на международных конференциях и обоснованно может утверждать, что проблема не в кадрах ученых – проблема в недостаточности необходимого материально-технического обеспечения исследований. Однако задел, в первую очередь СССР, по арктическим исследованиям еще очень значителен. Более того, по ряду направлений в сфере экономики природопользования, геологии, геофизики конкурентоспособен и опережает имеющиеся зарубежные аналоги. В этой связи выглядят удручающими воззрения, а скорее пропаганда, некоторыми преподавателями высшей школы, мнимого отсутствия научного задела исследований Севера и Арктики. Например, в 2011 г. на семинаре Факультета мировой экономики и мировой политики ВШЭ декан факультета С. Караганов в качестве одного из аргументов «ненужности» освоения АЗРФ утверждал, что «почти все арктические ресурсы, будь то нефть или другие полезные ископаемые, являются неразведанными». Вместе с тем, в период СССР успешно выполнялась задача расширенного воспроизводства минерально-

сырьевой базы страны. К концу 1980-х обеспеченность запасами всех основных полезных ископаемых достигла многих десятков лет. Результаты геологоразведочных работ, а в постсоветский период результаты обработки имеющегося полевого материала и доразведки, сформировали комплекс общеизвестных данных о минерально-сырьевых ресурсах Севера и Арктики.

Так, в Баренцевом, Печорском, Карском морях выявлено более 200 нефтегазоперспективных объектов, открыто несколько десятков месторождений, среди них: на шельфе Баренцева (включая Печорское) моря – 11 месторождений; на шельфе Карского моря (в том числе в Тазовской и Обской губах) – 11 месторождений; на шельфе Охотского моря – 8 месторождений [129]. В Арктической зоне сконцентрирована добыча 91% природного газа и 80% (от общероссийских разведанных запасов) газа промышленных категорий [60, 71]. Материковая часть Арктики включает уникальные запасы и прогнозные ресурсы медно никелевых руд, олова, платиноидов, агрохимических руд, редких металлов и редкоземельных элементов, крупные запасы золота, алмазов, вольфрама, ртути, черных металлов, оптического сырья и поделочных камней. При этом основные ресурсы минерального сырья Арктики сосредоточены на Кольском полуострове (платиновые металлы, медно никелевые руды, титан, тантал, ниобий, редкоземельные металлы, железо, фосфор, полиметаллы, флюорит, железо, хром, марганец, золото, алмазы). Именно поэтому Кольский научный центр всегда обладал уникальными исследователями-геологами, открывшими эти месторождения и обозначившими дальнейшие перспективы поисковых исследований [115].

В целом, арктические районы – Кольский полуостров, Таймыр, Чукотка, Якутия, Норильск – содержат запасы апатитового концентрата (более 90%), никеля (85%), меди (около 60%), вольфрама (более 50%), редкоземельных элементов (более 95%), платиноидов (свыше 98% запасов), олова (более 75% разведанных запасов – Северо-Янское месторождение), ртути (основные разведанные запасы – в пределах Яно-Чукотской провинции, крупные месторождения – на полуострове Таймыр), запасы золота, серебра (около 90%), алмазов (более 99% – на территории Якутии, в Архангельской области и Таймырском АО). На шельфе и арктических архипелагах установлены запасы и прогнозные ресурсы всех категорий россыпного олова, золота, алмазов, марганца, полиметаллов, серебра, флюорита, поделочных камней, различных самоцветов, ведутся дальнейшие работы геологами [108, 109, 114, 115, 188].

Вместе с тем полномасштабные исследования Севера и АЗРФ в постсоветский период были практически остановлены. Поэтому, несмотря на относительно стабильную работу минерально-сырьевого комплекса Северо-Арктической зоны РФ, включающую увеличение добычи энергетических ресурсов в этой зоне, одной из основных проблем является исчерпание поискового задела периода СССР. По мнению экономистов и геологов для формирования этого задела необходимо усиление геологоразведочных работ ранних стадий.

Специфика российской модели недропользования (по многим позициям сходная с моделью Норвегии) определяет, что основные научно-исследовательские и ранние стадии геологоразведочных работ должно проводить государство. Связано это с тем, что добывающие компании в РФ обеспечены запасами на десятки лет вперед и не видят целесообразности вкладываться в геологоразведку (по данным аудита нефтяные компании РФ обеспечены запасами

на 20 лет, «Газпром» - более чем на 50 лет, обеспеченность железными рудами – более чем на 50 лет и т.д.). Поэтому в России за счет недропользователей осуществляется только доразведка и ввод в эксплуатацию уже известных месторождений. Государство же, признавая значимость развития Арктики, фактически отстраняется от научного, социального и промышленного развития АЗРФ. Так, за постсоветское время до середины 2014 г. Россия в АЗРФ на шельфе не пробурила ни одной поисковой скважины (По данным, озвученным в научной дискуссии «Арктический шельф России. Взгляд в будущее» в международном пресс-центре РИА «Новости» [1]). Современная тенденция падения цен на углеводороды объективно ограничила поисковые исследования в 2016 г. Это находится в противоречии с масштабными геологоразведочными работами США, Канады, Норвегии, проводящимися на регулярной основе.

Отметим, ряд объективных факторов обусловил неравномерность открытия и изучения минерально-сырьевых ресурсов Севера и АЗРФ. При этом повышенные издержки поисковых работ на Севере и в Арктике, высокие уровни геологических рисков, непредсказуемость результатов, определяют повышенные требования к качеству прогнозных геологических работ. В этой связи значимыми выглядят усилия геологической школы Кольского научного центра по научному анализу всего минерально-сырьевого потенциала Севера и АЗРФ и оценке перспективы развития этого потенциала на основе новой геодинамической парадигмы.

Кратко поясним. В науках о Земле в последнее время наметился переход от ставшей традиционной тектоники плит к глубинной плюмовой геодинамике. С восходящими плюмовыми потоками связаны и современные представления о флюидизат-эксплозивных системах, поскольку в ряде публикаций крупные специалисты по рудным месторождениям указывают на тесную связь полезных ископаемых широкого спектра представительности, в том числе благородных металлов и алмазов, с флюидизатами - эксплозивными и эруптивными брекчиями, связанными с флюидными высокотермальными мантийными потоками. Геологами-исследователями АЗРФ в пределах Печенгско-Варзугского пояса на Кольском полуострове было доказано широкое распространение флюидизат-эксплозивных систем, с которыми связаны крупные месторождения сульфидных Cu-Ni руд, месторождения и рудопроявления благородных металлов, а также признаки алмазоносной формации в основании Печенгской структуры [189]. Кроме того, по новым представлениям, с орогенной стадий развития карелид в северных регионах РФ связан и флюидный привнос углеводородов в земную кору, который привел к образованию газовых и нефтяных залежей [103, 104]. Согласно этим новым представлениям удастся уточнить перспективные направления геологоразведки АЗРФ.

Подобного рода работы были проведены в 2008 г. геологической службы США (USGS) «Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle» [290]. Ученые США оценивали вероятность обнаружения нефти и газа в Арктике путём сравнения известных геологических сведений об арктических районах с 95% всех открытых в мире месторождений нефти и газа, имеющими сходные геологические условия. В РФ тоже появляются исследования, направленные на оценку ресурсного потенциала Арктики. Например, в 2013 г. МГИМО заключило контракт с ОАО «СИБУР Холдинг» на выполнение проекта «Ресурсный потенциал Арктического пояса и геополитические условия его использования». Однако в основе таких работ

лежат уже определенные запасы минерального сырья. Вместе с тем, следует учитывать перспективы воспроизводства минерально-сырьевой базы АЗРФ. Этот аспект требует проведения комплексных междисциплинарных, а точнее, межотраслевых работ по оценке перспектив развития Севера и АЗРФ, включающих естественно-научную и общественную составляющие.

Подводя итоги, еще раз некоторые наиболее важные характеристики проблем и исследований Севера и Арктики. Во-первых, фундаментальность проблем развития социально-экономического пространства Севера и Арктики. Во-вторых, несомненную актуальность дальнейшего раскрытия этих проблем в научном, геополитическом, общественном смыслах. В-третьих, значимость развития межотраслевых работ по проблематике развития Севера и АЗРФ. Причем эти работы должны выполняться усилиями научных коллективов, обладающими детальными знаниями и многолетним опытом проведения научных исследований в зоне Севера и его арктической составляющей.

4.2. Эволюция региональной политики и управления движением социально-экономического пространства Севера

Следует определить необходимость четкого разграничения законодательства по сопровождению развития Севера России и АЗРФ. Необходимость такого разграничения диктуется различиями понятий – Север и Арктика. Отметим, что в работах по экономической проблематике эти понятия не географические, а юридические [6]. В региональной экономике (и экономическом аспекте науки о Севере – североведении) под Севером понимаются территории, обозначенные в Постановлении Совета Министров СССР 10.11.1967 г. №1029, утверждающем «Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. и от 26 сентября 1967г.» (с последующими изменениями). АЗРФ представляет собой лишь часть Севера.

По нашему мнению, АЗРФ как юридическое понятие для сопровождения социально-экономических процессов появилось 18 сентября 2008 г. В этот день были утверждены Президентом РФ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Мы считаем, что как уже особый объект управления эта зона оформилась 02.05.2014, когда в Указе Президента РФ №296 четко обозначились сухопутные территории АЗРФ. «Особенность» этого объекта заключается в том, что АЗРФ не является частью административно-территориального деления, но выделяется с точки зрения общности управления взаимосвязанными мероприятиями, научно-обоснованными проектами и планами социально-экономического развития. Таким образом, Север и АЗРФ территориально разные объекты, имеющие специфическое нормативно-правовое регулирование.

Нормативное правовое регулирование Севера России. Основным документом, сопровождающим социально-экономическую жизнедеятельность на Севере РФ является Закон РФ от 19.02.1993 №4520-1 (ред. от 31.12.2014) «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» в котором подтверждаются в сокращенном виде социальные нормы советского

времени по компенсации северянам неблагоприятных условий проживания. Исследования показывают, что сокращение гарантий и компенсаций населения Севера негативно сказалось на социальных характеристиках северных территорий [31, 34, 43, 137, 182, 213, 227, 216, 220]. Вместе с тем, отмечается усиление внимания к правам коренных малочисленных народов.

Эта особенность нашла свое отражение в целой серии нормативно-правовой литературы, которая концептуально представлена в Распоряжении Правительства РФ от 21.11.2007 №1661-р «О Концепции Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2015 года». Эта Концепция основана на положениях Конституции Российской Федерации о защите прав коренных малочисленных народов и целой серии Федеральных законов. В частности, в Федеральном законе от 07.05.2001 №49-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» устанавливаются правовые основы образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока для ведения ими на этих территориях традиционного природопользования и традиционного образа жизни. В Федеральном законе от 20.07.2000 №104-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» фиксируются общие принципы организации и деятельности общин коренных малочисленных народов, создаваемых в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, прав и законных интересов указанных коренных малочисленных народов, а также определяются правовые основы общинной формы самоуправления и государственные гарантии его осуществления. Федеральный закон от 30.04.1999 №82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов РФ, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов. Права коренных малочисленных народов подтверждаются так же в ряде других нормативных правовых актов, определяющих экономические и управленческие отношения ведения хозяйственной деятельности на северных территориях, но не касающихся непосредственно северной проблематики.

В наших исследованиях неоднократно подчеркивалось, что современное нормативное правовое сопровождение развития Севера России касается, как правило, именно вопросов коренных малочисленных народов и обеспечения ряда гарантий северянам. Именно как особый, комплексный объект государственного управления Север выпадает из законотворческой тематики с 2005 г. [23, 78, 87, 118]. Так, в 2005 г. прекратил действовать федеральный закон, непосредственно определяющий функционирование Севера России, от 19.06.1996 №78-ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации». Нормативное правовое сопровождение жизнедеятельности на Севере как комплекса взаимосвязанных целей и задач социально-экономического развития сузилось до его наименее развитой и

обжитой части – АЗРФ. Это уже другая история управления и соответствующего нормативного правового сопровождения, кратко рассмотренная нами ниже.

Нормативное правовое регулирование АЗРФ. Как отмечалось, возникновение АЗРФ как особого объекта государственной политики мы связываем с 18 сентября 2008 г. В этот день были утверждены Президентом РФ №Пр-1969 «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». При всех недостатках этого документа, которые неоднократно мы отмечали в аналитических материалах по запросам органов власти и управления, именно здесь определился не только особый объект политики, но и особая предметная область, которая впервые обозначила необходимость комплексного социально-экономического развития АЗРФ. Уточним, в период СССР также ставились масштабные задачи освоения северных территорий РФ и, действительно, уровень и комплексность социально-экономического развития территорий Крайнего Севера и приравненных к ним областям (далее – Север), были до недавнего времени несопоставимо выше лучших зарубежных аналогов. Но эти задачи освоения Севера периода СССР касались несопоставимо более широкого класса территорий, объектов, задач. Сейчас сужен и перечень задач, и территория, сжавшаяся до узкой полоски АЗРФ, которая ранее не выделялась в специфическом законодательном обеспечении и практике управления Севером.

Впоследствии перечень нормативных правовых документов по АЗРФ постепенно пополнялся. Так, в 2014 г. для создания системы координации деятельности органов государственной власти при реализации государственной политики в АЗРФ принято Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 №366 (ред. от 17.12.2014) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». И уже в этом же 2014 г. АЗРФ выделилась в особый объект уже не только политики, но и управления - мы считаем, что как объект управления АЗРФ появилась 02.05.2014, когда в Указе Президента РФ №296 четко обозначились сухопутные территории АЗРФ. Сейчас к таким территориям относятся: Мурманская область; Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа; городской округ «Воркута» (Республика Коми); ряд улусов Республики Саха (Якутия); территории городского округа города Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского района (Красноярский край); территории муниципальных образований «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Новая Земля», «Город Новодвинск», «Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск» (Архангельская область), а так же земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР.

Новизна объекта управления и задач управления привела к активной современной законотворческой фазе функционирования АЗРФ. В частности, в настоящее время идет активное обсуждение проекта федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации», принятие которого ожидается в ближайшее время. В нем определяется, что АЗРФ будет управляться и развиваться единым макрообъектом как сеть опорных зон развития (5-7 зон),

формируемых в Арктических регионах. Согласно трактовке Минэкономразвития РФ, опорные зоны – это комплексный проект планирования и обеспечения социально-экономического развития АЗРФ, направленный на достижение стратегических интересов и обеспечение национальной безопасности в Арктике, предусматривающий синхронное, взаимоувязанное применение действующих инструментов территориального и отраслевого развития и механизмов реализации инвестиционных проектов, в том числе, на принципах государственно-частного партнерства. То есть, впервые в мировой практике управления арктическими территориями развитие территории АЗРФ будет представлять собой, по сути, единый проект планирования через взаимоувязку всех региональных, отраслевых мероприятий, включая проекты федерального значения, направленных на социально-экономическое развитие АЗРФ, на этапах планирования, целеполагания, финансирования и реализации в целях оптимизации расходов всей системы бюджетов РФ.

Этот принципиально новый подход потребует изменения, как действующего нормативно-правового поля, так и принятия новых документов. Например, формирование опорных зон потребует изменений в Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 №437 «О министерстве экономического развития Российской Федерации», изменения в законе 21.02.1992 №2395-1 «О недрах» требуются в связи с предполагаемым продлением сроков предоставления участков недр, расположенных в границах АЗРФ и т.д. Принятие новых документов видится, в частности, в необходимости принятия постановлений Правительства: «О создании опорных зон развития в Арктике»; уже активно обсуждаемом в научных кругах «О государственном плане научных исследований, направленных на решение задач комплексного социально-экономического развития АЗРФ» и многих других.

Значимость социально-экономического развития Севера России находится в противоречии с постепенным сокращением принципа протекционизма в территориальной политике и соответствующим нормативно-правовом обеспечении жизнедеятельности этих территорий. Нормативно-правовое сопровождение жизнедеятельности на Севере как комплекса взаимосвязанных целей и задач социально-экономического развития сузилось до его наименее развитой и обжитой части – АЗРФ. Нормативно-правовое регулирование территориального развития позволяет утверждать - впервые в мировой практике развитие территории АЗРФ будет представлять собой единый проект планирования через взаимоувязку сети опорных зон развития в Арктических регионах. Этот подход является важным и обоснованным. Однако следует вернуться к практике признания всей зоны Севера особым объектом государственного управления. Так, например, очевидно, что опорные зоны «вылезут» за пределы АЗРФ. Учитывая, что предусматривается ряд льгот для этих территорий непосредственно расположенных в зоне АЗРФ, это принесет ряд значительных проблем для управления этими специфическими объектами. Учет северной специфики позволит оптимизировать систему социально-экономического развития и систему государственного регулирования остропроблемной зоны Севера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение основных типов движений макроэкономических и региональных систем позволило выделить их достоинства и ограничения в применении к исследованию реальных трансформационных процессов.

Показано, что поступательный подход логически приводит к постулированию прогрессивного характера, единых стандартов развития регионов. Такие представления отражают реально существующие значимые тенденции регионального развития, но не позволяют учитывать феномен циклов и волн социально-экономического развития, многовариантность развития, стагнацию и деградацию региональных систем. Названный подход целесообразен в исследованиях, основанных на изучении отдельных событий и фактов, особенностей конкретных регионов.

Циклически-волновой подход позволяет определить существенно больше альтернатив и вариантов развития региональных систем, отойти от представлений о закономерно прогрессивном характере их развития, определить теснейшую связь порядка и хаоса в каждый момент их движения, предсказать, какие прогрессивные факторы в одном витке эволюционного цикла будут являться регрессивными в другом. Он позволяет исследователям акцентировать внимание на связях прогрессивных и негативных факторов регионального развития с тенденциями мировой экономики, соответствии производительных сил субъектов РФ развитию нового технологического уклада и т.д.

Обобщение и систематизация позиций ученых, представляющих разные отрасли науки, о характере циклически-волновых процессов позволили автору сформулировать и аргументировать положения, значимые для исследования процессов регионального развития. 1) Неизбежное усложнение региональной системы под воздействием внешних факторов не может быть непрерывным и, как правило, сколько-нибудь длительным. 2) Значительные изменения структуры региональной системы, усложнения взаимодействий и углубление взаимозависимостей ее элементов указывают на усиление воздействия глобальных процессов. 3) Существенная модификация взаимосвязей элементов региональной системы с внешней средой свидетельствует о ее малой способности сопротивляться глобальным воздействиям.

С этих позиций выделено два существенных момента в исследовании региональных процессов:

1. значительные преобразования региональных систем свидетельствуют: потенциал реагирования субъектов РФ на глобальные процессы ограничен; воздействие мировых экономических процессов на территориальное развитие усиливается. Следовательно, стихийное воздействие экзогенных процессов на субъекты РФ должно быть частично погашено взвешенной региональной политикой, которая должна учитывать различия каждого субъекта (от климатических особенностей до характера экономического уклада) и их готовность к унификации экономической жизни;

2. существенное и резкое усиление процессов взаимозависимости в экономике России, реализуемое на разных уровнях (государство, регион, муниципальное образование, предприятие), свидетельствует об усложнении процессов социально-экономического развития. Для регионов РФ значительные изменения могут означать близость точки фазового перехода.

Эти два факта свидетельствуют об усиливающейся взаимозависимости внешних и внутренних процессов регионального развития РФ. Сдвиги в иную фазу развития региональной системы могут определяться факторами не только социально-экономическими, но и природными, биологическими. Тем самым автор обосновывает необходимость введения в региональную экономику теории о всеединстве.

В методологическом плане представления о всеединстве порождают для исследователя региональной экономики значительные трудности, связанные: 1) с необходимостью учета поведения огромного множества подсистем, различного рода и сложности структур, находящихся как внутри региональной системы, так и вне ее; 2) с незнанием причин, вызывающих внешние и внутренние толчки, переводящие региональную систему на качественно иной уровень развития (природу периодичности с исчерпывающей полнотой не объясняют ни одна теория).

В региональной экономике данные трудности не преодолены. Поэтому в работе рассмотрен опыт исследований социального и экономического развития, учитывающий идею всеединства, в рамках других научных дисциплин. Анализ показал, что явно или неявно в основе работ ряда авторов (В.С. Соловьев, В.И. Пантин, Ф. Бродель, Д.О. Святский, А.С. Панарин, К. Перес и др.) лежит принцип синхронизации как важнейший принцип организации природы и общества.

Его сущность состоит в согласовании и упорядочении во времени различных социальных, экономических, природных и других явлений, внешне мало связанных между собой, но определяющих характер и направление развития эволюционирующих систем, в том числе региональных.

В монографии феномен синхронизации позиционирован в качестве аксиомы общественного развития и фундаментального принципа познания поведения и развития сложных региональных систем.

В этой связи, предложен новый подход к исследованию территориальных процессов – циклически-волновой, учитывающий синхронизацию различных процессов, протекающих как внутри региональной системы, так и за ее пределами.

В результате проведенного анализа установлена ценность данного подхода для региональной экономики, позволяющего: 1) определять и учитывать опосредованные (не причинно-следственные) связи региона с пространственно разделенными событиями и явлениями; 2) объяснять региональные изменения внешне мало связанными периодическими колебаниями различных сфер мировой хозяйственной системы; 3) считать одновременное и неожиданное включение множества внутренних и внешних по отношению к региональной системе факторов закономерностью развития системы, перешедшей границы своего стабильного существования.

В результате синтеза имеющихся представлений о феномене синхронизации установлены и аргументированы теоретические основания анализа региональных процессов: 1) представления об изолированности региональных процессов в отдельных замкнутых государствах не являются истинными; 2) связи, участвующие в синхронизации пространственно разделенных региональных процессов в различных частях мировой хозяйственной системы, носят не очевидный, опосредованный характер; 3) синхронизация внешних и внутренних явлений различной природы обеспечивает качественную

перестройку какой-либо региональной системы; 4) несоответствие процессов региональной системы тенденциям и импульсам «активной среды» (по Броделю) ведет к ее смещению на мировую периферию.

Для поиска взаимосвязей между региональными процессами в России и общемировыми тенденциями развития предложено использовать методологический потенциал системы кондратьевских циклов и волн. Эвристическая ценность этих циклов для региональной экономики: 1) в их междисциплинарной природе; 2) в возможности объяснить и предсказать наличие множества поворотных точек в развитии системы; 3) в учете опосредованного взаимовлияния процессов между странами и регионами; 4) в оптимальной продолжительности этих циклов для познания региональных движений.

Фактором, инициирующим переход в новый цикл, предлагается считать инновационный рывок (согласно модели Й.Шумпетера), обеспечиваемый базисной инновацией (согласно модели Л.Нефедова).

Соотнесение динамики регионального развития в РФ с циклами Кондратьева позволило установить следующее: 1) успешное развитие базисных инноваций в период индустриализации обеспечило приоритетное экономическое развитие СССР в третьем цикле и привело к формированию интегрированной (централизованной) модели пространственной организации территории, связанной с доминированием в региональном хозяйстве крупных массовых производств и отстранением региона от возможности регулирования; 2) в четвертом цикле наблюдалось «выпадение» модели управления и пространственной организации СССР из тенденций «активной среды» мирохозяйственной системы, отсутствие предпосылок к формированию более конкурентоспособных в новых условиях сетевых регионов и отставание в производстве базисной инновации; 3) техническая логика развития пятого цикла инициировала неспособность административно-командной системы СССР противостоять рыночной организации сетевых регионов развитых стран в тиражировании базисных инноваций (информационных технологий) и привела к распаду системы.

Рассмотрение эмпирических закономерностей на техническом уровне позволило определить, что специфической чертой регионального развития в современном цикле Кондратьева является то, что ключевую функцию двигателя инновационной экономики начинает выполнять сетевой регион. Регион может быть конкурентоспособен только при наличии высокопроизводительной телекоммуникационной инфраструктуры в сочетании с распространением соответствующих средств (программного обеспечения, компьютеров), развитым человеческим капиталом.

Анализ фаз и волн мирового развития позволил определить два крайних сценария развития субъектов РФ: 1) деградация регионов и смещение страны на мировую периферию, если стихийное воздействие глобальных процессов не будет погашаться взвешенной национальной и территориальной политикой; 2) формирование сетевых регионов на основе главных статей экспорта и поиск ниш для производства и использования базисной инновации (информационных технологий), что обеспечит движение к информационному обществу.

Констатируется, что проблемы регулирования развития ИКТ являются базовыми в современной теории и практике управления России. Отмечается общая тенденция - значительные темпы роста ИКТ в России. Одновременно подчеркивается особая уязвимость сектора ИКТ в период кризиса. Приводятся

оценки статистические оценки и мнения экспертов, свидетельствующие о сокращении рынка ИКТ в России, прогнозируется сокращение и в 2016 г., но уже в 2017 г. ожидается возобновление тенденции роста. Выделена позитивная особенность - несмотря на необходимость сокращения расходов, органы власти и управления увеличили затраты на ИКТ в 2015 г.

Отмечается значимость нормативно-правовых усилий Минкомсвязи по совершенствованию и гармонизации отраслевой статистики с международными стандартами. Так, согласно Приказа Минкомсвязи РФ №515 от 07.12.2015, утверждены, гармонизированные с международными стандартами, группировки «Сектор информационно-коммуникационных технологий» и «Сектор контента и средств массовой информации». Эти группировки используются для формирования официальной статистики, в частности, для сбора макроэкономических показателей по сектору ИКТ и сектору контента и СМИ. Кроме того, эти группировки необходимы для оценки результативности реализации государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)», а так же «Стратегии развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года».

Рассмотрение специфики государственного регулирования развития ИКТ в России, позволило подчеркнуть – современная политика и практические меры информационного развития полностью соответствует международному опыту и национальным интересам России. К сожалению, движение по пути активной поддержки разработки собственного ПО, в том числе и открытой модели, начато, как минимум, на десятилетие позже возможного. Особенно отрицательная характеристика такого запаздывания обуславливается тем, что уровень развития информатизации в России еще десятилетие назад был низким. Следовательно, отсутствовал эффект привыкания российских пользователей к особенностям интерфейса ОС Windows. Именно эта привычка искажает выбор по критериям функциональности не только некоего рядового гражданина-пользователя, но и «усредненного» менеджера как государственного, так и негосударственного сектора. Выявленные особенности использования типового ПО и специфика регулирования позволили утверждать - движение по пути преимущественного использования отечественного ПО открытой модели не столь очевидно, как могло бы быть в силу объективных причин и управленческих усилий.

Особенное внимание было уделено выявлению количественных зависимостей и закономерностей развития ИКТ регионального пространства России. Позиционированы особенности такого исследования, связанные: 1) с постановкой проблемы исследования - задачи и результаты направлены на выявление перспективных направлений развития ИКТ с учетом ряда серьезных недостатков в экономике, институциональной среде; 2) с методологией исследования, предполагающей первичным количественное описание процессов и закономерностей развития ИКТ с последующим переходом к теоретическим объяснениям и формулировкам управленческих целей; 3) с авторским методическим аспектом, позволяющим статистически значимо определить связь между экономическим развитием и развитием ИКТ в регионах, количественно оценить влияние ИКТ на экономические характеристики регионов, определить формализованными методами перспективные «ниши» управления развитием ИКТ, что максимально возможно устраняет субъективную составляющую рекомендаций.

Установлена тенденция падения доли затрат на ИКТ в инвестициях в основной капитал вплоть до 2008 г., а в кризисный период доля затрат несколько увеличивается. Причем эта тенденция одинакова для всех типов регионов - регионов-локомотивов, опорных и депрессивных. Эта особенность с точки зрения управления отмечена как преимущественно позитивная, поскольку направлена на инфраструктурное обустройство элементами «новой экономики» социально-экономического пространства всех регионов РФ. В регионах-локомотивах средняя доля затрат на ИКТ в инвестициях в основной капитал ожидаемо выше, чем в остальных субъектах. Объясняется не только более высоким научно-техническим развитием, но также ориентацией современной государственной политики на приоритетное развитие ИКТ именно в регионах-локомотивах. Наблюдаемые примерно одинаковые тенденции и равная доля затрат на ИКТ в группе опорных и депрессивных регионах объясняются следующим. Опорные регионы включают сырьевые и старопромышленные субъекты РФ, спецификой которых является слабый спрос на развитие ИКТ. В случае сырьевых регионов слабость спроса определяется не только транзитным характером экономики, но и недостаточностью развития урбанистической среды. В случае старопромышленных регионов традиционные индустриальные производства, переживающие системный кризис, также не способны инициировать спрос. Вместе с тем, и усилия государства по развитию ИКТ, и общая тенденция постоянного повышения минимально необходимого уровня ИКТ в экономике инициируют необходимость определенной доли затрат на ИКТ, что объясняет сходство характеристик затрат на ИКТ в опорных и депрессивных группах регионов РФ.

Моделирование показало, в регионах России не инвестиции в основной капитал определяют затраты на ИКТ, а именно величина ВРП на душу населения, то есть, фактически возможность затрат ресурсов на ИКТ. Определено, что имеется значимая зависимость между уровнем развития ИКТ и характеристиками экономического развития субъектов РФ. Как следствие, наблюдается такой же высокий уровень межрегиональной дифференциации. Однако в настоящее время говорить о заметном влиянии ИКТ на социально-экономическое развитие каких-либо регионов РФ преждевременно.

Анализ экономико-математических моделей показал, что для управления территориальным пространством остается важным решение проблемы межрегиональной дифференциации по уровню развития ИКТ. Основные меры государственного воздействия должны касаться вопросов: 1) поддержания конкурентной среды среди компаний субъектов РФ, предоставляющих доступ к глобальным информационным сетям; 2) создания условий усиления конкурентной среды в регионах с плохим покрытием и высокой стоимостью услуг сотовой связи; 3) инициации факторов, требующих обучения и переобучения населения и персонала в сфере ИКТ; 4) более активной поддержки разработанной федеральной политики в сфере формирования собственной национальной платформы программного обеспечения практическими шагами.

Обобщены теоретические представления о феномене межрегиональной дифференциации социально-экономического развития и проверены результатами наших измерений. В рамках этой задачи показано, что одной из фундаментальных научных проблем современности является формирование экономически обоснованной модели регулирования проблемы неравномерности социально-экономического развития. Целью конкретных теоретико-

методологических и прикладных задач в рамках решения этой проблемы является сведение к минимуму тех неравенств, которые потенциально могут привести к нарастанию конфликтов, социальной напряженности, мешают сбалансированному экономическому развитию.

Однако практические результаты регулирования межстрановых, межрегиональных и межмуниципальных отличий весьма скромны. Это противоречие («актуальности» и «неразрешенности») обусловлено, как минимум, тремя факторами.

Первый фактор - современная экономическая теория не дает ответа – каким образом в рамках существующего мироустройства можно устранить проблему неравенств, которые потенциально способны привести к социальной напряженности и конфликтам. Тезис подтверждается результатами анализа теорий развитых стран (анализ нескольких конгломератов теоретических построений региональных концепций и теорий на основе моделей «центр-периферия»), региональных теорий развивающихся стран (Р. Пребиш (Аргентина), Т. Дос Сантос и С. Фуртадо (Бразилия), «боливарианская доктрина» Уго Чавеса и др.), исламских проектов («ливийской альтернатива», «третья мировая теория» М. Каддафи, проекты экономической интеграции арабских стран) и др.

Второй фактор - наблюдается неопределенность целей решения проблемы межрегиональной дифференциации, проявляемая и на уровне межстрановых, и на уровне межрегиональных отношений.

Третий фактор – недостаточность научного сопровождения управленческих решений при формировании целей, задач, оценке угроз и перспектив решения проблемы асимметричности социально-экономического пространственного развития. Тезис подтверждается, в том числе, недостаточностью использования существующих возможностей статистических методов при обосновании наиболее острых сторон проблемы межрегиональной социально-экономической дифференциации в РФ и перспектив решения средствами государственного регулирования.

Проведена интегрированная оценка развития межрегиональной социально-экономической дифференциации Российской Федерации в рамках выделенных методологических подходов к исследованию по комплексу методик, включая авторские. Выявлена мера межрегиональных отличий, охарактеризованы особенности и тенденции развития процессов межрегиональной асимметрии развития. Так, не выявлено явных тенденций в изменении межрегиональных различий по большинству показателей. Таким образом, установлена недостоверность устоявшегося тезиса о росте межрегиональной дифференциации. Отмечена положительная особенность – низкая дифференциация по основным социальным показателям, отсутствие межрегиональных различий по уровню безработицы. При этом отдельное внимание уделено субъектам зоны Арктики и установлено, что позиции этих регионов в целом следует характеризовать как относительно благополучные. Определено, что с позиций глобальных и макроэкономических движений относительно успешные позиции регионов зоны Арктики объясняются повышенным присутствием государства в вопросах социально-экономической жизнедеятельности.

Подробно рассмотрена специфика социально-экономического развития и управления Севером и Арктикой в контексте глобальных и национальных

движений. Установлено, что значимость социально-экономического развития Севера России для национальной экономики находится в противоречии с постепенным сокращением принципа протекционизма в территориальной политике и в соответствующем нормативно-правовом обеспечении жизнедеятельности этих территорий. Нормативно-правовое сопровождение жизнедеятельности на Севере как комплекса взаимосвязанных целей и задач социально-экономического развития сузилось до его наименее развитой и обжитой части – АЗРФ. Нормативно-правовое регулирование территориального развития позволяет утверждать - впервые в мировой практике развитие территории АЗРФ будет представлять собой единый проект планирования через взаимоувязку сети опорных зон развития в Арктических регионах. Этот подход является важным и обоснованным. Однако следует вернуться к практике признания всей зоны Севера особым объектом государственного управления. Учет северной специфики позволит оптимизировать систему социально-экономического развития и систему государственного регулирования этой остропроблемной зоны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. «Арктический шельф России. Взгляд в будущее» в международном пресс-центре // РИА «Новости». – URL: <http://interaffairs.ru/print.php?item=10604>
2. Акулов В.Б. Может ли быть эффективной сырьевая экономика Севера? // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. №3 (40). С.11-13.
3. Аналитический бюллетень Интернет в России // Фонд Общественное мнение, 2010-2011 Вып. 32. – URL: http://bd.fom.ru/pdf/Internet%20v%20Rossii%20Vol32.%20Zima%202010-2011_short.pdf
4. Баранов С., Скуфьина Т. Программное обеспечение в России: ситуация, проблемы, оценка издержек легализации, способы их минимизации // Проблемы прогнозирования. 2004. №4. С. 80-92.
5. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Информационно-коммуникационные технологии и экономическое развитие регионов России: поиск зависимостей и перспективных направлений регулирования // Вопросы статистики. 2014. №5. С.41-53.
6. Баранов С.В. Анализ и моделирование развития региональных систем (на примере зоны Севера) / Монография. - Воронеж: ВГУ, 2005. - 147с.
7. Баранов С.В. Базовые проблемы прогнозирования социально-экономического развития регионов // Экономические стратегии. 2010. №7-8. С.142-144.
8. Баранов С.В. Выявление условий увеличения валового регионального продукта регионов Севера России (теоретико-методические аспекты) // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. - URL: www.science-education.ru/118-14022
9. Баранов С.В. Диагностика межрегиональной дифференциации // Региональная экономика: теория и практика. 2007. №6. С.42-54.
10. Баранов С.В. Динамика экономического развития регионов России: по данным статистического анализа // Учет и статистика. 2011. №4 (24). С.95-102.
11. Баранов С.В. Информационно-коммуникационные технологии в России: о проблемах и победах // Информационное общество. 2012. №2. С.52-60.
12. Баранов С.В. Исследование межрегиональной дифференциации // Экономические науки. 2010. №4. С.113-118.
13. Баранов С.В. Как преодолеть межрегиональную дифференциацию? // Российское предпринимательство. 2009. №3. С.98-102.
14. Баранов С.В. Комплексные оценки регионов Севера по уровню социально-экономического развития // Современные проблемы науки и образования, 2012. №6.
15. Баранов С.В. Моделирование производства валового регионального продукта // Труды Института системного анализа РАН: прикладные проблемы управления макросистемами. 2008. Т. 39. С. 284-294.
16. Баранов С.В. О возможностях и некоторых проблемах инновационного развития: региональный аспект // Креативная экономика. 2009. №4. С.81-86.
17. Баранов С.В. Оценка экологической составляющей развития регионов России (на примере субъектов Севера) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия Экономические науки. 2010. №1. С.59-64.

18. Баранов С.В. Производственные функции: об истории, свойствах, проблемах и возможностях использования в региональных исследованиях // Экономический анализ: теория и практика. 2012. №47. С.11-15.
19. Баранов С.В. Процессы информатизации в России: проблемы и достижения // Фундаментальные исследования. 2015. № 4. С.185-190.
20. Баранов С.В. Рейтинги социально-экономического развития регионов Севера Российской Федерации за 1998-2007 годы // Экономические науки. 2009. №9. С.326-330.
21. Баранов С.В. Свойства методов определения положения регионов по уровню социально-экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Экономика. 2009. №19 (157). С.81-89.
22. Баранов С.В. Система долгосрочных и ведомственных целевых программ, реализуемых за счет федерального бюджета, как фактор обеспечения долгосрочных целей регионального развития (на примере Мурманской области) // Экономические науки. 2009. №1. С.266-269.
23. Баранов С.В. Статистическая оценка асимметричности экономического развития Севера и несевойной части РФ // Вопросы статистики. 2010. №4. С.44-49.
24. Баранов С.В. Технологии оценки неоднородности социально-экономического развития регионов Российской Федерации: проблемы и решения // Экономическая наука современной России. 2009. № 3 (46). С.48-55.
25. Баранов С.В. Этапы регулирования регионального развития в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. №6(18). С.34-45.
26. Баранов С.В., Самарина В.П. Системная динамика информационно-коммуникационного пространства и социально-экономическое развитие Северо-Арктических территорий: отображение проблемы в научных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.
27. Баранов С.В., Самарина В.П., Шаталова Т.А. Территориальная политика Российской Федерации и неравномерность пространственного развития // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. - URL: <http://www.science-education.ru/122-20408>
28. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Социально-экономическое прогнозирование: история, современность, проблемы преподавания // Вестник МГТУ. 2005. Т.8 Вып.2. С.201-207.
29. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Анализ информатизации Мурманской области и оценка издержек легализации типового программного обеспечения // Вопросы статистики. 2006. №3. С.84-87.
30. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Анализ межрегиональной дифференциации и построение рейтингов субъектов Российской Федерации // Вопросы экономики. 2005. №8. С.54-75.
31. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Динамика межрегиональной дифференциации 1998-2005 гг. // Федерализм. 2005. №3. С.47-76.
32. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Межрегиональные и межгородские сопоставления как особый вид научного исследования: теоретический аспект // Теория и практика общественного развития. 2011. №7. С.322-326.

33. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Моделирование производства валового регионального продукта в регионах зоны Севера и несевальной части РФ // Вопросы статистики. 2007. №2. С.57-62.
34. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Моделирование региональных систем: Монография. – Апатиты, КНЦ РАН, 2014. – 101 с.
35. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Новые методики и результаты исследования межрегиональной дифференциации на основе метода главных компонентов // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11, № 2. С.201- 210.
36. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Новые подходы к оценке межрегиональной дифференциации // Федерализм. 2005. №1. С.51-70.
37. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. О методах исследования межрегиональной дифференциации // Фундаментальные исследования. 2013. №10 (часть 7). С.1495-1499.
38. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. О перспективных направлениях регулирования развития информационно-коммуникационных технологий в России и ее регионах // Современные проблемы науки и образования. 2012. №5.
39. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Оценка межрегиональной дифференциации: методические проблемы и решения // Вестник ИНЖЕКОНА. 2007. №2 (15). С.105-112.
40. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Сравнительная динамика экономического роста и межрегиональная дифференциация территории российского Севера // Вопросы статистики. 2015. №11. С.69-77.
41. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Статистический анализ дифференциации регионов зоны Севера в общероссийском контексте // Вопросы статистики. 2005. №11. С. 35-45.
42. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Циклы Кондратьева в исследовании региональных процессов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. Т.14. №1. С.262-266.
43. Баранов С.В., Скуфьина Т.П., Серова Н.А., Шаталова Т.А. Современные векторы социально-экономического развития арктического региона - Мурманской области через призму истории // Фундаментальные исследования. 2012. №11 (часть 3). С.750-755.
44. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Об экономических последствиях землетрясения вблизи Восточного побережья Японии // Проблемы анализа риска. 2011. Т.8. №6. С.62-72.
45. Башмакова Е.П. Концептуальные подходы к формированию модели развития российского Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. Т.1. №29. С.88-92.
46. Башмакова Е.П. Экономика северного измерения России: история становления нового научного направления // Вестник Кольского научного центра РАН. 2010. №1. С.114-119.
47. Белов В.И., Н.А. Бакулин, Ю.И. Бернадский, Г.Е. Громов. Заблудились в эпохе. – Новосибирск: Новая издательская книготорговая ассоциация, 2003. – 320 с.
48. Биев А.А. Проблемы топливно-энергетического обеспечения северных регионов РФ: организационный аспект // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2010. Т.2. №26. С.6-10.

49. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. - М.: «Дело Лтд». 1994, С.568-585.
50. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. - М.: Наука, Т.3, 1992. - С.79-82.
51. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. 2-е изд. М.: Весь мир, 2006.
52. Быков В.В. Методы науки. - М.: Наука, 1974. - С.168-175.
53. Вайбер Р. Эмпирические законы сетевой экономики / Р. Вайбер // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 3. С.87-91.
54. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
55. Валлерстайн И. Мирово-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 1998. Выпуск 1. С. 105-123.
56. Вардомский Л.Б. Проблемы внешней открытости регионов в контексте развития российской экономики // Внешнеэкономические связи и региональное развитие в России. - М.: Эпикон, 1999. - С.22-46.
57. Вардомский Р.Б. Региональные проблемы внешнеэкономической либерализации в России / Автореферат на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.14. - М., 1998. - 44 с.
58. Васильев В.В. Особенности и проблемы выделения Арктики в современном законодательстве России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. №3. С.43-45.
59. Васильев В.В., Истомин А.В., Селин В.С., Жуков М.А. Борьба за природные ресурсы Арктики // ЭКО. 2007. № 1. С.41-56.
60. Виноградов А.Н., Глушенко Ю.Г., Ларичкин Ф.Д., Фадеев А.М. Минерально-сырьевой потенциал Северо-Запада и проблемы его рационального использования // Записки Горного института. 2011. Т.191. С.107-112.
61. Голинжер Е. Венесуэла: от заднего двора к многополярному миру / Геополитика: Сборник статей, опубликованных в 2010 - 2011 гг. в информационно-аналитическом журнале «Геополитика» / Под. ред. А.Г.Дугина. — М.: Евразийское Движение, 2012. С.323-328.
62. Государство переходит на Linux? // CNews.ru: Обзоры и обозрения. - URL: <http://www.cnews.ru/reviews/free/gov2009/articles/spo.shtml>
63. Гранберг А.Г. Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегий // Экономическое возрождение России: периодическое научное издание. 2004. №1. С.17.
64. Дзарасов С. Михаил Калецкий: интеллектуальное наследие // Экономическая наука современной России. 1999. №3. С.167.
65. Диагностический анализ состояния окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации / Отв. ред. Б.А. Моргунов. - М.: Научный мир, 2011. 200 с.
66. Евдокимова Г.А. Биоэкология: почвенная биота в техногенных зонах // Инженерная экология. 2007. № 4. С.38.

67. Евдокимова Г.А., Калабин Г.В., Мозгова Н.П. Содержание и токсичность тяжелых металлов в почвах зоны воздействия воздушных выбросов комбината «Североникель» // Почвоведение. 2011. №2. С.261-268.
68. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Тайна догоняющего развития // Вопросы экономики. 2013. №1. С.83.
69. Емельянова Е.Е. Совершенствование политики привлечения инвестиций на основе модели оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований Севера // Современные проблемы науки и образования. 2014. №3. С.359.
70. Емельянова Е.Е. Теоретические аспекты формирования инвестиционного климата для привлечения инвестиций в экономику города // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. Т.5. №42. С.16-20.
71. Еремин Н. А., Кондратюк А. Т., Еремин А. Н. Ресурсная база нефти и газа арктического шельфа России // Георесурсы, геоэнергетика, геополитика. 2010. №1.
72. Залкинд Л.О., Скуфьина Т.П. Государственная программа развития Арктической зоны Российской Федерации и ее влияние на социально-экономическое развитие Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. №1. С.66-73.
73. Зерщикова Н.И. Направления государственной политики Российской Федерации в освоении Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. Т. 2. № 28. С. 21-23.
74. Зерщикова Н.И. Перспективы освоения месторождений арктических зон в свете соглашений о разделе продукции // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2010. Т. 2. № 26. С.92-97.
75. ИКТ-компетенции как фактор социально-экономического развития России / Под ред. Ю.В. Хозлова, С.Б. Шапошника – М.: Институт развития информационного общества, 2012.
76. Илларионова Е.А., Самарина В.П. Теоретические и методологические аспекты экономического потенциала региона: монография. - Старый Оскол: Квадрат, 2015. - 110 с.
77. Исследование по заказу оргкомитета Международного Арктического форума «Арктическая тема в российских и зарубежных СМИ». – URL: <http://www.arctic-info.ru/Interview/Page/arctic-exploration--cooperation-or-confrontation>
78. Истомина А.В. Основные направления и приоритеты устойчивого развития Арктической зоны России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. Т. 1. № 22. С. 3-7/
79. История экономических учений: (современный этап) / Под ред. А.Г. Худокормовой. М.: ИНФРА, 1999. С.701-720.
80. ИТ (мировой рынок) – URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/>
81. Калецкий М. Очерк теории роста социалистической экономики. М.: Прогресс, 1970.
82. Карлусов В. Азиатская Арктика // Сайт Университет МГИМО – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document244283.phtml>
83. Кастельс М. Глобальный капитализм: уроки для России // Экономические стратегии. 2000. №3. С. 20.
84. Клир Дж. Системология. Автоматизация решений системных задач. – М., 1990. – С.398.

85. Кобылинская Г.В. Теоретический подход к формированию финансовой структуры экономики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. Т. 1. № 29. С.55-59.
86. Коваленко Г.В. Направления сотрудничества: СНГ - ЕврАзЭС – Россия // Региональная экономика: теория и практика. 2005. № 4. С. 60-62.
87. Кондраль Д.П. Политическое стратегирование в Арктической зоне России как механизм устойчивого развития // Вопросы управления. 2014. № 1 (7). С.27-32.
88. Коротаев А. В., Цирель С. В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS, 2009. С. 189-229.
89. Корчак Е.А. К вопросу о социальном лицензировании горнодобывающей деятельности // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 4. С. 41.
90. Корчак Е.А. Коренные народы Севера в государственных арктических стратегиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 390.
91. Крапивин Д.С. Особенности экономической политики по повышению воспроизводства основных фондов в северном регионе // Научное обозрение. 2014. № 6. С. 354-359.
92. Крапивин Д.С., Селин В.С. Совершенствование экономической политики по обновлению основных средств в северном регионе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2015. № 11-12. С. 37-41.
93. Лавровский Б., Постникова Е. Трансфертный механизм: преодолена ли кризис? // Вопросы экономики. 2005. №5. С.84-96.
94. Ларичкин Ф.Д. Проблемы изучения и рационального освоения минерально-сырьевых ресурсов Севера и Арктики // Вестник Кольского научного центра РАН. 2011. № 4. С. 15-21.
95. Ласточкина М.А., Шабунова А.А. Устойчивая разновекторность модернизации Северо-Западного федерального округа // Социологические исследования. 2015. № 2 (370). С. 49-55.
96. Лексин В., Порфирьев Б. Особенности оценки результативности и эффективности программ развития макрорегионов (на примере программы развития Арктической зоны РФ) // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 4. С. 28-36.
97. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. - М.: Эдиториал УРСС., 1997. С.40.
98. Линукс: победное шествие началось? // Сайт Open Source – URL: <http://crm.somos.ru/?p=16>
99. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 120 с.
100. Львов Д. Мы плохо работаем потому, что плохо живем // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 3. С. 24-26.

101. Малинецкий Г. Информационные технологии и вычислительные системы. Сценарии, стратегические риски, информационные технологии – URL: http://www.keldysh.ru/e-biblio/jj/s_r/jst.htm
102. Маракушев А.А., Маракушев С.А. Образование нефтяных и газовых месторождений // Литология и полезные ископаемые. 2008. №5. С.505-521.
103. Маракушев А.А., Скуфьин П.К. Базальт-Кагуситовое расщепление лав раннепротерозойской печенгской депрессии на Кольском полуострове // Доклады Академии наук. 2008. Т. 419. № 5. С. 656-660.
104. Маракушев А.А., Скуфьин П.К. Эволюция плюм-тектоники Кольского региона и углеводородное дыхание земного ядра // Материалы Международной научной конференции «Геологическая среда: пространственно-временные взаимоотношения эндогенных и экзогенных процессов», Казань, 13-16 ноября 2007. Казань: Каз.ГУ, 2007. С.148-153.
105. Маркс К. Капитал. В 3 томах / К. Маркс. - М., – Т. II. – С. 223.
106. Матурана У. Биология познания. - М.: Язык и интеллект, 1996. – С.95-142.
107. Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34655/>
108. Митрофанов Ф.П. Разработка изотопно-геохимических и геолого-петрологических критериев поисков благородных металлов – инновационный вклад в современную стратегию освоения Арктики // Вестник Кольского научного центра РАН. 2009. № 1. С. 84-88.
109. Митрофанов Ф.П., Любцов В.В., Предовский А.А., Припачкин В.А. Углеводороды и органический углерод в верхнепротерозойских отложениях Северо-Запада Кольского полуострова: значение для оценки перспектив нефтегазоносности шельфа Баренцева моря // Геология и геофизика. 1996. Т. 37. № 6.
110. Моисеенко Т.И., Калабин Г.В., Хорошавин В.Ю. Закисление водосборов арктических регионов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 2. С. 49-58.
111. Надаенко А.Ю., Самарина В.П. Государственное регулирование рынка: тенденции и инновации // В сборнике: Современная наука: проблемы и пути их решения Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Западно-Сибирский научный центр; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева. 2015. – С.445-449.
112. Надаенко А.Ю., Самарина В.П. Импортозамещение, как направление стратегического развития экономики и бизнеса в РФ на современных этапах // В сборнике: Современные тенденции развития науки и производства Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Западно-Сибирский научный центр; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева. 2016. – С.309-312.
113. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. Ежегодник / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1991.
114. Николаев А.И., Ларичкин Ф.Д., Герасимова Л.Г., Николаева О.А. Кольский полуостров – титановая провинция России // Титан. 2009. № 3 (25). С. 12-20.
115. Новые данные по геологии и полезным ископаемым Кольского полуострова / сб. ст. / Рос. акад. наук, Кол. науч. центр, Геол. ин-т; Апатиты, 2005.

116. Новый поворот в региональной политике? // Российское экспертное обозрение – URL: www.rusrev.org
117. Омелай А.Ю. Оценка продовольственной безопасности Мурманской области // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.
118. Особенности и сценарии социально-экономического развития современного Севера России: монография / Под науч. ред. Т.П. Скуфьиной. – М.: Экономика, 2010. – 238 с.
119. Павлов К.В. Особенности стратегии социально-экономического развития в регионах Севера России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 4. С. 41-48.
120. Павлов К.В., Селин В.С. проблемы, тенденции и перспективы развития грузопотоков северного морского пути // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 30 (405). С. 2-12.
121. Панасюк М.В. , Руденко А.В. Анализ развития системы «центр-периферия» региона (на примере Республики Татарстан) // Известия РАН Серия географическая. 2008. №1. С.60-72.
122. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и модернизация. – М.: Наука, 2004. – 246 с.
123. Петрякова О.Л. Статистический анализ демографической ситуации Европейского Севера РФ / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Москва, МЭСИ, 2003.
124. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
125. Подьоло Ж. Социальный порядок: принципы социологического анализа // Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. М., 1990. С.93-110.
126. Польшин А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования. М.: Эдиториал УРСС., 2003. С. 9-10.
127. Порфирьев Б.Н., Терентьев Н.Е. Эколого-климатические риски социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации // Экологический вестник России. 2016. № 1. С. 32-39.
128. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Наука, 1986, С. 266.
129. Природные ресурсы Арктики. Справка. РИАНОВОСТИ – URL: http://m.ria.ru/arctic_spravka/20100415/220120223.html
130. Прогноз IDC: падение продолжается – URL: <http://www.tadviser.ru>
131. Прокопенко О.В., Самарина В.П., Терешина М.В. и др. Устойчивое развитие предприятия, региона, общества: инновационные подходы к обеспечению: монография / под ред. О. В. Прокопенко. Польша: «Drukarnia i Studio Graficzne Omnidium», 2014. - 474 с.
132. Распоряжение Правительства РФ от 27.05.2013 №848-р. «Об утверждении перечня территорий приоритетного заселения» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146843/
133. Рассолов В.М., Самарина В.П. Формирование инвестиционного климата крупного металлургического предприятия // Современные проблемы горно-металлургического комплекса. Наука и производство: материалы Одиннадцатой Всероссийской научно-практической конференции, с международным участием. – Старый Оскол, 2014. – С. 165-169.

134. Реализация преимуществ ИКТ и экономический рост в Европе. Отчет, подготовленный Economist Intelligence Unit по заказу Microsoft. Информационный бюллетень // Информационное общество. - М., 2004. - № 5. - С. 57-72.
135. Региональная экономика и вопросы североведения: монография / коллектив авторов; под науч. ред. д.э.н., проф. В.С.Селина, д.э.н. Т.П.Скуфьиной. – Апатиты: КНЦ РАН, 2013. – 200 с.
136. Рисин И.Е., Трещевский Ю.И. Теория и практика государственного регулирования современной экономики - Москва, 2000. – 209 с.
137. Рябова Л.А. Социальные результаты трансформаций для населения Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2005. № 1. С. 57.
138. Рясов А.В. Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов». - М.: Институт востоковедения РАН, 2008.
139. Савон Д.Ю. Методологические подходы к решению проблем устойчивого развития региона // Экологический вестник России. 2014. № 1. С. 36-40.
140. Самарина В.П. «Зеленая экономика» России: некоторые вопросы теории и методологии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 2 (287). С. 2-9.
141. Самарина В.П. «Плюсы» и «минусы» вступления России во всемирную торговую организацию для черной металлургии // Экономика в промышленности. 2012. № 3. С. 23-26.
142. Самарина В.П. Анализ проблем регионального развития применительно к типам регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 42. С. 13-20.
143. Самарина В.П. Белгородская область. Устойчивое развитие: опыт, проблемы, перспективы: монография. - М.: Изд-во Ин-та устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации, 2013. 120 с.
144. Самарина В.П. Влияние горно-металлургического комплекса на состояние окружающей среды региона // Экология и промышленность России. 2007. № 9. С. 40-42.
145. Самарина В.П. Влияние факторов внешней среды на результативность инновационной деятельности российских предприятий // Инновационные подходы к решению социально-экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современного общества: материалы I международной научно-практической конференции. 2015. С. 82-86.
146. Самарина В.П. Внешнеэкономическая деятельность России на рынке черных металлов // Экономика в промышленности. 2012. № 2. С. 9-13.
147. Самарина В.П. Деятельность России в составе ВТО: прошлое, настоящее и будущее // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 325.
148. Самарина В.П. Инвестиционный потенциал как фактор эффективного развития сельских территорий Центрального Черноземья // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 1 (24). С. 28-35
149. Самарина В.П. Информационно-коммуникационного пространства для развития предприятий промышленных кластеров // Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики: сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. 2016. С. 119-123.

150. Самарина В.П. Место России среди основных мировых производителей железной руды: факты и тенденции // Современные проблемы горно-металлургического комплекса. Наука и производство: материалы Двенадцатой Всероссийской научно-практической конференции. 2015. – С. 206.
151. Самарина В.П. Основные методологические подходы к оценке неравномерности регионального социально-экономического развития и выявлению проблемных регионов России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 12. С. 65-72.
152. Самарина В.П. Основы предпринимательства. □ М.: Кнорус, 2009.
153. Самарина В.П. Особенности внедрения информационных коммуникативных технологий на российских промышленных предприятиях // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XI международной научно-практической конференции. 2016. С. 208-211.
154. Самарина В.П. Особенности оценки неравномерности социально-экономического развития регионов // Проблемы современной экономики. 2008. № 1. С. 300-303.
155. Самарина В.П. Оценка неравномерности социально-экономического развития субъектов Центрально-Черноземного экономического района // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 8. С. 33-38.
156. Самарина В.П. Оценка сложившейся ситуации на рынке вторичных черных металлов и перспективы шредерной переработки лома // Актуальные проблемы экономики и управления на предприятиях машиностроения, нефтяной и газовой промышленности в условиях инновационно-ориентированной экономики. 2013. № 1. С. 402-408.
157. Самарина В.П. Оценка факторов влияния на инновационную деятельность металлургического предприятия // European Social Science Journal. 2013. № 10-2 (37). С. 405-412.
158. Самарина В.П. Перспективы и ограничения достижения устойчивого развития Белгородской области // Научный вестник Московского государственного горного университета. 2013. № 12. С. 191-196.
159. Самарина В.П. Проблемные регионы России: Совершенствование методологии управления социально-экономическим развитием. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
160. Самарина В.П. Проблемный регион как объект анализа и управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. №5. С. 46-52.
161. Самарина В.П. Проблемы внедрения информационно-коммуникационных технологий в современную российскую промышленность // Материалы XIX Отчетной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава под редакцией С.Л. Иголкина. 2016. – С. 88-91.
162. Самарина В.П. Проблемы выбора участников частного-государственного партнерства регионального уровня // Федерализм. 2007. №2 (46). С. 83-94.
163. Самарина В.П. Проблемы сочетаемости экономического роста и эффективного природопользования в старопромышленных регионах (на примере Белгородской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 12. С. 34-42.

164. Самарина В.П. Рискни с идеями! Особенности развития венчурного предпринимательства в России // Российское предпринимательство. 2008. № 1. С. 9-13.
165. Самарина В.П. Россия в ВТО: некоторые оценки первого года // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. Т. 2. №39. С.68-74.
166. Самарина В.П. Современные проблемы развития и кризиса в социально-экономических системах // Регион: системы, экономика, управление. 2015. № 1 (28). С. 38-41.
167. Самарина В.П. Социально-экономические факторы размещения населения зоны Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2007. Т.2. №18. С.150-160.
168. Самарина В.П. Теоретические аспекты исследования эколого-экономических систем // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2006. №18. С.12-18.
169. Самарина В.П. Черная металлургия России: экономические, экологические и информационно-коммуникационные проблемы развития // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения - 2016. С. 528-532.
170. Самарина В.П. Эффект декаплинг как критерий устойчивого регионального развития // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы X международной научно-практической конференции. под ред. Ю.В. Вертаковой. 2015. С. 343-345.
171. Самарина В.П. Эффект декаплинга в экономическом развитии Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. Т. 2. №39. С. 24-30.
172. Самарина В.П., Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Особенности территориальной организации населения регионов Севера // Вестник Тюменского государственного университета. Экология и природопользование. 2007. № 3. С. 204-212.
173. Самарина В.П., Илларионова Е.А. Основные принципы выбора инструментария анализа социально-экономического развития региона // Регион: системы, экономика, управление. 2015. № 1 (28). С. 83-85.
174. Самарина В.П., Скуфьина Т.П. «Зеленая экономика» горнодобывающих регионов России: факты и тенденции // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2015. №7. С.267-272.
175. Самарина В.П., Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Перспективы развития науки и высшей школы в свете последних изменений, внесенных Высшей аттестационной комиссией // ЭКО. 2007. № 2. С.13-28.
176. Самарина В.П., Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Трансфер технологий в качестве антикризисной меры для экономики России и ее регионов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. – URL: <http://www.science-education.ru/122-20428>
177. Самарина В.П., Скуфьина Т.П., Черникова А.А. Региональная экономика и экономическая география: учебное пособие. – Старый Оскол: ТНТ, 2008. – 72 с.

178. Самарина В.П., Цемба Н.М. Приоритетные направления развития локального промышленного комплекса: монография. – Старый Оскол: Квадрат, 2015. – 120 с.
179. Самарина В.П., Черникова А.А. Некоторые аспекты экологизации производственных экономических систем // Современные проблемы горно-металлургического комплекса. Наука и производство: материалы Одиннадцатой Всероссийской научно-практической конференции, с международным участием. 2014. – С. 195-199.
180. Самарина В.П., Черникова А.А., Полева Н.А. Функциональный подход к ранжированию селитебных пространственных экономических образований // Фундаментальные исследования. 2015. № 6-3. С. 617-621.
181. Селин В.С. Проблемы современной индустриализации в России и промышленная политика на Севере // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 24. С. 9-18.
182. Селин В.С. Третья парадигма развития российской Арктики // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 21. С.17-25.
183. Серова В.А. Специфика развития транспортной системы в Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. Т.5. № 36. С. 51-56.
184. Серова В.А., Серова Н.А. Проблемы пассажирского транспорта и качество жизни // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. Т. 2. № 28. С.107-110.
185. Серова Н.А. Стратегическое управление в северных муниципалитетах России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 4. С.203-214.
186. Серова Н.А., Омелай А.Ю. Экономика Мурманской области (учебное пособие) // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 5. С. 127.
187. Серова Н.А., Скуфьина Т.П. Перспективы развития Мурманской области в условиях антироссийских санкций // Вестник Кольского научного центра РАН, 2015. №3(22). С.115-120.
188. Скуфьин П.К. Вулканизм Кольского региона. Древний Печенгско-Варзугский зеленокаменный пояс (возраст 2500-1700 млн.лет). Часть 1 / LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 376 p.
189. Скуфьин П.К. Нефтяная альтернатива человечества // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. №1. С.37-53.
190. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. К вопросу о высоких технологиях, издержках легализации и способах их уменьшения // Вопросы экономики. 2004. №2. С. 82-95.
191. Скуфьина Т. Перспективы развития Севера России // Вопросы экономики. 2010. №8. С.148-151.
192. Скуфьина Т.П., Самарина В.П. Особенности социально-экономического развития областей Центрального Черноземья // Федерализм. 2008. №1 (49). С.55-66.
193. Скуфьина Т.П. Альтернативы развития российского Севера // Региональная экономика: теория и практика. 2011. №4 (187). С.2-10.
194. Скуфьина Т.П. Анализ развития сотовой связи // Экономический анализ: теория и практика. 2011. №18 (225). С.20-24.

195. Скуфьина Т.П. Аналитический обзор проблематики исследований Севера и Арктики (на материалах докладов всероссийской научно-практической конференции «Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы») // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. №1 (38). С.3-10.
196. Скуфьина Т.П. Движение мирохозяйственных процессов и Северо-Арктические территории России // Фундаментальные исследования. 2015. №2 (часть 6). С.1269-1274.
197. Скуфьина Т.П. Комплексные фундаментальные исследования Севера и Арктики: некоторые результаты и перспективы развития при поддержке грантов // Современные проблемы науки и образования. 2013. №1 – URL: www.science-education.ru/107-7603
198. Скуфьина Т.П. Методологические положения выбора целевого сценария развития Севера России // Экономические стратегии. 2010. №7-8. С.152-157.
199. Скуфьина Т.П. Мурманская область: современный профиль и основные вехи развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3 (31). 2012.С. 130-135.
200. Скуфьина Т.П. Новая региональная политика в контексте проблемы сбалансированного развития северных территорий России // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 29 (404). С. 25-34.
201. Скуфьина Т.П. Новая региональная политика совершенствования федеративных отношений и механизмов управления в контексте развития северных территорий России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. №10-1. С.69-74 – URL: www.rae.ru/upfs/?section=content&op=show_article&article_id=5930
202. Скуфьина Т.П. О межрегиональной научно-практической конференции «Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы» // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. №1 (32). С.3-7.
203. Скуфьина Т.П. О развитии Севера России // Экономические науки. 2010. №4. С.109-113.
204. Скуфьина Т.П. Оценка потерь и достижений экономики и социальной сферы субъектов Севера Российской Федерации за годы экономических реформ (на примере Мурманской области): постановка проблемы // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 1 (29). С. 71- 74.
205. Скуфьина Т.П. Проблема асимметричности экономического развития пространства в современных исследованиях // Фундаментальные исследования. №10 (часть 3). 2013. – С.650-652 – URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10001547
206. Скуфьина Т.П. Прогнозирование динамики факторов регионального развития при формировании долгосрочной стратегии развития региона (на примере Мурманской области) // Экономические науки. 2009. №3. С.129-134.
207. Скуфьина Т.П. Пространственная неравномерность социально-экономического развития России и процессы информатизации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований". №11. 2013. С.166-170.
208. Скуфьина Т.П. Развитие информационно-коммуникационных технологий и уровень социально-экономического развития регионов России: поиск зависимостей // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник.

Вып. 8. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2013. Ч. 2. С.689-692.

209. Скуфьина Т.П. Развитие российской Арктики в условиях усиления борьбы за обладание минерально-сырьевыми ресурсами // Федерализм. 2014. №2. С.95-108.

210. Скуфьина Т.П. Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы // Успехи современного естествознания. 2013. №4. С.133-138.

211. Скуфьина Т.П. Развитие северных территорий: процессы информатизации // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2010. №2 (42). С.26-31.

212. Скуфьина Т.П. Размышление о проблемах социального развития, инновациях и преподавании экономических дисциплин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. №6 (18). С.140-147.

213. Скуфьина Т.П. Расчет транзакционных издержек потребительского рынка (по результатам обследования потребительского рынка Мурманской области) // Проблемы прогнозирования. 2003. №4. С.138-143.

214. Скуфьина Т.П. Региональная политика сбалансированного развития и северные территории России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. №5 (42). С.83-85.

215. Скуфьина Т.П. Региональное развитие России в контексте глобальных процессов // Пространственная экономика. 2007. №4. С.26-39.

216. Скуфьина Т.П. Российская Арктика: фундаментальные проблемы социально-экономического развития и позиции исследований // Фундаментальные исследования. 2012. № 11 (часть 3). С. 790-794.

217. Скуфьина Т.П. Социально-экономическая асимметрия регионов зоны Севера в общероссийском контексте // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12. №11. С. 35-38.

218. Скуфьина Т.П. Социально-экономическая дифференциация пространства: противоречия теории и практики регулирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. №6 (30). С.140-147.

219. Скуфьина Т.П. Специфика современного Севера // Экономические науки. 2009. №9. С.182-185.

220. Скуфьина Т.П. Теоретические и методические основы анализа и регулирования развития региональных систем (на примере зоны Севера): монография. - Воронеж: ВГУ, 2005. - 215 с.

221. Скуфьина Т.П. Трактовки североведения как особого направления научных исследований // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. №5. С.4-8.

222. Скуфьина Т.П. Уровень развития ИКТ и зависимость от социально-экономического положения регионов России // Современные проблемы науки и образования. 2012. №6.

223. Скуфьина Т.П. Циклоподобные колебания экономического развития в период СССР: поиск причин // Современные проблемы науки и образования. 2013. №5.

224. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Анализ и регулирование развития региональных социально-экономических систем (на примере Севера России): монография. – Апатиты: КНЦ РАН, 2007. – 153 с.

225. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Выявление специфики общественного производства России с помощью производственных функций // Проблемы развития территорий. №2 (82). 2016 С.27-36.
226. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Измерение информатизации регионального пространства России // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. - URL: <http://www.science-education.ru/121-17823>
227. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Концептуальная схема фундаментального исследования (на примере формирования модели социально-экономического развития Севера) // Фундаментальные исследования. 2014. №8 (часть 6). С.1439-1444.
228. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Региональное развитие России в свете циклически-волновых представлений // Федерализм. № 1. 2007. С.29-48.
229. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Социально-экономическое прогнозирование: проблемы науки и преподавания // Вопросы экономики. 2005. №3. С.41-48.
230. Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Самарина В.П. Эконометрическая оценка развития межрегиональной дифференциации в России и прогноз влияния ВТО на динамику процесса: монография – Апатиты: КНЦ РАН, 2015. – 150 с.
231. Скуфьина Т.П., Самарина В. П. Проявление эффекта декаплинга в промышленно развитом регионе (на примере Мурманской области) // Научный вестник МГГУ. 2013. № 12 (45). С. 205-211.
232. Скуфьина Т.П., Самарина В.П. К вопросу об обеспечении конкурентоспособности регионов России в контексте ориентиров региональной политики // Вестник университета (Государственный университет управления). Серия Развитие отраслевого и регионального управления. 2008. №4 (14). С. 149-152.
233. Слинько А.А. Неевклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке - Воронеж: Научная книга, 2010.
234. Современный регионализм: теоретическое содержание – URL: www.resep.ru
235. Советов П.М. Советов П. М. Проблемы перехода к инновационному типу развития агроэкономики // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности. Материалы научно-практической конференции, г. Вологда, 3 апреля 2014 г. – С.34-36.
236. Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. – М., Т.2, 1988. – 218 с.
237. Соревнование двух систем // Академия наук СССР. Научный совет по проблеме «Сравнительный анализ социально-экономического развития двух мировых систем». Изд-во «Наука», 1989. – С.320-327.
238. Стоимость услуг сотовой связи в регионах России (2013): основные итоги исследования ComNews Research. – URL: <http://www.comnews-research.ru/node/56>
239. Субботина Е.В., Самарина В.П. Совершенствование механизмов управления качеством окружающей среды на предприятиях горнометаллургических комплексов // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. – С. 170.
240. Субботина Е.В., Самарина В.П. Формирование нового взгляда на проблемы рационального природопользования и охраны окружающей среды // Фундаментальные исследования. 2013. № 1-1. С. 238-241.
241. Теория социальных представлений в социальной психологии. Дискуссии 80-90-х годов. М.: ИНИОН, 1996. С.5.

242. Терешина М.В., Самарина В.П. Анализ проблем развития зоны Севера в контексте типологизации регионов // Современная экономика: проблемы и решения. 2013. № 11. С. 79-90.
243. Ускова Т.В. Пространственное развитие территорий: состояние, тенденции, пути снижения рисков // Проблемы развития территории. 2015. №1 (75). С. 7-15.
244. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. - М.: Логос, 2001.
245. Ченцова Е.П., Самарина В.П., Карпов Э.А., Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Экономика организаций: задачи и тесты: учебное пособие. – Старый Оскол: ТНТ, 2009.
246. Черникова А.А., Самарина В.П., Полева Н.А. Некоторые особенности влияния экономического кризиса на регионы России // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 25. С. 8-18.
247. Черникова А.А., Самарина В.П., Полева Н.А. Эффективность деятельности российских предприятий черной металлургии на мировом рынке // Фундаментальные исследования. 2015. № 6-3. С. 643-647.
248. Шабунова А.А. Социальные факторы устойчивого развития территории // Проблемы стратегии и тактики регионального развития. 2011. Т. 3. С. 8-19.
249. Шилов А.И. Проблемы страны сквозь призму границы // Региональная экономика: теория и практика. 2005. № 3. С. 62-64.
250. Щедровицкий П.Г., В.Н. Княгинин Территориальная проекция промышленной политики в России: кто оплатит издержки глобализации / Современная национальная политика России. Сборник материалов, вып. 2 (региональный аспект) – URL: <http://www.tur.samara.ru/news.shtml>
251. Экономический словарь. – URL: <http://abc.informbureau.com/>
252. Янг О.Р. Арктика в будущем: арена конфликтов или «зона мира»? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. №2. С.244-255.
253. Alakangas L., Lundberg A., Öhlander B. Estimation of temporal changes in oxidation rates of sulphides in copper mine tailings at Laver, northern Sweden//Science of the Total Environment. -2010. -408, P. 1386-1392.
254. Andrew M. Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science / M. Andrew // The Review of Regional Studies. Vol.23. №1. Summer 1993. P.5 - 6.
255. Archer C. Beggar at the Feast? International, Regional Regulation of the Arctic: is there a role for the EU? // Enjeux et équations géopolitiques au 21ème siècle - Arctic. Geopolitical Issues and Equations in 21st the Century, Lyon: France (2010) – URL: <http://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00534383>
256. Baranov S, Skufina T, Samarina V., Shatalova T. Dynamics of interregional differentiation in Russian regions based on the level of development of information and communication technologies // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol.6, №.6, 2015, p.384-389 / DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s2p384.
257. Barnes B. The Nature of Power. Cambridge: Policy Press, 1988.
258. Bauer. Investment cycles in planned economies // Acta- Oeconomica / Vol. 21, No. 3 (1978), pp. 243-260.
259. Brynjolfsson E., Saunders A. Wired for Innovation // The MIT Press, 2010.

260. Bush George W. National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive // January 9, 2009, White House – URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm>
261. Cardona M., Kretschmer T., Strobel T. ICT and productivity: conclusions from the empirical literature // *Information Economics and Policy*. Volume 25, Issue 3, September 2013, pp. 109–125.
262. CIA, World Factbook, 1990 – URL: <http://www.gutenberg.org>
263. Cobb C.W., Douglas, P.H. A Theory of Production // *American Economic Review*, Volume 18, Issue 1, 1928, pp. 139–165.
264. Dittmer J. et al. Have you heard the one about the disappearing ice? Recasting Arctic geopolitics // *Political Geography*. 2011. T. 30. №. 4. C. 202-214; Gerhardt H. et al. Contested sovereignty in a changing Arctic // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2010. №. 4. P. 992-1002.
265. Economist Intelligence Unit – URL: <http://www.eiu.com/home.aspx>
266. Felipe J, McCombie J S L. How sound are the foundations of the aggregate production function? // *Eastern Economic Journal*, Volume 31, Issue 3, 2005, p. 467
267. Gouvea R., Kassicieh S. Bridging the innovation divide: the Brazilian experience // *Thunderbird International Business Review*. Volume 54, Issue 3, May/June 2012, pp. 275–289.
268. Gust C., Marquez J. International comparisons of productivity growth: the role of information technology and regulatory practices // *Labour economics*, Volume 11, Issue 1, 2004, pp. 33-58.
269. IMF World Economic Outlook (WEO) – URL: <http://www.imf.org>
270. Internet World Stats – URL: www.internetworldstats.com
271. Jorgenson, Dale W.; Ho, Mun S.; Stiroh, Kevin J. A Retrospective Look at the U.S. Productivity Growth Resurgence // *The Journal of Economic Perspectives*, Volume 22, Number 1, Winter 2008 , pp. 3-24(22).
272. *Life Cycles and Long Waves* / Eds T. Vasco, R. Ayetes. - N. Y.: Springer, 1990. – 34 p.
273. Majumdar S., Carare O., Chang H. Broadband adoption and firm productivity: evaluating the benefits of general purpose technology // *Industrial and Corporate Change*, Volume 19, Issue 3, 2010, pp. 641-674.
274. Samarina V. Low Power and Ecological Efficiencies in Ferrous Metallurgy as Factors of Competitiveness of Metal Production in the European Union Markets // *Development Of Economic Partnership Between Russia And The EU In The Context Of Globalization*. M., 2012. – P. 246-249.
275. Samarina V., Skufina T., Samarin A., Baranov S. Some System Problems of Russian Mining Enterprises of Ferrous Metallurgy // *International Review of Management and Marketing*. Special Issue for «Socio-Economic and Humanity-Philosophical Problems of Modern Sciences» 2016, 6(S1) 90-94. - URL: <http://econjournals.com/index.php/irmm/article/view/1882/pdf>
276. Samarina V.P. Assessment of the Impact of Economic Activity on the Degree of Overland Flow Contamination in the Zone of the Kursk-Belgorod Magnetic Anomaly: Case Study of the Oskol River // *Water Resources*. 2007. T. 34. № 5. – C. 549-553
277. Samarina V.P. Effect of Engineering-Industrial Activities in the Region of the Kursk Magnetic Anomaly on the Ecological State of the River Waters // *Geochemistry International*. 2008. T. 46. № 9. – C. 928-934.

278. Samarina V.P. Spatial and Temporal Variability of Biogenic Substances in the Oskol River Water // *Water Resources*. 2008. T.35. №3. C.346-352.
279. Samarina V.P. The Effect of a Mining and Smelting Plant on the Dynamics of Heavy Metals in Small River Basins in the Zone of Kursk-Belgorod Magnetic Anomaly // *Water Resources*. 2003. T. 30. № 5. – C. 550-558.
280. Samarina V.P., Skufina T.P, Baranov S.V. Power Efficiency of Russia's Economy: Problems of the Estimation and Increasing Directions // *Actual Problems of Economics*, №11 (173), 2015, p.127-136.
281. Samarina V.P., Skufina T.P, Baranov S.V. The place of Russia among the largest world exporters // *Actual Problems of Economics*. №1(175), 2016. p. 33-43.
282. Samarina Vera P., Skufina Tatiana P., Samarin Aleksandr V., Baranov Sergey V. Some Problems of Anti-recessionary Public Management in Russia at Present // *Management of Systems of Socio-Economic and Legal Relations in Modern Conditions of Development of Education and Society*. Vol 6, No 6 (S6), 2016, p.38-44. - URL: <http://econjournals.com/index.php/irmm/article/view/2917>
283. Schreyer P. The contribution of information and communication technology to output growth: a study of the G7 countries // *OECD Publishing*, Volume 2, 2000, pp.153-171.
284. Skufina T. P., Samarina V. P., Krachunov H., & Savon D. Yu. Problems of Russia's Arctic Development in the Context of Optimization of the Mineral Raw Materials Complex Use // *Eurasian Mining*, 2015, № 2, p.18-21
285. Skufina T., Baranov S. Complex estimation of socio-economic development of municipalities of Murmansk Region // *Baltic Rim Economies*. №4.-2011. – p.15-16.
286. Skufina T.P., Baranov S.V., Samarina V.P. Dependency between economic development of the Russian regions and their level of informatization // *Actual Problems of Economics*. №7(181), 2016. p. 485-493.
287. Skufina T., Baranov S, Samarina V., Shatalova T. Production functions in identifying the specifics of producing gross regional product of Russian Federation // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 5, Supplement 3, September 2015, p. 265-270 / DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s3p265
288. Statistical Abstract of the United States – URL: <http://www.census.gov/prod/www/abs/statab.html>
289. Syverson C. What determines productivity? // *Journal of Economic Literature*, American Economic Association, Volume 49(2), 2011, pp. 326-365.
290. U.S. Geological Survey – URL: <http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf>
291. Van Ark B., O'Mahony M., Timmer M. P. The productivity gap between Europe and the United States: trends and causes // *Journal of Economic Perspectives*. Volume 22, Issue 1, 2008, pp. 25-44.
292. Walsham G. ICTs for the Broader Development of India: An Analysis of the Literature// *Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, Volume 41, Issue 4, 2010, pp. 1–20.
293. World Economic Forum: The Networked Readiness Index 2013. URL:http://www3.weforum.org/docs/GITR/2013/GITR_OverallRankings_2013.pdf

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. РЕГИОНЫ РОССИИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ РИТМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ.....	9
1.1. Подходы к исследованию макроэкономических и региональных движений: специфика, возможности, ограничения.....	9
1.2. Теоретико-методологические аспекты ценности циклов Кондратьева в макроэкономических и региональных движениях.....	20
1.3. Циклоподобные колебания экономического развития в период СССР: поиск причин.....	22
1.4. Динамика пространственной организации России в контексте больших циклов конъюнктуры.....	28
Глава 2. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ.....	41
2.1. Специфика, проблемы и перспективы регулирования развития информационно-коммуникационных технологий в России.....	41
2.2. Значимость информационно-коммуникационных технологий для регионального социально-экономического пространства России.....	46
2.3. Информационно-коммуникационные технологии и экономическое развитие регионов России: поиск фундаментальных зависимостей и новых задач регулирования.....	48
Глава 3. ОТРАЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РАЗВИТИИ ФЕНОМЕНА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	66
3.1. Теория и практика государственного регулирования регионального развития о проблеме межрегиональной дифференциации.....	66
3.2. Основные подходы и система базовых показателей оценки межрегиональной социально-экономической дифференциации.....	75
3.3. Оценки и тенденции региональных различий, включая выделение северного аспекта проблемы дифференциации.....	77
Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И УПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКИМ СЕВЕРОМ И АРКТИКОЙ В КОНТЕКСТЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ.....	85
4.1. Отражение проблем Севера и Арктики в современных исследованиях.....	85
4.2. Эволюция региональной политики и управления движением социально-экономического пространства Севера.....	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	100
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	107

CONTENTS

	Page
INTRODUCTION.....	5
Chapter 1. REGIONS OF RUSSIA AND GLOBAL RHYTHMS OF ECONOMIC DYNAMICS.....	9
1.1. Approaches to studying macroeconomic and regional movements: specificity, potentialities, restrictions.....	9
1.2. Theoretical and methodological aspects of the value of Kondratieff cycles in macroeconomic and regional movements.....	20
1.3. Cycle-like fluctuations of economic development in the USSR period: search for the causes.....	22
1.4. Dynamics of spatial organization of Russia in the context of large cycles of conjuncture.....	28
Chapter 2. INFORMATION-COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND REGIONAL SPACE OF RUSSIA.....	41
2.1. Specificity, challenges and prospects of regulating development of information-communication technologies in Russia.....	41
2.2. Significance of information-communication technologies for regional socio-economic space of Russia.....	46
2.3. Information-communication technologies and economic development of Russian regions: search for basic dependencies and new regulation tasks.....	48
Chapter 3. REFLECTION OF GLOBAL MOVEMENTS AND THE NATIONAL POLICY IN DEVELOPMENT OF THE PHENOMENON OF INTER-REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	66
3.1. Theory and practice of state regulation of regional development on the issue of inter-regional differentiation.....	66
3.2. Main approaches and the system of basic indicators for estimating inter-regional socio-economic differentiation.....	75
3.3. Estimates and trends of regional differences including allocation of the northern aspect of the differentiation problem.....	77
Chapter 4. SOCIO-ECONOMIC SPACE AND MANAGEMENT OF THE RUSSIAN NORTH AND THE ARCTIC IN THE CONTEXT OF MACROECONOMIC MOVEMENTS.....	85
4.1. Reflection of challenges of the North and the Arctic in the contemporary research.....	85
4.2. Evolution of the regional policy and management of movement of the socio-economic space of the North.....	96
CONCLUSION.....	100
REFERENCES.....	107